

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Савран (Savran) против Дании»¹

(Жалоба № 57467/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 7 декабря 2021 г.

По делу «Савран против Дании» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Роберта Спано, *Председателя Большой Палаты Европейского Суда,*

Йона Фридрика Кьельбро,

Ксении Туркович,

Шиюфры О'Лири,

Йонко Грозева,

Дмитрия Дедова,

Эгидиуса Куриса,

Бранко Лубарды,

Армена Арутюняна,

Габриэль Кучко-Штадльмайер,

Пере Пастора Вилановы,

Алены Полачковой,

Геorgia А. Сергидеса,

Тима Эйке,

Иваны Йелич,

Лорэн Скембри Орланд,

Ани Зайберт-Фор, *судей,*

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 24 июня 2020 г., 14 апреля и 8 сентября 2021 г.,

вынес 8 сентября 2021 г. следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 57467/15) против Королевства Дания, поданной 16 ноября 2015 г. в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии

со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Турции Арыфом Савраном (далее – заявитель).

2. Интересы заявителя представляли в Европейском Суде адвокаты Тиге Триер и Андерс Бёльскифте, практикующие в г. Копенгагене. Власти Дании были представлены Уполномоченным Королевства Дания при Европейском Суде Миха-элем Браадом, сотрудником Министерства иностранных дел Дании, и Соуполномоченным Королевства Дания в Европейском Суде Ниной Хольст-Кристенсен, сотрудницей Министерства юстиции Дании.

3. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что его высылка в Турцию нарушила статью 3 Конвенции, так как у него не было реальной возможности получить в принимающей стране надлежащую и необходимую психиатрическую помощь, включающую в себя сопровождение и контроль, в связи с его заболеванием (параноидной шизофренией). Кроме того, он утверждал, что исполнение распоряжения о высылке нарушало статью 8 Конвенции.

4. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 20 июня 2017 г. жалоба была коммуницирована властям государства-ответчика. 1 октября 2019 г. Палата Четвертой Секции Суда в составе следующих судей: Пауля Лемменса, Йона Фридрика Кьельбро, Фариса Вехабовича, Юлии Антоанеллы Моток, Карло Ранзони, Стефани Муру-Викстрём, Жольены Шуккинг, судей, а также при участии Андреа Тамьетти, заместителя Секретаря Секции Суда, – вынесла Постановление по настоящему делу. Она признала жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и четырьмя голосами «за» при трех голосах «против» постановила, что высылка заявителя в Турцию приведет к нарушению статьи 3 Конвенции, а рассматривать его жалобу на нарушение статьи 8 Конвенции необязательно. К Постановлению прилагалось совместное особое мнение судей Й.Ф. Кьельбро, Ю.А. Моток и С. Муру-Викстрём и отдельное особое мнение судьи С. Муру-Викстрём.

5. 12 декабря 2019 г. власти государства-ответчика ходатайствовали о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда согласно статье 43 Конвенции, и 27 января 2020 г. коллегия судей Большой Палаты Суда удовлетворила это ходатайство.

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

7. Властям Германии, Нидерландов, Норвегии, Российской Федерации, Соединенного Ко-

¹ Перевод с английского ООО «Развитие правовых систем».

² Настоящее Постановление вступило в силу 7 декабря 2021 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

ролевства, Франции и Швейцарии, а также организации «Эмнести Интернешнл» (Amnesty International) и Центру научных исследований в области основных прав человека при Университете Париж–Нантерр (CREDOF) разрешили вступить в производство по делу в качестве третьей стороны, и все они представили письменные замечания (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Европейского Суда). Власти Турции не воспользовались правом вступить в производство по делу в качестве третьей стороны согласно пункту 1 статьи 36 Конвенции.

8. И заявитель, и власти государства-ответчика представили замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда).

9. Слушание дела состоялось во Дворце прав человека (г. Страсбург) 24 июня 2020 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда). Из-за кризиса в области здравоохранения, вызванного пандемией COVID-19, оно было проведено по видеоконференц-связи. Онлайн-трансляция слушания была размещена на сайте Суда на следующий день.

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) от властей государства-ответчика:

М. Браад (M. Braad), сотрудник Министерства иностранных дел Дании, Уполномоченный Королевства Дания при Европейском Суде,

Н. Хольст-Кристенсен (N. Holst-Christensen), сотрудница Министерства юстиции, Соуполномоченный Королевства Дания при Европейском Суде,

Л. Куннеруп (L. Kunnerup), начальник бюро, сотрудница Министерства по делам иммиграции и интеграции Дании,

А.-С. Саугманн-Йенсен (A.-S. Saugmann-Jensen), заместитель начальника отдела, сотрудница Министерства юстиции Дании,

Й. Акар (Ø. Akar), начальник бюро, сотрудница Министерства по делам иммиграции и интеграции Дании,

К. Вегенер (C. Wegener), старший советник, сотрудник Министерства иностранных дел Дании,

С.Л. Ваабенгаард (S.L. Vaabengaard), начальник отдела, сотрудница Министерства юстиции Дании,

К. Энгсиг Соренсен (C. Engsig Sørensen), начальник отдела, сотрудница Министерства юстиции Дании,

М. Корсгард Томсен (M. Korsgård Thomsen), начальник отдела, сотрудница Министерства по делам иммиграции и интеграции Дании,

С. Бах Андерсен (S. Bach Andersen), начальник отдела, сотрудница министерства иностранных дел Дании, консультанты;

(б) от заявителя:

Т. Триер (T. Trier), адвокат, советник,

А. Бёльскифте (A. Boelskifte), адвокат, советник,

С. Хуссейн (S. Hussain), помощник адвоката,

Т. Хусун (T. Husun), младший юрист, консультанты.

Европейский Суд заслушал выступления Т. Триера и М. Браада и их ответы на вопросы судей, а также выступление А. Бёльскифте и его ответы на вопросы судей. Председатель Большой Палаты Суда разрешил властям государства-ответчика представить дополнительную информацию по делу в письменном виде. 7 июля 2020 г. от них были получены соответствующие представления. 24 июля 2020 г. поступили комментарии заявителя по поводу представленной информации.

ФАКТЫ

10. Заявитель, 1985 года рождения, в настоящее время проживает в деревне Кютюкушаги (Kütükuşağı) в Турции.

11. В 1991 году заявитель в возрасте шести лет вместе со своей матерью и четырьмя братьями и сестрами переехал в Данию к своему отцу. В 2000 году отец заявителя умер.

12. 9 января 2001 г. Городской суд г. Копенгагена (Københavns Byret) (далее – Городской суд) признал заявителя виновным в ограблении и приговорил его к лишению свободы сроком на один год и три месяца с отсрочкой исполнения наказания на девять месяцев и с испытательным сроком два года.

I. УГОЛОВНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО ДЕЛУ ЗАЯВИТЕЛЯ

13. 29 мая 2006 г. группа из нескольких лиц, в состав которой входил заявитель, напала на человека, нанесла ему несколько ударов дубинками или другими тупыми объектами по голове и по телу, причинив потерпевшему сильное травматическое повреждение головного мозга, от которого тот умер. По-видимому, полиция застала заявителя на месте преступления, а всем остальным членам группы удалось скрыться.

А. Первый этап разбирательства

14. В связи с происшествием, о котором говорилось выше, в отношении заявителя возбудили уголовное дело и предъявили ему обвинение в нападении на человека при серьезных отягчающих обстоятельствах.

1. Рассмотренные судами доказательства

(а) Отчеты Иммиграционной службы Дании

15. В рамках упомянутого выше разбирательства Иммиграционная служба Дании (Udlandingservice) 17 сентября 2007 г. подготовила отчет о заявителе. В нем говорилось, в частности, что 1 февраля 1991 г. заявителю было выдано разрешение на проживание с возможностью получения вида на жительство согласно Закону «Об иностранцах» со ссылкой на то, что в Дании живет его отец. Не

позднее 11 мая 2004 г. заявителю был выдан вид на жительство. В отчете говорилось также, что заявитель проживает в Дании на законных основаниях около 14 лет восьми месяцев, что в Дании живет его мать и четверо его братьев и сестер и что он ездил в Турцию на два месяца пять–десять раз, чтобы навестить своих родственников. Однако с 2000 года заявитель не был в Турции. В отчете говорилось о высказываниях заявителя, согласно которым он не поддерживает связей с лицами, проживающими в Турции, не говорит по-турецки и только чуть-чуть говорит по-курдски. Кроме того, заявитель утверждал, что он слышит голоса, страдает психическим расстройством и принимает седативные препараты. С учетом предоставленных органом обвинения сведений о характере преступления во взаимосвязи с соображениями, о которых говорится в пункте 1 статьи 26 Закона «Об иностранцах» (*udlændingeloven*; см. ниже § 76), Иммиграционная служба поддержала рекомендацию органа обвинения выслать заявителя.

16. В дополнительном отчете от 2 апреля 2008 г. Иммиграционная служба Дании подтвердила свою рекомендацию выслать заявителя.

(b) Медицинские заключения

17. В отчете об исследовании психического статуса заявителя от 13 марта 2008 г., который Министерство юстиции Дании (*Justitsministeriet*) получило из судебно-психиатрической клиники (*Retspsykiatrisk Klinik*), сделан, в частности, вывод о том, что у заявителя с высокой степенью вероятности есть небольшие проблемы с психикой, но он не страдает психическим расстройством и нельзя утверждать, что он страдал психическим расстройством на момент совершения преступления.

18. Далее в отчете говорится, что детство и юность заявителя прошли в обстановке существенной недостаточности стимулирующих факторов, отсутствия родительской заботы и плохих социальных условий. Вместе с братьями и сестрами его насильно забрали из дома и передали в приемную семью. Согласно отчету, у заявителя с раннего детства возникли нарушения в поведении и проблемы с социальной адаптацией, а с подросткового возраста он стал вращаться в преступных кругах. С того времени он стал часто курить марихуану, а это могло негативно отразиться на его личностном и интеллектуальном развитии. В последующие годы его помещали в различные социально-образовательные учреждения, но там с трудом могли удовлетворить его потребности из-за его девиантного поведения, а социально-образовательная помощь и терапия не привели к изменениям в его состоянии и поведении.

19. В отчете также отмечалось, что в ходе медицинского освидетельствования заявитель настаивал на том, что у него бывают и зрительные, и слуховые

галлюцинации, но объективных выводов по поводу галлюцинаций сделано не было. Он жаловался на эти симптомы во время предыдущих медицинских освидетельствований, но, по-видимому, перестал это делать, поняв, что это бесполезно. В отчете далее отмечалось, что описание заявителем этих симптомов не соответствует обычному описанию галлюцинаций. Таким образом, был сделан вывод, что заявитель симулирует. В отчете подчеркивалось, что заявитель нуждается в долгосрочном регулярном и структурированном лечении, и рекомендовалось поместить его в отделение с повышенными мерами безопасности интерната для лиц с тяжелыми психическими расстройствами.

20. В заключении от 16 апреля 2008 г. Совет судебно-медицинских экспертов (*Retslægerådet*) отметил, помимо прочего, что в детстве и в юности заявитель жил в неблагоприятных условиях, что у него возникло ярко выраженное поведенческое расстройство и что впоследствии он стал совершать преступления. Кроме того, в нем говорилось, что заявитель страдает психическим расстройством, но в остальном у него нет признаков органического поражения головного мозга, что он часто курит марихуану, что ранее ему несколько раз оказывалась психиатрическая помощь, но, несмотря на жалобы на психотические симптомы, ему не было однозначно диагностировано психотическое расстройство. В своем заключении Совет судебно-медицинских экспертов пришел к выводу, что жалобы заявителя на слуховые галлюцинации можно считать симуляцией. Кроме того, был сделан вывод, что он страдает психическим расстройством со степенью потери функциональной трудоспособности от низкой до средней, а также расстройством личности, характеризующимся незрелостью, отсутствием эмпатии, эмоциональной нестабильностью и импульсивностью. Кроме того, он очень нуждается в ясных границах, которые могли бы обеспечить ему структурную основу и поддержку.

2. Решения судов

21. 9 октября 2007 г. Высокий суд восточных земель Дании (*Østre Landsret*) (далее – Высокий суд) признал заявителя виновным в нападении на человека при серьезных отягчающих обстоятельствах согласно статье 246 и пункту 1 статьи 245 Уголовного кодекса Дании (*straffeloven*) (см. ниже § 75) и приговорил его к лишению свободы сроком на семь лет и к высылке из Дании с бессрочным запретом на въезд.

22. 22 мая 2008 г. Верховный суд Дании (*Højesteret*), рассмотрев жалобу заявителя, отменил приговор и вернул дело в Высокий суд на новое рассмотрение. Сославшись на имеющиеся медицинские заключения (см. выше §§ 17–20), суд отметил, в частности, что он сомневается в том, целесоо-

бразно ли назначать в обстоятельствах настоящего дела наказание, связанное с лишением свободы.

В. Второй этап разбирательства по делу заявителя

23. Получив материалы уголовного дела заявителя, Высокий суд рассмотрел его заново.

1. Дополнительные рассмотренные судами доказательства

24. В отчете от 18 июня 2009 г. специалист в области психиатрии отметил, что заявитель страдает галлюцинаторным помешательством, симптомы которого на тот момент проявлялись в течение более четырех недель, и что с учетом недавних изменений в состоянии заявителя трудно определить, страдает ли он устойчивым психическим расстройством или из-за своего уровня интеллекта в сочетании с девиантными индивидуальными личностными особенностями он постоянно находится в состоянии, сопоставимом с психической неполноценностью.

25. 14 июля 2009 г. Совет судебно-медицинских экспертов установил, сославшись, в частности, на отчет от 18 июня 2009 г., что заявитель страдает более устойчивым психическим расстройством и что он, вероятно, находился в аналогичном психическом состоянии на момент совершения преступления, в котором он обвинялся. Далее в отчете повторялся вывод, содержащийся в отчете от 16 апреля 2008 г. (см. выше § 20), и говорилось, что, как показало последующее наблюдение в интернате для лиц с тяжелыми психическими расстройствами, куда был помещен заявитель, его поведение остается угрожающим и агрессивным. На протяжении длительного периода времени заявитель считался очевидно психически больным и страдающим параноидным бредом и формальным расстройством мышления. В отчете отмечалось, что эти симптомы, скорее всего, связаны с шизофренией; если это так, очень вероятно, что заявитель страдал психическим расстройством на момент совершения преступления, в котором он обвинялся. В своем отчете Совет судебно-медицинских экспертов рекомендовал, что в случае, если заявителя признают виновным согласно предъявленному ему обвинению, его следует направить на лечение в судебно-психиатрическое учреждение.

2. Решения судов

26. В приговоре от 17 октября 2008 г. Высокий суд пришел к выводу, что заявитель нарушил пункт 1 статьи 245 и статью 246 Уголовного кодекса Дании, но не подлежит наказанию в силу пункта 2 статьи 16 и статьи 68 Кодекса (см. ниже § 75). В связи с этим он сослался на отчеты от 13 марта

и 16 апреля 2008 г. (см. выше §§ 17–20). Поэтому суд направил заявителя в отделение с повышенными мерами безопасности интерната для лиц с тяжелыми психическими расстройствами на неопределенный срок. Кроме того, суд распорядился выслать заявителя из Дании с бессрочным запретом на въезд.

27. Принимая решение о высылке заявителя, Высокий суд сослался на отчеты Иммиграционной службы Дании от 17 сентября 2007 г. и 2 апреля 2008 г. (см. выше §§ 15–16) и подчеркнул, что заявитель переехал в Данию в возрасте шести лет, когда ему разрешили воссоединиться со своим отцом, проживавшим в Дании, что он на законных основаниях прожил в Дании около четырнадцати лет восьми месяцев, что он не женат и у него нет детей, а вся его семья (мать и четверо братьев и сестер) проживает в Дании, кроме его тети по материнской линии, которая живет в Турции. Кроме того, подчеркивалось, что в Дании он семь лет ходил в начальную школу и около пяти лет являлся субъектом трудовых отношений в этой стране, но что в то же время он получал пенсию по инвалидности, что он ездил в Турцию на два месяца пять–десять раз, чтобы увидеться с родственниками, но с 2000 года эти поездки прекратились и что он не говорит по-турецки и только чуть-чуть говорит по-курдски. С другой стороны, Высокий суд подчеркнул, что заявитель был признан виновным в совершении очень тяжкого преступления против личности, которое серьезно угрожает основным ценностям общества. В этих обстоятельствах Высокий суд, исходя из общей оценки обстоятельств дела, пришел к выводу, что высылка не будет являться решительно нецелесообразной согласно действовавшим в то время положениям законодательства Дании и не будет противоречить статье 8 Конвенции.

28. Заявитель обжаловал приговор в Верховном суде Дании.

29. Тем временем 11 марта 2008 г. с заявителем была проведена дополнительная беседа, в ходе которой он заявил, в частности, что последний раз был в Турции в 2001 году, что он свободно говорит по-курдски и что его семья живет в деревне Кодучар (*Koduchar*) в доме, принадлежащем его матери.

30. Постановлением от 10 августа 2009 г. Верховный суд Дании изменил назначенное заявителю наказание и направил его в судебно-психиатрическое учреждение, но не стал отменять распоряжение о высылке. Суд принял во внимание медицинские отчеты от 18 июня и 14 июля 2019 г. (см. выше §§ 24–25) и высказывания заявителя в ходе дополнительной беседы (см. предыдущий параграф). Верховный суд пришел к следующим выводам:

«[Заявитель], которому сейчас 24 года, переехал в Данию из Турции в возрасте шести лет. Он ходил в школу в Дании, и его близкие родственники – мать и четверо братьев и сестер – проживают в Дании. Он не женат, и у него нет детей. Он полу-

чает пенсию по инвалидности и в остальных отношениях не интегрирован в датское общество. Он говорит по-курдски, и в детские и юношеские годы, которые он провел в Дании, он пять-десять раз на два месяца ездил в Турцию, чтобы навестить свою семью. Последний раз он был в Турции в 2001 году, где его матери принадлежит имущество.

С учетом характера и степени тяжести преступления мы не усматриваем в деле обстоятельств, в которых высылка была бы решительно нецелесообразной, – см. пункт 2 статьи 26 Закона “Об иностранцах”. Кроме того, мы не думаем, что высылка будет противоречить статье 8 Конвенции».

31. Решение о высылке было принято большинством в пять судей из шести. Судья, не согласившийся с мнением большинства, сделал следующее заявление:

«[Заявитель] переехал в Данию в возрасте шести лет. Соответственно, он провел здесь практически все детские и юношеские годы и ходил в школу в Дании. Кроме того, здесь живут его ближайшие родственники (мать и четверо братьев и сестер). Пока был жив его отец, он несколько раз ездил в Турцию, но не был в этой стране с 2001 года. Он не общается с родственниками или другими лицами, проживающими в Турции. Он говорит по-курдски, но не говорит по-турецки.

Соответственно, я полагаю, что связи [заявителя] с Данией настолько сильны, а его связи с Турцией настолько незначительны, что они являются обстоятельствами, в которых высылка является решительно нецелесообразной, – см. пункт 2 статьи 26 Закона “Об иностранцах”, – несмотря на степень тяжести совершенного преступления. Поэтому я голосую против решения о высылке».

II. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ О ВЫСЫЛКЕ СОГЛАСНО СТАТЬЕ 50А ЗАКОНА «ОБ ИНОСТРАНЦАХ»

32. 3 января 2012 г. опекун-представитель заявителя *ad litem* ходатайствовал о том, чтобы орган обвинения пересмотрел назначенное заявителю наказание, и 1 декабря 2013 г. орган обвинения обратился в Городской суд согласно пункту 2 статьи 72 Уголовного кодекса Дании (см. ниже § 75), ходатайствуя о том, чтобы наказание в виде направления в судебно-психиатрическое учреждение было заменено на лечение в психиатрической больнице. Согласно статье 50а Закона «Об иностранцах» (см. ниже § 76), орган обвинения также попросил, чтобы суд одновременно принял решение по вопросу о том, оставить в силе распоряжение о высылке или отменить его. Со своей стороны, орган обвинения утверждал, что распоряжение о высылке нужно оставить в силе.

А. Медицинские заключения

33. В связи с этим в разные даты были получены медицинские заключения трех психиатров (К.А.,

М.Н.М. и Р.Л.), которые в разное время являлись лечащими врачами заявителя в психиатрическом центре больницы Святого Иоанна.

1. Заключение К.А.

34. 5 апреля 2013 г. К.А. отметил в письменном заключении, помимо прочего, что с 2008 года заявитель находится на лечении в психиатрической больнице в связи с диагнозом «параноидная шизофрения, легкая умственная отсталость и зависимость от курения марихуаны». Однако обнаружилось, что в соответствующий период времени уровень его умственного развития был выше, в связи с чем он не соответствует критериям для постановки диагноза «психическое расстройство», и этот диагноз был снят. Первые три-четыре года соответствующий период характеризовался постоянным курением марихуаны, эпизодическим употреблением тяжелых наркотиков и неоднократными побегами, однако в последние годы у заявителя произошли изменения к лучшему. Он перестал употреблять тяжелые наркотики, в результате чего девиантное поведение стало проявляться у него существенно реже; с осени 2012 года попыток побега не регистрировалось. В последние два месяца заявитель не употребляет марихуану и предпринимает целенаправленные усилия по воздержанию от употребления наркотиков в открытом психиатрическом отделении. Раньше он незаконно доставал марихуану для других пациентов, то есть «взялся за старое», но в последние шесть месяцев ему удается противостоять этому соблазну. Заявитель охотно идет на сотрудничество и без всяких проблем согласился принимать антипсихотические препараты. Поэтому рекомендуется изменить назначенное ему наказание с направления в судебно-психиатрическое учреждение на лечение в психиатрической больнице под контролем как пенитенциарной службы, так и администрации больницы, чтобы пенитенциарная служба, проконсультировавшись с врачом-психиатром, могла принять решение о повторном направлении заявителя в лечебное учреждение согласно пункту 1 статьи 72 Уголовного кодекса Дании.

2. Показания М.Н.М.

35. В письме М.Н.М. от 18 июля 2013 г. говорилось, в частности, что 5 февраля 2013 г. заявителя перевели в открытое отделение (R3) для лечения наркотической зависимости. Где-то в марте он стал утверждать, что имеющиеся у него симптомы прогрессируют, и прописанная ему дозировка антипсихотических препаратов была увеличена, хотя за несколько месяцев до этого ее уменьшили. Поскольку врачи сочли, что, несмотря на увеличение дозировки, пациент становится более агрессивным, 5 апреля 2013 г. было принято решение

перевести его в закрытое отделение, однако он оттуда сбежал. Был активирован сигнал тревоги, но он быстро вернулся в отделение сам. 18 апреля 2013 г. заявитель опять ненадолго покинул отделение, но вернулся обратно, причем, по-видимому, он не находился в тот раз под воздействием наркотиков. 21 апреля 2013 г. заявитель угрожал сиделке, а потом без предупреждения ударил ее по голове. На следующий день его пришлось связать ремнями, так как он вновь стал угрожать персоналу. 5 мая 2013 г. он без предупреждения напал на сиделку и избил ее, и врачи пришли к выводу, что он находится в тяжелом психотическом состоянии. До 12 мая 2013 г. его связывали ремнями, и в этот период времени его состояние было очень нестабильным, сопровождаясь сильными психотическими приступами и агрессивно угрожающим поведением. Он добровольно согласился на замену лекарственного препарата на «Лепонекс» в таблетках с одновременным уменьшением дозировки «Цисординола» (антипсихотические препараты). Его состояние быстро улучшилось, и сейчас он, по-видимому, вернулся к своему обычному состоянию, дружелюбен, охотно идет на сотрудничество и мотивирован на продолжение лечения. Заявитель употребляет наркотики в очень небольших количествах и ограничивается курением марихуаны, хотя и не может заставить себя отказаться от ее употребления.

36. Далее в своих письменных показаниях М.Н.М. отметил высокую мотивацию заявителя на психиатрическое лечение, в том числе на прием психоактивных препаратов. Однако заявитель серьезно сомневался в том, что в случае высылки из Дании он сможет продолжить лечение в достаточном объеме, и ему предложили лечение, не включающее в себя такой интенсивной психиатрической составляющей. Заявитель явно опасался, что у него не будет ресурсов для продолжения необходимого психиатрического лечения, в том числе приема соответствующих лекарственных препаратов, если его вышлют из Дании. В связи с этим М.Н.М. указал на высокую опасность неэффективности медикаментозного лечения и новых обострений, а следовательно, усугубления его психотических симптомов и вероятности агрессивного поведения. В настоящее время он принимает «Лепонекс» в таблетках. Это антипсихотический препарат, который нужно принимать ежедневно. Согласно общей оценке, потенциальное прерывание лечения существенно увеличило бы опасность совершения преступлений против личности в связи с обострением у него психотических симптомов.

37. Наконец, в своем письме М.Н.М. отметил, что в настоящее время заявитель раз в две недели принимает «Риспердал Конста» (рисперидон) (суспензия антипсихотического препарата для внутримышечного введения пролонгированного действия) в дозировке 50 мг и ежедневно принимает «Лепонекс» в таблетках (антипсихотический

препарат, действующим веществом которого является клозапин) в дозировке 250 мг.

3. Показания Р.Л.

38. В письменных показаниях от 13 января 2014 г. Р.Л., лечащий врач заявителя с середины июля 2013 года, отметил, в частности, что заявитель все еще находится в закрытом отделении и что последние шесть месяцев его состояние оставалось стабильным; он надолго бросал курение марихуаны. В связи с этим заявителю разрешали отлучаться из отделения на всё более продолжительное время согласно действующим правилам. Один раз, осенью 2013 года, заявитель сбежал, находясь в отлучке; во всех остальных случаях он во время отлучки соблюдал достигнутые договоренности.

39. Заявитель охотно идет на сотрудничество, и у него не появлялось каких-либо продуктивных психотических симптомов. В основном он ведет себя конструктивно, но раньше его поведение продолжало характеризоваться некоторой импульсивностью и незрелостью. Заявитель вновь начал курить марихуану, хотя и понимает важность отказа от ее употребления. Он очень старается не употреблять наркотиков; ему известно, что нужно быть очень осторожным, чтобы их употребление не вышло из-под контроля.

40. Заявитель много раз говорил Р.Л., что он искренне раскаивается в совершении преступления, за которое он был осужден. Кроме того, заявитель отмечал, что ему хорошо помогает текущее антипсихотическое лечение, что он полон решимости его продолжать, когда будет готов к выписке.

41. Далее в письме сообщалось, что заявитель хорошо реагирует на одновременный прием «Риспердала» и «Лепонекса». Он отрицает наличие у него таких психотических симптомов, как бред и галлюцинации. За исключением одного-единственного случая, когда заявителя серьезно спровоцировал еще один пациент и он ударил этого человека, за последние шесть месяцев у него не отмечалось девиантного поведения.

42. На основании курса лечения Р.Л. поддержал рекомендацию заменить назначенное заявителю наказание с направления в судебно-психиатрическое учреждение на принудительное психиатрическое лечение. Далее Р.Л. отметил, что у заявителя хорошие шансы на выздоровление, если после выписки его можно будет интегрировать в общество, предложив ему подходящее жилье и обеспечив ему интенсивное амбулаторное лечение в последующие годы. Заявитель осведомлен о своей болезни и явно признает необходимость лечения. С другой стороны, у заявителя будет мало шансов на выздоровление, если его выпишут без сопровождения и контроля. Р.Л. согласился с М.Н.М. (см. выше § 36) в том, что потенциальное прерывание лечения приведет к значительному увеличе-

нию опасности совершения преступлений против личности из-за обострения у заявителя психотических симптомов.

43. Давая показания в Городском суде 7 октября 2014 г., Р.Л. заявил, что с тех пор, как он дал медицинское заключение 13 января 2014 г., заявитель хорошо себя чувствует, находясь в отделении в условиях, обеспечивающих безопасность. Заявитель соблюдает достигнутые договоренности и смог найти работу. По мнению Р.Л., настрой заявителя станет хуже, если у него не будет прочной основы. Это подтверждается анамнезом заявителя. Заявитель долгое время вел себя агрессивно, в том числе в школе и в судебно-психиатрическом учреждении. В результате лечения агрессивность его поведения удалось свести к минимуму.

44. Далее Р.Л. указал, что лечением заявителя должны заниматься специалисты. Оно носит комплексный характер, и план лечения нужно тщательно соблюдать, в том числе еженедельно или ежемесячно сдавать кровь на анализ для выявления признаков соматических заболеваний. Во избежание серьезных обострений заявитель должен принимать лекарства. Рекомендация изменить назначенное наказание обусловлена тем, что лечение заявителя должно сопровождаться целым рядом инициатив помимо правильно назначенных лекарств и организации анализов крови. Некоторые другие инициативы терапевтического характера включают в себя регулярные посещения наблюдателя для контроля над заявителем, схему сопровождения, обеспечивающую внимательное отношение заявителя к назначенному лечению, помощь социального работника по борьбе с зависимостью и решению других проблем и помощь, гарантирующую правильные условия и наличие занятий. Указанные элементы лечения крайне важны для профилактики обострений. Эти инициативы являются составной частью его лечения в Дании. По мнению Р.Л., в Турции у заявителя не будет аналогичных возможностей для лечения. Обострение его состояния может повлечь за собой серьезные последствия для него самого и окружающих.

45. Р.Л. счел, что в случае обострения заявитель может стать очень опасен, а такое обострение весьма вероятно, если он останется без правильного медикаментозного лечения и поддержки, как сейчас. По мнению Р.Л., в турецких городах есть очень квалифицированные психиатры, но, по всей видимости, не в той деревне, где, скорее всего, поселится заявитель, в результате чего он не будет получать такой медицинской помощи, как в Дании.

В. Заключение Иммиграционной службы Дании

46. 8 октября 2013 г. Иммиграционная служба Дании подготовила заключение по вопросу о высылке заявителя согласно статье 50а Закона

«Об иностранцах». В нем, в частности, говорилось следующее:

«В этих обстоятельствах полиция г. Копенгагена (*Københavns Politi*) запросила заключение о возможных вариантах лечения в Турции. Для целей настоящего дела нам сообщили, что в данный момент [заявителю] прописаны следующие лекарственные препараты:

“Риспердал Конста” (действующее вещество рисперидон) и “Клозапин” (действующее вещество клозапин).

По данным MedCOI (*Medical Community of Interest*) – базы данных о доступности лечения, финансируемой Европейской комиссией, в Турции продаются лекарственные препараты “Риспердал” [рисперидон] и “Клозапин”, но их цены не указаны.

Что касается возможных вариантов лечения в Турции, по данным MedCOI, все основные медицинские услуги в Турции оказываются бесплатно врачами общего профиля, но пациенты должны самостоятельно оплачивать анализы в лабораториях при больницах в связи с оказанием основных медицинских услуг и назначением лекарственных препаратов.

/.../

По данным из MedCOI, в 2010 году в Турции на 100 000 жителей приходилось 2,20 психиатра и 1,85 психолога – меньше, чем во всех остальных европейских странах, входящих во Всемирную организацию здравоохранения...».

47. 4 июля 2014 г. Иммиграционная служба Дании подготовила дополнительное заключение по запросу полиции г. Копенгагена. Иммиграционная служба сослалась на ответ консультанта из Министерства иностранных дел Дании от 4 июля 2014 г., в котором он ответил на вопросы Иммиграционной службы о вариантах лечения, имеющихся в провинции Конья (*Konya*), Турция.

48. В заключении, в частности, говорилось следующее:

«...Из медицинского заключения от 13 января 2014 г. следует, что у [заявителя] хорошие шансы на выздоровление в случае, если после выписки его можно будет интегрировать в общество, предоставив ему подходящее жилье и обеспечив ему интенсивное амбулаторное лечение в последующие годы. С другой стороны, у него мало шансов на выздоровление, если его выпишут без сопровождения и контроля.

[Заявитель] указал, что у него нет социальных связей в деревне в Турции, в которой он родился и жил со своей семьей в первые годы после рождения, что он будет находиться в этой деревне далеко от психиатрических учреждений и что он плохо понимает турецкий язык, так как говорит по-курдски.

Заключение

/.../

В письме от 1 мая 2014 г., касающемся возвращения гражданина Турции, Иммиграционная служба попросила Министерство иностранных

дел помочь в получении информации о вариантах лечения, имеющихся в провинции Конья в Турции. Пациенту поставлен диагноз “параноидная шизофрения, направлен в психиатрическое учреждение, синдром зависимости от курения марихуаны, абстиненция, избыточный вес без уточнения причин” и прописаны препараты “Риспердал Конста” в виде инъекций и “Клозапин” в таблетках.

Иммиграционная служба попросила дать ответы на следующие вопросы.

Министерство иностранных дел получило информацию от SGK – органа социального обеспечения в Турции и от врача-терапевта реабилитационной клиники в г. Конья при государственной больнице “*Konya Egitim ve Arastirma Hastanesi*”. Кроме того, министерство связалось с государственной больницей в г. Конья “*Numune Hastanesi*” и попросило ее ответить на [следующие] вопросы:

1) Может ли пациент пройти в психиатрической больнице интенсивное лечение, удовлетворяющее потребностям человека с указанным выше диагнозом, в провинции Конья?

Обычно пациенты с психическими заболеваниями могут проходить лечение в государственных больницах, а также в частных медицинских учреждениях, которые заключили договор с Министерством здравоохранения Турции, наравне с другими пациентами, которые лечатся от соматических болезней.

На проживающих в Турции граждан этой страны, не имеющих медицинской страховки в другой стране, по их заявлению распространяется общая программа медицинского страхования в Турции. Для этого гражданин должен зарегистрироваться в Гражданском реестре Турции, а затем обратиться в администрацию губернатора провинции. Для того чтобы подключиться к этой программе, человек должен уплатить определенную пошлину в зависимости от его дохода, например...

Доход от 0 до 357 турецких лир в месяц: гражданин не должен платить пошлину, так как она оплачивается за счет бюджетных средств.

Доход от 358 до 1 071 турецкой лиры в месяц: 42 турецкие лиры (около 105 датских крон).

Доход от 1 072 турецких лир до 2 142 турецких лир в месяц: 128 турецких лир (около 320 датских крон).

Доход свыше 2 143 турецких лир в месяц: 257 турецких лир (около 645 датских крон).

2) Продается ли упомянутое лекарство в провинции Конья?

Врач-терапевт подтвердил, что препарат “Риспердал Конста” в дозировке 50 мг (в ампулах, рассчитанных на одну инъекцию, производитель – компания “Джонсон энд Джонсон” (*Johnson & Johnson*), отпускная цена – 352,52 турецкой лиры ([около] 925 датских крон)) имеется в продаже в аптеках провинции Конья и используется для лечения пациентов с параноидной шизофренией. Если конкретное лекарство отсутствует в одной аптеке, есть возможность приобрести его в другой аптеке или заказать препарат и забрать его позднее. Данное лекарство является рецептурным.

Лекарства, действующим веществом в которых является клозапин, выпускаются в двух видах:

– “Лепонекс” 100 мг в упаковках по 50 таблеток, производитель – компания “Новартис” (*Novartis*), отпускная цена – 25,27 турецкой лиры (около 66 датских крон). Действующее вещество – клозапин. Данный препарат имеется в продаже в аптеках Турции и является рецептурным.

– “Клонекс” 100 мг в упаковках по 50 таблеток, производитель – компания “Адека Иладж” (*Adeka Ilac*), отпускная цена – 25,27 турецкой лиры (около 66 датских крон). Действующее вещество – клозапин. Данный препарат имеется в продаже в аптеках Турции и является рецептурным.

(а) если да, какова его стоимость для пациента?

Поскольку препараты, о которых идет речь, являются рецептурными, пациент обычно должен полностью оплачивать их стоимость, если он не участвует в программе общего медицинского страхования. В этом случае пациент оплачивает 20% отпускной цены, а остальные 80% покрываются за счет программы общего медицинского страхования. Однако пациенты, участвующие в программе общего медицинского страхования, могут быть освобождены от оплаты 20% цены, если врач-терапевт составляет специальный коллегияльный отчет, который утверждается и подписывается несколькими врачами-терапевтами. Такой отчет составляется, если, по мнению терапевта, пациент действительно нуждается в долгосрочном лечении и заставлять его нести связанные с этим расходы самостоятельно кажется нецелесообразным. Это мнение не учитывает финансового положения пациента.

3) Говорят ли медицинские работники в провинции Конья по-курдски?

По словам врача-терапевта, в больницах есть работники, которые говорят по-курдски и могут при необходимости выступить в роли переводчиков. Такой же ответ поступил от государственной больницы “*Numune Hastanesi*” в г. Конья.

Вывод

Медицинское заключение психиатрического центра больницы Святого Иоанна не дает повода для дополнительных замечаний, кроме тех, которые содержатся в нашем заключении от 8 октября 2013 г. об имеющихся в Турции вариантах лечения.

Соответственно, мы в целом ссылаемся на наше заключение от 8 октября 2013 г. ...».

С. Показания заявителя

49. Заявитель давал показания в Городском суде 6 февраля и 7 октября 2014 г. Он указал, что в Турции у него нет семьи, так как все его родственники живут в Дании. Он подтвердил, что в детстве он жил в маленькой деревне в районе г. Конья¹ и что расстояние между этой деревней и городом составляет около 100 км. Кроме того, заяви-

¹ Кёнъя – город в Турции, является центром одноимённой провинции (ила) Конья (примеч. переводчика).

тель отметил, что его матери уже не принадлежит там дом, поскольку его снесли; в случае высылки в Турцию он не знал бы, где поселиться, так как он плохо знаком с этой страной и не сможет там обустроиться. Он почти не говорит по-турецки, только по-курдски; по-датски он говорит лучше, чем по-турецки.

50. Заявитель переживал, что он не сможет найти работу и зарабатывать себе на жизнь из-за плохого владения языком, а также что он не сможет получить в Турции необходимой медицинской помощи. Он знает, что в г. Конья есть больница, но это больница для бедных, и она не отличается высоким качеством лечения; больницы в г. Анкаре и в г. Стамбуле обеспечивают хорошее лечение, но пациенты должны оплачивать его самостоятельно, а он не может себе этого позволить. Он принимает «Лепонекс», а значит, у него повышенный риск образования тромбов и его должен регулярно осматривать врач.

51. Когда заявителю была продемонстрирована справка от 1 сентября 2014 г., из которой следовало, что с середины мая по 31 августа 2014 г. он работал в саду Святого Иоанна, заявитель подтвердил, что действительно участвовал в реализации соответствующего проекта в больнице Святого Иоанна и хорошо справлялся со своими обязанностями. Это открыло перед ним возможность устроиться на работу в супермаркет или в аналогичное место в рамках так называемой программы Klap (программа творческого долгосрочного планирования трудоустройства, реализуемая национальной Ассоциацией благополучия душевнобольных лиц).

52. Далее заявитель сказал, что он должен принимать лекарства, чтобы его состояние оставалось стабильным. Он выразил опасения, что он может совершить тяжкое преступление, если не будет их принимать. Поэтому он хотел, чтобы кто-нибудь за ним присматривал и помогал ему принимать лекарства. В прошлом году ему не давали нужного лекарства, в результате чего он стал агрессивным и угрожал персоналу. Он хотел найти работу, а на первых порах жить в датском доме своей матери, чтобы кто-то за ним присматривал. Он боялся, что, если ему придется жить в Турции, это плохо кончится.

D. Прочие доказательства

53. Кроме того, в Городской суд было представлено письмо от 3 января 2012 г. и электронное письмо от 11 июня 2013 г. от R.B. – опекуна-представителя заявителя.

54. В письме от 3 января 2012 г. R.B. попросил суд изменить назначенное заявителю наказание с направления в судебно-психиатрическое учреждение на принудительное психиатрическое лечение. В письме также отмечалось, что заявитель – добрый и открытый человек; что с годами он повзрослел и в процессе взросления порвал отношения с «пло-

хими» друзьями из прежней жизни. В своем письме R.B. также выразил мнение, что заявитель подошел к моменту, когда ему нужны возможности, которые дает наказание в виде принудительного психиатрического лечения, для дальнейшего взросления и для подготовки к тому, чтобы прожить жизнь как добропорядочный гражданин.

55. В электронном письме от 11 июня 2013 г. R.B., помимо прочего, отметил, что заявитель хочет остаться в Дании; что все его родственники живут в г. Копенгагене и что за ним некому будет присматривать в случае, если в Турции его состояние вновь обострится. Говоря о лечении заявителя, R.B. указал, что ему еще многое предстоит сделать, чтобы избавиться от зависимости от марихуаны. Текущее лечение будет иметь максимальные шансы на успех, если предоставить ему свободу, которую даст направление на принудительное психиатрическое лечение. В данный момент заявитель может функционировать в строгих рамках судебно-психиатрического учреждения (санкция, которая к нему применялась до этого момента), однако необходимо проверить, насколько эффективным окажется лечение в более гибких условиях.

56. Кроме того, Городской суд принял во внимание электронное письмо Министерства иностранных дел Дании в полицию г. Копенгагена от 15 ноября 2013 г. и письмо полицейского подразделения Национального центра по делам иностранцев (*Nationalt Udlændinge Center*) от 25 ноября 2013 г.

E. Решение Городского суда

57. Решением от 14 октября 2014 г. Городской суд заменил назначенное заявителю наказание с направления в судебно-психиатрическое учреждение на лечение в психиатрической больнице. По поводу распоряжения о высылке Городской суд пришел к выводу, что независимо от характера и степени тяжести совершенного преступления исполнение этого распоряжения является решительно нецелесообразным ввиду состояния здоровья заявителя.

58. Городской суд отметил, в частности, что заявитель проходит психиатрическое лечение с 2008 года, поскольку ему поставлен диагноз «параноидная шизофрения». Он также принял во внимание имеющуюся информацию медицинского характера, в частности высокую мотивацию заявителя на прохождение психиатрического лечения, включающего в себя прием психоактивных препаратов, то, что он осведомлен о своей болезни и явно признает необходимость лечения, что у него хорошие шансы на выздоровление при условии сопровождения и контроля в связи с переходом на интенсивное амбулаторное лечение после выписки. На этом основании Городской суд установил, что для предотвращения новых преступлений и удовлетворения потребностей заявителя

в лечении достаточно будет изменить наказание на лечение в психиатрической больнице под наблюдением Пенитенциарной службы и администрации этой больницы после его выписки, так чтобы, посоветовавшись с консультантом-психиатром, Пенитенциарная служба могла принять решение о повторной госпитализации заявителя согласно пункту 1 статьи 72 Уголовного кодекса Дании (см. ниже § 75).

59. Далее Городской суд отметил, что заявитель, 29-летний гражданин Турции, переехал в Данию из Турции в возрасте шести лет по программе воссоединения семьи. По его словам, в Турции у него нет ни семьи, ни социальных связей; деревня, в которой он жил со своей семьей в детстве, расположена в 100 км от ближайшего города (Конья) и, соответственно, далеко от психиатрической помощи; он плохо понимает турецкий язык, так как говорит по-курдски. Далее суд, исходя из медицинских документов, признал, что имеется высокая опасность неэффективности медикаментозного лечения и новых обострений, а значит, ухудшения психического состояния заявителя, если он останется без сопровождения и контроля в связи с переходом на амбулаторное лечение и что это приведет к существенно более высокой вероятности повторного совершения преступлений против личности.

60. Кроме того, Городской суд счел установленным, что в Турции пациенты с психическими заболеваниями в целом имеют право на получение медицинской помощи, что у них есть возможность обратиться с заявлением о присоединении к программе общего медицинского страхования, взносы в которую зависят от их дохода, что в Турции можно купить соответствующее лекарство и прибегнуть к помощи говорящих по-курдски работников в больницах. В то же время суд подчеркнул важность обеспечения заявителю надлежащего лечения в его родной стране. Городской суд отметил, что представленная информация не дает сведений о том, имелась ли у заявителя в случае возвращения в Турцию реальная возможность получить соответствующую психиатрическую помощь, включающую в себя необходимое сопровождение и контроль, в связи с интенсивным амбулаторным лечением. Поэтому он удовлетворил ходатайство заявителя об отмене распоряжения о высылке.

Ф. Рассмотрение дела вышестоящими судами

61. Орган обвинения обжаловал указанное выше решение в Высокий суд в части, касающейся отмены распоряжения о высылке.

62. 6 января 2015 г. заявитель и Р.Л. дали показания в Высоком суде. Заявитель дал такие же показания, как и в Городском суде (см. выше §§ 49–52). Кроме того он отметил, что пока еще не смог найти работу из-за своего криминального прошлого, но он пытается трудоустроиться с помо-

щью банка вакансий *Jobbank*. Кроме того, у него была возможность найти работу и ходить в школу благодаря организации социальной помощи «Школа Кофоедс» (*Kofoeds Skole*). Он должен был пойти в школу на следующей неделе и с нетерпением ждал начала занятий. У него по-прежнему была возможность работать в психиатрической больнице Святого Иоанна по выходным, и он рассчитывал этой возможностью воспользоваться.

63. Р.Л., помимо прочего, отметил, что заявитель полностью осведомлен о своей болезни; однако для успешного лечения важно, чтобы кто-то регулярно контролировал, следует ли он плану лечения. Кроме того, важно следить за физическим состоянием заявителя, так как на фоне приема «Лепонекса» может развиваться иммунодефицит. Для того чтобы этого не допустить, необходимо регулярно сдавать кровь на анализ. Если внезапно у пациента повысится температура, он должен обратиться к врачу, так как это может быть признаком иммунодефицита. В случае возникновения у заявителя этого побочного эффекта ему понадобится постоянное наблюдение врача, так как в этом случае ему придется прекратить прием «Лепонекса», несмотря на то что этот препарат позволил снизить агрессивность его поведения.

64. 13 января 2015 г. Высокий суд отменил решение Городского суда и отказался отменить распоряжение о высылке.

65. Высокий суд отметил, что, согласно медицинским документам, у заявителя параноидная шизофрения и ему необходим постоянный прием антипсихотических препаратов, в частности «Лепонекса», сопровождение и поддержка во избежание появления у него психотических симптомов, а также связанной с этим опасности совершения новых преступлений против личности. Далее суд счел установленным, что заявителя вышлют в Турцию, если распоряжение о высылке останется в силе, и что он, скорее всего, поселится в деревне, расположенной примерно в 100 км от г. Конья, – в той деревне, где он родился и провел первые шесть лет своей жизни.

66. Со ссылкой на информацию о доступности лекарств и конкретных вариантов лечения в Турции, содержащуюся в базе данных MedCOI, и ответа на запрос от 4 июля 2014 г. (см. выше §§ 47–48), Высокий суд пришел к выводу, что в провинции Конья в Турции заявитель сможет продолжить лечение, которое ему обеспечивается в Дании, и получать психиатрическую помощь в государственных больницах и в частных медицинских учреждениях, заключивших договор с Министерством здравоохранения Турции. Согласно полученной информации, в Турции у заявителя появится право обратиться с просьбой об оказании ему бесплатной или субсидируемой медицинской помощи, если он не будет получать доход или если его доход окажется недостаточ-

ным, а в некоторых случаях его могут освободить и от оплаты 20% стоимости лекарств; кроме того, у него будет возможность прибегнуть к помощи сотрудников больниц, говорящих по-курдски. Высокий суд также отметил, что заявитель осведомлен о своей болезни и о важности следовать плану лечения и принимать назначенные лекарства. В этих обстоятельствах Высокий суд пришел к выводу, что из-за состояния здоровья заявителя его высылка не является решительно нецелесообразной. Наконец, Высокий суд подчеркнул характер и степень тяжести совершенного заявителем преступления и то, что в Дании он не создал собственной семьи и у него нет детей.

67. 20 мая 2015 г. Комиссия по вопросам обжалования (*Procesbevillingsnævnet*) отказалась разрешить заявителю обжаловать решение Высокого суда в Верховном суде Дании. В соответствующем письме говорилось, в частности, что подача жалобы может быть разрешена только в том случае, если она поднимает какой-то принципиальный вопрос или содержит конкретные основания, оправдывающие пересмотр дела; однако эти условия соблюдены не были.

III. ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

68. В ходе рассмотрения дела Большой Палатой Европейского Суда стороны сообщили Суду, что, пока шло разбирательство, заявителя в 2015 году выслали в Турцию.

69. Согласно отчету полиции, представленному властями государства-ответчика, высылка произошла 23 июня 2015 г. Заявителя сопровождала его мать, которой выдали билет в Турцию с вылетом обратно в Данию через месяц.

70. По информации, предоставленной заявителем, он сейчас проживает в деревне в 140 км от г. Конья, население которой составляет 1 900 человек. У заявителя нет семьи или родственников ни в этой деревне, ни в других частях Турции. Он ведет очень уединенный образ жизни, так как не говорит по-турецки. Он почти не выходит из дома, так как не знает окрестностей и боится потеряться и оказаться не в состоянии найти дорогу домой из-за сниженных интеллектуальных способностей. Он выходит из дома лишь время от времени для того, чтобы сходить в магазин за продуктами и купить кое-какие лекарства, когда у него есть на это деньги.

71. По словам заявителя, впервые он смог найти дорогу в больницу через шесть месяцев после приезда в Турцию. Сейчас ему приходится платить за то, чтобы его довезли до г. Конья на автомашине. Там он ходит в государственную больницу, которая является медицинским учреждением общего профиля, а не специализированной психиатрической клиникой. Его встреча с доктором, который не является психиатром, обычно продолжается не более десяти

минут. Врач не осматривает его; заявитель просто показывает список лекарств, которые ему нужно принимать, и получает рецепт на некоторые из них. Вопрос о том, какие лекарства имеются в наличии, какие препараты ему могут прописать, а какие нет, очень во многом зависит от случая. Заявитель получает прописанное ему лекарство в аптеке. Его психическое и соматическое состояние не отслеживается и может ухудшиться из-за побочных эффектов приема лекарств; иногда, когда он приходит в больницу, там нет врача, и он может поговорить только с секретарем. Согласно представлениям заявителя, он не может представить новых медицинских доказательств, так как ему не обеспечивается необходимое лечение и он не имеет возможности наблюдаться у психиатра.

72. По утверждениям властей государства-ответчика, после высылки заявитель продолжал получать от властей Дании ежемесячное пособие в размере, эквивалентном 1 300 евро.

73. 2 октября 2019 г. представитель заявителя от его имени попросил власти Дании разрешить заявителю въезд в Данию. В обоснование своей просьбы он сослался на Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу и отметил, что заявитель хочет жить со своей матерью. Медицинской информации о состоянии здоровья заявителя представлено не было.

74. В письме от 11 ноября 2019 г. власти Дании сообщили представителю заявителя, что конкретных мер в отношении заявителя принято не было, так как Постановление, о котором идет речь, еще не вступило в силу.

СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ПРАВОВАЯ БАЗА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ДАНИИ

I. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДАНИИ

A. Уголовный кодекс Дании

75. В части, имеющей отношение к настоящему делу, Уголовный кодекс Дании предусматривает следующее:

«Статья 16

(1) Лица, которые на момент совершения деяния не отдавали себе отчета в своих действиях в связи с психическим расстройством или состоянием, сравнимым с психическим расстройством, не подлежат наказанию. Это относится и к лицам, страдающим тяжелыми психическими заболеваниями. Если обвиняемый временно находился в состоянии психического расстройства или в состоянии, сравнимом с психическим расстройством, по причине употребления алкоголя или иных одурманивающих веществ, он может быть наказан, если это оправдано ввиду особых обстоятельств.

(2) Лица, которые на момент совершения деяния страдали легким психическим расстройством, не подлежат наказанию иначе как в особых обстоятельствах. То же относится и к лицам, находящимся в состоянии, сравнимом с психическим расстройством.

Статья 68

Если обвиняемый освобождается от наказания согласно статье 16, суд может принять решение о применении иных мер, которые он сочтет целесообразными для предотвращения новых преступлений. Если такие менее радикальные меры, как надзор, определение места жительства или места работы, восстановительное лечение, психиатрическое лечение и т.д., признаны недостаточными, суд может решить, что человека нужно поместить в больницу для психически больных лиц или в специализированное учреждение для лиц с тяжелыми психическими заболеваниями или что за ним следует установить наблюдение с возможностью передачи его под административный надзор либо направления в подходящую приемную семью или учреждение, где он может получить необходимое внимание и уход. Допустима изоляция человека в условиях, обеспечивающих безопасность, при соблюдении требований статьи 70.

Статья 71

(1) Если возникает вопрос о применении судом к обвиняемому такой меры, как направление в специализированное учреждение или изоляция в условиях, обеспечивающих безопасность, в соответствии с положениями статей 68–70 суд может назначить обвиняемому опекуна-представителя, по мере возможности из числа его ближайших родственников, который совместно с назначенным защитником будет оказывать обвиняемому помощь в ходе судебного разбирательства.

(2) В случае, если будет принято решение о направлении обвиняемого в специализированное учреждение или о его изоляции в условиях, обеспечивающих безопасность, как указано в пункте 1 настоящей статьи, либо в случае, если решение суда допускает возможность применения этих мер, обвиняемому должен быть назначен опекун-представитель. Опекун должен следить за условиями содержания осужденного, а также за тем, чтобы применение этих и иных мер не длилось дольше, чем это необходимо. Опекун перестает выполнять свои функции тогда, когда окончательно прекращается применение к осужденному соответствующих мер.

(3) Министр юстиции устанавливает подробные правила в области назначения опекунов-представителей, полагающегося им вознаграждения, а также их обязанностей и конкретных полномочий.

Статья 72

(1) Орган обвинения обеспечивает, чтобы меры, предусмотренные статьями 68, 69 или 70, не применялись дольше или в большем объеме, чем это необходимо.

(2) Решение об изменении мер, избранных в соответствии со статьями 68–70, или об окончательном прекращении их применения прини-

мается судом по заявлению осужденного, его опекуна-представителя, органа обвинения, администрации специализированного учреждения или Пенитенциарной службы (*Kriminalforsorgen*). Заявление осужденного, его опекуна-представителя, администрации специализированного учреждения или Пенитенциарной службы подается в орган обвинения, который обязан как можно скорее поставить данный вопрос перед судом. В случае отклонения заявления осужденного или его опекуна-представителя подача нового заявления допускается лишь по истечении первых шести месяцев с даты вынесения решения...

Статья 245

(1) Лицо, совершившее нападение на человека особо агрессивного, жестокого или опасного характера или виновное в жестоком обращении, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более шести лет. Если такое нападение причинило другому лицу значительные телесные повреждения или серьезный вред здоровью, это должно считаться особоотягчающим вину обстоятельством...

Статья 246

Если нападение на человека, подпадающее под действие статьи 245 или статьи 245а, считается совершенным в серьезных отягчающих обстоятельствах, поскольку оно имело особенно серьезный характер, причинило серьезные последствия или привело к смерти потерпевшего, допускается назначение более сурового наказания в виде лишения свободы сроком на десять лет».

В. Закон «Об иностранцах»

76. В части, имеющей отношение к настоящему делу, Закон «Об иностранцах», касающийся высылки, в редакции, действовавшей в соответствующий период времени, предусматривал следующее:

«Статья 22

(1) Высылка иностранца, непрерывно проживающего в Дании на законных основаниях в течение более семи лет, или иностранца, получившего вид на жительство согласно статье 7 либо пункту 1 или 2 статьи 8, допускается в случаях, если:

/.../

(vi) этот иностранец, согласно положениям главы 12 и главы 13 Уголовного кодекса или согласно пунктам 1 и 2 статьи 119, статье 180, статье 181, пунктам 1 и 2 статьи 183, статье 183а, пункту 1 статьи 186, пункту 1 статьи 187, статье 192а, пункту 1 статьи 210, пункту 3 статьи 210 во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 210, статье 215, статье 216, статье 222, статьям 224 и 225 во взаимосвязи со статьями 216 и 222, статье 237, статье 245, статье 245а, статье 246, пункту 2 статьи 252, пункту 2 статьи 261, статье 262а, статье 276 во взаимосвязи со статьей 286, статьям 278–283 во взаимосвязи со статьей 286, статье 288 или пункту 2 статьи 290 Уголовного кодекса приговорен к лишению свободы или к другому уголовному наказанию, предполагающему или допускающему лишение свободы за преступление, которое привело бы к такого рода наказанию...

Статья 26

1. При вынесении решения о высылке необходимо учитывать вопрос о том, нужно ли считать высылку особенно обременительной, в частности, из-за:

- (i) связей иностранца с датским обществом;
- (ii) возраста, состояния здоровья и иных личных обстоятельств иностранца;
- (iii) связей иностранца с проживающими в Дании лицами;
- (iv) воздействия высылки на близких родственников иностранца, проживающих в Дании, в том числе ее влияния на единство семьи;
- (v) ограниченных или отсутствующих связей иностранца с его родной страной или любой другой страной, в которой он, скорее всего, будет жить; и
- (vi) опасности того, что, иначе как в случаях, о которых говорится в пунктах 1 и 2 статьи 7 и в пунктах 1 и 2 статьи 8, иностранец подвергнется жестокому обращению в своей родной стране или в любой другой стране, в которой он, скорее всего, будет жить.

2. Иностранец подлежит высылке согласно подпунктам (iv)–(vii) пункта 1 статьи 22 и статье 25, если в силу обстоятельств, о которых говорится в пункте 1 настоящей статьи, она не становится решительно нецелесообразной.

Статья 27

1. Сроки, о которых говорится в пункте 4 статьи 11, третьем предложении пункта 1 статьи 17, статьях 22, 23 и 25а, начинают течь с даты регистрации иностранца в Центральном национальном реестре или, если он обратился с заявлением о выдаче вида на жительство в Дании, с момента подачи этого заявления или с момента выполнения условий для получения вида на жительство, если они были выполнены после подачи заявления.

/.../

5. Время, проведенное иностранцем под стражей до вынесения обвинительного приговора, в тюрьме или под действием другой уголовной санкции, предполагающей или допускающей лишение свободы за преступление, которое привело бы к лишению свободы, не включается в сроки, о которых говорится в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 32

1. Вследствие приговора, распоряжения или решения суда, в силу которых иностранец подлежит высылке, виза и вид на жительство иностранца аннулируются, а иностранцу не разрешается въезд в Данию и проживание там без специального разрешения (запрет на въезд). Запрет на въезд может быть ограничен по времени; срок действия этого запрета отсчитывается с первого дня месяца, следующего за отъездом или возвращением. Запрет на въезд начинает действовать с момента отъезда или возвращения.

2. Запрет на въезд в сочетании с высылкой, согласно статьям 22–24, вводится:

/.../

v. бессрочно, если иностранец приговорен к лишению свободы на срок более двух лет или к другому уголовному наказанию, предполагающему или допускающему лишение свободы за преступление, которое привело бы к столь же продолжительному наказанию.

Статья 49

1. Когда иностранец признается виновным в совершении преступления, суд в приговоре по ходатайству государственного обвинителя должен решить, подлежит этот иностранец высылке согласно статьям 22–24 или статье 25с или отсроченной высылке согласно статье 24b. Если в приговоре предписывается высылка, там должен быть указан срок действия запрета на въезд; см. пункты 1–4 статьи 32.

Статья 50а

1. В случаях, когда решение о высылке оформлено приговором, которым иностранцу назначено наказание в виде изоляции в условиях, обеспечивающих безопасность, или направления в специализированное учреждение согласно правилам статей 68–70 Уголовного кодекса, суд должен в связи с решением об изменении меры, предполагающей выписку из больницы или прекращение изоляции, принятой согласно статье 72 Уголовного кодекса, одновременно отменить высылку, если ввиду состояния здоровья иностранца исполнение распоряжения о высылке становится решительно нецелесообразным.

2. Если высылаемому иностранцу назначено уголовное наказание, связанное с лишением свободы, согласно правилам статей 68–70 Уголовного кодекса иначе как в случаях, о которых говорится в пункте 1 настоящей статьи, государственный обвинитель должен в связи с выпиской из больницы поднять перед судом вопрос об отмене распоряжения о высылке. В случаях, когда ввиду состояния здоровья иностранца исполнение распоряжения о высылке становится решительно нецелесообразным, суд отменяет это распоряжение. Суд назначает адвоката для защиты иностранца. Суд оформляет свое решение постановлением, которое подлежит промежуточному обжалованию согласно правилам главы 85 Закона «Об отправлении правосудия». Суд может заключить иностранца под стражу, если по убедительным основаниям это признано необходимым для обеспечения присутствия иностранца».

77. В контексте применения статьи 22 Закона «Об иностранцах» подготовительные материалы к Закону от 10 мая 2006 г. № 429 «О внесении изменений в Закон «Об иностранцах»» указывают на то, что высылка окажется нецелесообразной в обстоятельствах, о которых говорится в пункте 1 статьи 26 Закона «Об иностранцах», если она вступает в противоречие с международными обязательствами Дании по высылке иностранца, в том числе со статьями 8 Конвенции.

78. В ходе рассмотрения дела Большой Палатой Европейского Суда власти государства-ответчика отметили, что формулировка статьи 32 о запрете на въезд и его продолжительности была изменена Законом от 14 мая 2018 г. № 469, кото-

рый вступил в силу 16 мая 2018 г. Согласно подготовительным материалам к последнему из этих законов, причиной внесения изменений стала политическая воля датского законодателя, который хотел обеспечить, чтобы датские суды принимали решение о высылке совершивших преступления иностранцев чаще, чем раньше, учитывая при этом прецедентную практику Европейского Суда по статье 8 Конвенции. Согласно указанным изменениям, датские суды могут вводить запрет на въезд на более короткий срок, если они придут к выводу, что бессрочный запрет вступит в противоречие с международными обязательствами Дании. Соответственно, вместо того чтобы отказаться от высылки совершившего преступление иностранца, суды могут принять решение ввести запрет на въезд на более короткий срок. 9 июня 2020 г. в новую редакцию были внесены еще некоторые изменения, не меняющие общего смысла данной статьи, и теперь она предусматривает следующее:

«1. Запрет на въезд вводится для того, чтобы иностранец не смог въехать на указанную в решении территорию и находиться там без разрешения – см., однако, пункты 2 и 3 – в следующих ситуациях:

(i) Иностранец выслан из страны.

(ii) Иностранцу предписано немедленно покинуть Данию или он не покинул страну в срок, определенный согласно пункту 2 статьи 33.

(iii) К иностранцу применяются ограничительные меры с целью не допустить въезда и транзита по решению ООН или Европейского союза.

(iv) Иностранец включен в список, о котором говорится в пункте 1 статьи 29с.

(v) Вид на жительство иностранца или его право на проживание в стране аннулировано согласно пункту 1 статьи 21b.

2. Запрет на въезд вводится в отношении иностранца, подпадающего под действие правил ЕС, только если высылка этого иностранца производится для обеспечения общественного порядка, безопасности или здоровья общества.

3. В конкретных случаях, в том числе для сохранения единства семьи, запрет на въезд не применяется, если высылка иностранца производится согласно пункту 2 статьи 25а или статье 25b либо если иностранец подпадает под действие подпункта (ii) пункта 1 настоящей статьи.

4. Устанавливаются следующие сроки действия запрета на въезд (однако см. пункт 5 настоящей статьи):

(i) Два года, если высылка иностранца производится согласно статье 25а или 25b либо если запрет на въезд введен в отношении иностранца согласно подпункту (ii) пункта 1 настоящей статьи (однако см. подпункт (iii) настоящей статьи).

(ii) Четыре года, если высылка иностранца производится согласно статье 22, статье 23 или

статье 24 наряду с условным наказанием в виде лишения свободы или если иностранцу назначено наказание в виде лишения свободы на срок не более трех месяцев или другое уголовное наказание, предполагающее или допускающее лишение свободы за преступление, которое привело бы к наказанию такого же характера или длительности (однако см. подпункт (v) настоящей статьи), либо если высылка иностранца производится согласно статье 25с.

(iii) Пять лет, если высылка иностранца производится согласно пункту 2 статьи 25, если предполагается, что иностранец представляет серьезную угрозу общественному здоровью, или если иностранец является гражданином третьей страны и в отношении него введен запрет на въезд согласно подпункту (ii) пункта 1 настоящей статьи или в связи с высылкой согласно пункту 2 статьи 25а или статье 25b либо если он прибыл в Данию в нарушение предыдущего запрета на въезд, введенного согласно подпункту (ii) пункта 1 или в связи с высылкой согласно пункту 2 статьи 25а или статье 25b или въехал в Данию в нарушение запрета на въезд, введенного другим государством-участником, и внесен во вторую техническую версию Шенгенской информационной системы (ШИС II).

(iv) Шесть лет, если высылка иностранца производится согласно статье 22, статье 23 или статье 24 и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок более трех месяцев, но не более одного года или другое уголовное наказание, предполагающее или допускающее лишение свободы за преступление, которое привело бы к наказанию такой же продолжительности.

(v) Не менее шести лет, если высылка иностранца производится согласно подпунктам (iv)–(viii) пункта 1 статьи 22, подпункту (i) пункта 1 статьи 23 (см. для сравнения подпункты (iv)–(viii) пункта 1 статьи 22) или подпункту (i) пункта 1 статьи 24 (см. для сравнения подпункты (iv)–(viii) пункта 1 статьи 22) либо если высылка иностранца производится по приговору суда и иностранец не проживал на законных основаниях в Дании в течение как минимум последних шести месяцев.

(vi) Двенадцать лет, если высылка иностранца производится согласно статье 22, статье 23 или статье 24 и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок более одного года, но не более полутора лет или другое уголовное наказание, предполагающее или допускающее лишение свободы за преступление, которое привело бы к наказанию такой же продолжительности.

(vii) Бессрочно, если высылка иностранца производится согласно статье 22, статье 23 или статье 24 и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок более полутора лет или другое уголовное наказание, предполагающее или допускающее лишение свободы за преступление, которое привело бы к наказанию такой же продолжительности.

(viii) Бессрочно, если высылка иностранца производится согласно подпунктам (i) или (ii) пункта 1 статьи 25, если предполагается, что иностранец представляет серьезную угрозу общественному порядку или безопасности общества.

(ix) Бессрочно, если запрет на въезд вводится согласно подпункту (v) пункта 1 настоящей статьи.

(х) На срок применения к иностранцу ограничительных мер, о которых говорится в подпункте (iii) пункта 1 настоящей статьи, или включения иностранца в список, о котором говорится в подпункте (iv) пункта 1 настоящей статьи.

5. Запрет на въезд меньшей продолжительности может быть введен в следующих случаях:

(i) Высылка иностранца производится согласно статье 22, статье 23 или статье 24, и введение запрета на въезд на срок, о котором говорится в пункте 4 настоящей статьи, будет означать, что высылка непременно вступит в противоречие с международными обязательствами Дании.

(ii) Когда запрет на въезд введен в отношении иностранца согласно подпункту (ii) пункта 1 настоящей статьи или в связи с высылкой согласно пункту 2 статьи 25а, статье 25b или подпункту (ii) пункта 1 статьи 25, если предполагается, что иностранец представляет серьезную угрозу здоровью общества, и по исключительным причинам, в том числе с учетом семейных и социальных связей, целесообразно ввести запрет на въезд меньшей продолжительности по сравнению с той, которая установлена подпунктами (i) и (iii) пункта 4 настоящей статьи.

(iii) Бессрочный запрет на въезд согласно подпунктам (viii) или (ix) пункта 4 настоящей статьи вступит в противоречие с международными обязательствами Дании.

6. Срок действия запрета на въезд отсчитывается с даты отъезда или высылки с территории, к которой относится запрет на въезд. Срок действия запрета на въезд, введенного согласно подпункту (iii) или (iv) пункта 1 настоящей статьи, отсчитывается с даты, когда иностранец начинает удовлетворять условиям введения запрета на въезд, предусмотренным этими положениями. Срок действия запрета на въезд, введенного согласно подпункту (v) пункта 1 настоящей статьи, отсчитывается с даты, когда был сделан вывод, что иностранец удовлетворяет условиям введения запрета на въезд, если иностранец находится за пределами Дании.

7. Запрет на въезд, введенный в отношении иностранца, подпадающего по действие правил ЕС, подлежит отмене по заявлению, если предполагается, что личное поведение иностранца уже не представляет реальной, непосредственной и достаточно серьезной угрозы общественному порядку, безопасности или здоровью общества. При определении этой угрозы нужно принимать во внимание, изменились ли обстоятельства, которые первоначально оправдывали введение запрета на въезд. Заявление об отмене запрета на въезд рассматривается в течение шести месяцев с момента подачи этого заявления. Во всех остальных случаях, кроме тех, о которых говорится в первом предложении настоящего пункта, запрет на въезд, введенный согласно подпункту (ii) пункта 1 настоящей статьи или в связи с высылкой согласно пункту 2 статьи 25а или статье 25b, может быть отменен, если это целесообразно в силу исключительных обстоятельств,

в том числе для сохранения единства семьи. Кроме того, запрет на въезд, введенный согласно подпункту (ii) пункта 1 настоящей статьи, может быть отменен, если иностранец покинул Данию в соответствующий отведенный для отъезда срок.

8. Действие запрета на въезд прекращается в следующих случаях:

(i) Иностранец получает вид на жительство согласно статьям 7–9f, статьям 9i–9n, статье 9p или статье 9q на условиях, предусмотренных пунктами 3–6 статьи 10.

(ii) Иностранец получает удостоверение о регистрации или карту постоянного жителя (см. статью 6) по результатам оценки, соответствующей оценке, о которой говорится в первом и втором предложениях пункта 7 настоящей статьи.

(iii) К иностранцу перестают применяться ограничительные меры, о которых говорится в подпункте (iii) пункта 1 настоящей статьи.

(iv) Иностранца исключают из списка, о котором говорится в пункте 1 статьи 29с.

II. ПРОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ

А. Документы Совета Европы

79. Говоря о различных актах, принятых Советом Европы в области иммиграции, нужно отметить Рекомендации Комитета Министров Совета Европы Rec(2000)15 «О безопасности проживания мигрантов, живущих в стране в течение длительного времени» и Rec(2002)4 «О правовом статусе лиц, получивших разрешение на воссоединение семьи», а также Рекомендацию Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1504 (2001) «О недопустимости высылки мигрантов, живущих в стране в течение длительного времени».

80. В Рекомендации Rec(2000)15 сказано, в частности, следующее:

«4. Относительно защиты от высылки

а) При принятии решения о высылке мигранта, живущего в стране в течение длительного времени, необходимо, уделяя должное внимание принципу соразмерности и постоянной прецедентной практики Европейского Суда по правам человека, учитывать следующие критерии:

- личное поведение мигранта;
- длительность проживания на территории государства;
- последствия такого решения для самого мигранта и для членов его семьи;
- сложившиеся у мигранта и у членов его семьи связи с его родной страной.

б) При применении принципа соразмерности, предусмотренного подпунктом «а» пункта 4, государства-участники должны надлежащим образом принимать во внимание длительность и характер проживания в принимающем государстве относительно тяжести преступления, совершенного

мигрантом, живущим в стране в течение длительного времени. В частности, государства-участники могут предусмотреть, что высылка мигранта, живущего в стране в течение длительного времени, не допускается:

– по истечении пяти лет постоянного проживания в принимающем государстве, кроме случаев, когда он осужден за совершение преступления и приговорен к лишению свободы на срок более двух лет без отсрочки исполнения наказания;

– по истечении десяти лет постоянного проживания в принимающем государстве, за исключением случаев, когда он осужден за совершение преступления и приговорен к лишению свободы на срок более пяти лет без отсрочки исполнения наказания.

По истечении 20 лет постоянного проживания в принимающем государстве высылка мигранта, живущего в стране в течение длительного времени, не допускается.

с) Высылка мигрантов, живущих в стране в течение длительного времени, которые родились на территории государства-участника или которым был разрешен въезд в государство-участник в возрасте до десяти лет и которые на законных основаниях постоянно проживали на территории этого государства, не допускается по достижении ими 18-летнего возраста.

Высылка несовершеннолетних мигрантов, живущих в стране в течение длительного времени, не допускается в принципе.

d) В любом случае каждое государство-участник вправе предусмотреть в своем внутреннем законодательстве возможность высылки мигрантов, живущих в стране в течение длительного времени, в случае, если они представляют серьезную угрозу для национальной безопасности или общественного порядка».

81. Парламентская ассамблея Совета Европы в своей Рекомендации № 1504 (2001) советует Комитету Министров Совета Европы предложить властям государств-участников, в частности:

«11. /.../

(ii) /.../

с. взять на себя обязательство по обеспечению возможности применения общеправовых процедур и мер наказания, рассчитанных на граждан страны, к мигрантам, живущим в стране в течение длительного времени, которые совершили аналогичное преступление...

g. принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы к мигрантам, живущим в стране в течение длительного времени, наказание в виде высылки из страны применялось только в связи с особо тяжкими преступлениями, затрагивающими государственную безопасность, в совершении которых они были признаны виновными;

h. гарантировать, чтобы мигранты, которые родились или выросли в стране пребывания, и их несовершеннолетние дети не подлежали высылке ни при каких обстоятельствах...».

Комитет Министров Совета Европы ответил Ассамблее по поводу запрета на высылку определенных категорий мигрантов 6 декабря 2002 г. Он пришел к выводу, что в Рекомендации Rec(2000)15 затрагиваются многие опасения Ассамблеи и что он в связи с этим не хотел бы придумывать какие-то новые стандарты.

82. В разделе «Эффективная защита от высылки членов семей» Комитет Министров Совета Европы в Рекомендации Rec(2002)4 предложил властям государств-участников, чтобы при рассмотрении вопроса об отмене разрешения на проживание или об отказе в продлении срока его действия, а также вопроса о высылке члена семьи:

«...государства-участники должным образом учитывали такие критерии, как место рождения человека, возраст, в котором он прибыл на территорию страны, продолжительность его проживания там, его семейное положение, наличие у него семейных связей в своей родной стране и устойчивость его социальных и культурных связей со своей родной страной. Особое внимание следует уделять обеспечению интересов и благополучия детей».

В. Практика Европейского союза, имеющая отношение к настоящему делу

83. В деле «С.К. против Словении» (С.К. v. Slovenia) (дело № C-578/16 PPU) речь шла о возвращении в Хорватию из Словении просительницы убежища вместе с ее мужем и новорожденным ребенком (гражданами третьих стран), заявление которой было подведомственно властям Хорватии. У заявительницы была трудная беременность, и после рождения ребенка ей поставили диагноз «послеродовая депрессия и периодически возникающие суицидальные наклонности». В Решении от 16 февраля 2017 г. Суд Европейского союза (далее – Суд ЕС) пришел, в частности, к следующим выводам:

«68. Из прецедентной практики Европейского Суда по правам человека по статье 3 ЕКПЧ... следует, что страдания, причиной которых является соматическая или психическая болезнь, возникшая по естественным причинам, могут подпадать под действие статьи 3 ЕКПЧ, если их усугубить или может усугубить обращение, связанное с условиями содержания под стражей, высылкой или другими мерами, за которые власти могут быть привлечены к ответственности, при условии, что причиненные ими страдания достигли минимального уровня жестокости, который требуется согласно этой статье (см. в этом отношении Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) от 13 декабря 2016 г., CE: ECHR: 2016: 1213JUD004173810, §§ 174 и 175¹).

/.../

¹ Так в тексте. Здесь и далее по тексту имеется в виду Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 41738/10. См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 11 (примеч. редактора).

В связи с этим применительно к условиям приема и ухода в несущем ответственность государстве-участнике необходимо отметить, что от государств-участников... требуется... обеспечивать просителям убежища необходимые медицинские услуги и медицинскую помощь, в том числе как минимум неотложную помощь и элементарное лечение болезней и тяжелых психических расстройств. В этих обстоятельствах и в соответствии с принципом взаимного доверия в отношениях между государствами-участниками действует твердая презумпция достаточности медицинской помощи, которая предлагается просителям убежища в государствах-участниках...

/.../

71. В настоящем деле ни решение о направлении дела, ни материалы дела не указывают на наличие существенных оснований полагать, что в процедуре предоставления убежища и в условиях приема просителей убежища в Хорватии имеются системные недостатки, в частности, в том, что касается доступности медицинской помощи; к тому же истцы по основному разбирательству таких утверждений не выдвигали. Напротив, из этого решения видно, что в Республике Хорватия, в частности в г. Кутина (*Kutina*), есть приемный пункт, предназначенный именно для лиц, находящихся в уязвимом положении, где они могут обратиться к врачу и получить медицинские услуги, а в неотложных случаях – в местную больницу или даже в больницу в г. Загребе. Далее, по-видимому, власти Словении получили от властей Хорватии заверения в том, что истцы по основному разбирательству получат необходимую медицинскую помощь.

72. Кроме того, возможно, что эффективное лечение некоторых острых и редких заболеваний обеспечивается только в некоторых государствах-участниках... однако истцы по основному разбирательству не утверждали, что это затронуло их лично.

73. При этом нельзя исключать, что перевозка просителя убежища с особенно серьезными проблемами со здоровьем сама по себе может привести к появлению реальной опасности бесчеловечного или унижающего достоинство обращению с этим человеком... вне зависимости от качества приема и ухода в государстве-участнике, властям которого подведомственно его заявление.

74. В этом контексте необходимо прийти к выводу, что в обстоятельствах, когда перевозка просителя убежища, страдающего особенно тяжелым психическим или соматическим заболеванием, приведет к появлению реальной и доказанной опасности существенного и необратимого ухудшения состояния его здоровья, такая перевозка будет являться бесчеловечным и унижающим достоинство обращением по смыслу положений этой статьи.

75. Соответственно, когда проситель убежища представляет... касающиеся его объективные доказательства, например медицинские справки, которые могут указывать на существование особенно серьезных проблем со здоровьем и на существенные и необратимые последствия, к которым может привести его перевозка, органы власти

соответствующего государства-участника, в том числе суды, не могут эти доказательства игнорировать. Напротив, они обязаны оценить опасность возникновения таких последствий, принимая решение о перевозке человека, или, если речь идет о суде, законность решения о его перевозке, так как исполнение этого решения может привести к бесчеловечному или унижающему достоинству обращению с этим человеком...

76. Таким образом, указанные органы власти должны устранить всякие серьезные сомнения в том, что перевозка может привести к ухудшению состояния высылаемого лица. В связи с этим, в частности, при наличии тяжелого психического заболевания недостаточно рассмотреть только последствия физической перевозки человека из одного государства-участника в другое – нужно принять во внимание все существенные и необратимые последствия, к которым может привести перевозка».

84. В деле «МР против министра внутренних дел» (*MR v. Secretary of State for the Home Department*) (дело № C-353/16) речь шла о гражданине Шри-Ланки, которому разрешили остаться на территории Соединенного Королевства до конца обучения и который по истечении этого срока попросил политического убежища, утверждая, что власти Шри-Ланки пытали его, поскольку он был членом незаконной организации. Компетентному суду Соединенного Королевства были представлены медицинские документы, указывающие на то, что заявитель страдает от последствий применения пыток, что у него развилось тяжелое посттравматическое стрессовое расстройство и сильная депрессия, возникли выраженные суицидальные наклонности и что он, по-видимому, твердо решил наложить на себя руки, если ему придется вернуться в Шри-Ланку. В соответствующей части Решения от 24 апреля 2018 г. Суд ЕС отметил следующее:

«40. Если говорить... о пороговом уровне жестокости, необходимым для того, чтобы установить нарушение статьи 3 ЕКПЧ, из самой недавней прецедентной практики Европейского Суда по правам человека следует, что эта статья запрещает высылать тяжело больного человека, если ему угрожает опасность неминуемой смерти или если имеются веские основания полагать, что, несмотря на отсутствие неминуемой опасности умереть, он из-за отсутствия в принимающей стране соответствующего лечения или недостаточной доступности такого лечения подвергнется реальной опасности серьезного, стремительного и необратимого ухудшения состояния его здоровья, которое приведет к сильным страданиям или к существенному снижению ожидаемой продолжительности жизни (см. в этом отношении Постановление Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) от 13 декабря 2016 г., CE: ECHR: 2016:1213JUD004173810, §§ 178 и 183).

/.../

42. В связи с этим Суд ЕС пришел к выводу, что, особенно при наличии тяжелого психического

заболевания, недостаточно рассмотреть только последствия физической перевозки человека из государства-участника в третью страну – нужно принять во внимание все существенные и необратимые последствия, к которым может привести высылка... Кроме того, с учетом основополагающей важности запрета пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения... нужно уделять пристальное внимание особенностям уязвимого положения лиц, чьи психологические страдания, которые могут усилиться в случае их высылки, являются следствием пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в их родной стране.

43. Таким образом, статья 4 и пункт 2 статьи 19 Хартии, если их трактовать с учетом статьи 3 ЕКПЧ, запрещают государству-участнику высылать гражданина третьей страны в случаях, когда такая высылка, по сути, существенно и необратимо усугубит психические расстройства этого человека, особенно тогда, когда, как в настоящем деле, его состояние ухудшится настолько, что будет угрожать его жизни».

ПРАВО

1. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что в связи с состоянием его психического здоровья его высылка в Турцию нарушала статью 3 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

86. Палата Европейского Суда напомнила принципы, сформулированные в Постановлении Большой Палаты по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 41738/10. Признав, что соответствующее лекарство продается в аптеках Турции, в том числе в районе, где заявитель, вероятнее всего, поселится, Палата Суда отметила, что в настоящем деле важными дополнительными элементами являются сопровождение и контроль, которые требуется обеспечивать заявителю в связи с интенсивным амбулаторным лечением. Медицинские документы указывают на то, что заявитель должен принимать лекарство ежедневно, в противном случае возникнет опасность обострения у него психотических симптомов и повысится вероятность агрессивного поведения. Кроме того, лечение заявителя должно проводиться специалистами. В частности, для профилактики обострений очень важно, чтобы помимо приема лекарств заявителя регулярно посещал наблюдатель, который присматривал бы за ним, и чтобы имелась схема сопровождения,

гарантирующая, что заявитель уделяет внимание назначенному ему лечению. Кроме того, заявитель должен регулярно сдавать кровь на анализ для подтверждения того, что на фоне приема «Лепонекса» у него не развился иммунодефицит.

87. Палата Европейского Суда отметила, что Высокий суд не рассмотрел этих факторов, но указал в более общем плане на то, что высылка заявителя не станет решительно нецелесообразной из-за его осведомленности о своей болезни и о важности следовать плану лечения и принимать прописанные ему лекарства. Однако Палата Суда обратила внимание на то, что, по мнению одного из врачей-экспертов, осведомленности заявителя о своей болезни недостаточно, чтобы избежать обострений. Важно, чтобы его регулярно посещал наблюдатель, который присматривал бы за ним. Палата Суда сочла примечательным, что Высокий суд, в отличие от Городского суда, не стал подробно рассматривать этот вопрос.

88. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что из-за переезда в Турцию, где, по словам заявителя, у него нет ни семьи, ни каких-либо других социальных связей, он неизбежно столкнется с дополнительными лишениями, тем более что после возвращения туда ему нужно будет обеспечить сопровождение и контроль, необходимые для амбулаторного психиатрического лечения, а также для профилактики ухудшения иммунитета, и как минимум помощь в виде регулярных посещений личного наблюдателя. Палата Суда разделила обеспокоенность Городского суда тем, что неясно, будет ли у заявителя реальная возможность получить по возвращении в Турцию соответствующую психиатрическую помощь, включающую в себя необходимое сопровождение и контроль, в связи с интенсивным амбулаторным лечением. Эта неопределенность привела к серьезным сомнениям, связанным с тем, как повлияет высылка на заявителя. Соответственно, власти Дании должны были убедиться в том, что по возвращении заявителя в Турцию власти этой страны обеспечат ему регулярные посещения личного наблюдателя, удовлетворяющие его потребностям. Палата Суда пришла к выводу, что, если власти Дании вышлют заявителя в Турцию, не получив таких заверений, это приведет к нарушению статьи 3 Конвенции.

В. Представления сторон, поступившие в Большую Палату Европейского Суда

1. Доводы заявителя

89. Заявитель утверждал, что обстоятельства дела указывают на нарушение его прав, охраняемых статьей 3 Конвенции. Он отмечал, что страдает параноидной шизофренией – очень серьезным хроническим заболеванием, которое признано на международном уровне, в том числе Всемирной

организацией здравоохранения. Врачи установили, что это психическое заболевание может протекать настолько тяжело, что плохое лечение может вызвать серьезное, стремительное и необратимое ухудшение здоровья пациентов, которое приведет к сильным страданиям или к существенному снижению ожидаемой продолжительности жизни и может представлять угрозу для безопасности самих пациентов и окружающих.

90. Говоря об опасениях, связанных со сложностями оценки состояния здоровья конкретного человека, которая носит более субъективный характер из-за риска симулирования симптомов, заявитель подчеркивал, что он привел весомые медицинские доказательства, охватывающие очень длительный период его болезни. В разное время три консультанта-психиатра подтвердили его диагноз, динамику развития его болезни, изменения в его поведении, а также крайнюю важность сопровождения и контроля и других инициатив по лечению для профилактики обострений. Кроме того, заявитель ссылался на то, что в начале 2013 года врачи попытались уменьшить дозу назначенного ему лекарства, вследствие чего его состояние дестабилизировалось, у него появились психотические симптомы и его пришлось неделю держать связанным ремнями. По мнению заявителя, это происшествие показало, насколько непрочное его психическое здоровье. Стало понятно, что даже после стольких лет целенаправленного лечения в специализированной больнице он по-прежнему нуждается в контроле и вмешательстве врачей и что на момент его высылки в Турцию он не готов был самостоятельно проходить амбулаторное лечение.

91. Поэтому заявитель утверждал, что он привел достаточно серьезные доказательства, представив медицинские документы, ясно указывающие на наличие существенных оснований полагать, что ему будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, подпадающему под действие статьи 3 Конвенции. Ссылаясь на приговор Городского суда от 14 октября 2014 г., заявитель утверждал, что власти Дании прекрасно знали о серьезных опасностях, которые будут ему угрожать в случае высылки.

92. Однако в постановлении от 13 января 2015 г. Высокий суд исходил всего лишь из общей информации о доступности лечения и лекарственных препаратов в Турции, полученной из базы данных MedCOI (см. выше § 66). По поводу последней заявитель утверждал, что во многих источниках критикуются методы и результаты работы MedCOI. В частности, неясны методы сбора информации; кроме того, собранная информация всегда обезличена, а это вызывает сомнения в прозрачности, точности и надежности ее источников. Говоря конкретнее, в деле заявителя этой информации было явно недостаточно для того, чтобы нейтрализовать

очень весомые медицинские доказательства, которые он предоставил.

93. Далее, можно усомниться даже в повсеместной доступности психиатрической помощи в Турции. Заявитель сослался на Атлас психического здоровья Всемирной организации здравоохранения 2017 года, в котором указано, что в Турции на 100 000 жителей приходится 1,64 психиатра. Это наименьшая доля психиатров по отношению к населению страны среди всех государств – членов Всемирной организации здравоохранения. В этих обстоятельствах особенно важно, что власти Дании должны были рассмотреть вопрос о том, действительно ли у заявителя будет возможность получить надлежащую медицинскую помощь; однако Высокий суд не стал обсуждать этот вопрос.

94. Далее заявитель указал на свое состояние в данный момент, утверждая, что конкретно в его случае надлежащее лечение отсутствует или фактически ему не предоставляется из-за отсутствия элементарных медицинских услуг, учреждений, ресурсов и (или) лекарств. Далее он сослался на то, что он получал некоторые таблетки только изредка, а также на высокую стоимость лечения. Так, заявитель подчеркнул, что в его ситуации было особенно важно получить индивидуальные заверения перед тем, как выслать его из Дании. С учетом того, что в ходе рассмотрения дела в датских судах психиатры в своих заключениях ясно описали предсказуемые последствия отсутствия надлежащего лечения, власти Дании должны были убедиться в том, что в лечении заявителя не наступит перерыв. Это не было для них непосильной задачей, так как в посольстве Дании в Турции работает много сотрудников, и они могли бы приложить усилия, чтобы обеспечить непрерывность лечения заявителя в случае его высылки. Однако в отсутствие таких заверений власти возвращающего государства должны были воздержаться от высылки заявителя.

95. Кроме того, заявитель не согласился с доводом властей государства-ответчика, утверждавших, что помощь наблюдателя является мерой социальной поддержки, а не элементом лечения. Он указывал на заключения психиатров по его делу, в которых ясно говорилось, что помощь наблюдателя является составной частью его лечения. Наблюдатель необходим для обеспечения того, чтобы заявитель следовал плану лечения, с целью не допустить обострений, а значит, опасности причинения заявителем вреда самому себе или окружающим, а также для того, чтобы быть в курсе потенциально опасных побочных эффектов лечения. Он подчеркнул, что ни разу не требовал обеспечить ему в Турции лечение такого же качества, как в Дании, а просто настаивал на необходимости принимать элементарные меры по его лечению, включающие в себя помощь личного наблюдателя, согласно данным ему рекомендациям врачей-психиатров.

96. Действительно, власти государства-ответчика получили информацию о том, что психиатрическая помощь в целом оказывается в Турции и даже включена в государственную программу медицинского страхования. Вместе с тем схема сопровождения и контроля посредством ежедневных посещений наблюдателя для профилактики обострений, несмотря на всю свою важность, в Турции не обеспечивается. Кроме того, власти Дании не получили от властей Турции заверений в том, что по прибытии у заявителя будет возможность получать такую амбулаторную терапевтическую помощь.

97. Далее заявитель вновь обратил внимание на свою плачевную ситуацию после высылки (см. выше §§ 70–71). Так, он утверждал, что вывод Палаты Европейского Суда о нарушении статьи 3 Конвенции убедительно подтверждается существующей прецедентной практикой в этой области и конкретными обстоятельствами его дела.

2. Доводы властей государства-ответчика

98. Власти государства-ответчика настаивали на том, что исполнение распоряжения о высылке заявителя не привело к нарушению статьи 3 Конвенции. Они активно ссылались на прецедентную практику Европейского Суда по вопросу о высылке тяжело больных иностранцев и, в частности, на подлежащие применению стандарты, установленные в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium). Однако они утверждали, что в упомянутом Постановлении прямо не указано, применяется ли стандарт, установленный в параграфе 183 этого Постановления, к делам о высылке иностранцев с психическими заболеваниями.

99. По их мнению, стандарт, сформулированный в этом параграфе упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), нельзя применять в данном контексте без изменений. В связи с этим они утверждали, что по своему характеру, симптомам и возможным методам лечения психическое заболевание несопоставимо с неизлечимой или другой тяжелой соматической болезнью, требующей длительного интенсивного лечения. В основе соматической болезни лежат элементы, объективно более заметные и поддающиеся измерению, чем элементы психического заболевания, которое в силу его характера нужно оценивать исходя из психологических факторов, в частности из наблюдений за поведением больного и (или) рассказов человека, у которого возникли симптомы такого заболевания.

100. Говоря о конкретных критериях, перечисленных в параграфе 183 упомянутого выше

Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), власти государства-ответчика утверждали, что нет разумных оснований приравнивать элементы «стремительного и необратимого» ухудшения состояния здоровья, а также, в некоторой степени, «сильных страданий» иностранца с очень тяжелой соматической болезнью к ухудшению состояния здоровья и к «сильным страданиям» иностранца с очень тяжелым психическим заболеванием. Соответственно, нельзя предполагать, что прерывание лечения психического заболевания приведет к таким же предсказуемым последствиям, как перерыв в лечении таких соматических болезней, как рак, почечная недостаточность и кардиологические заболевания. Более того, психически больной человек может сохранять способность нормально функционировать в повседневной жизни. Поэтому очень трудно однозначно определить, действительно ли состояние такого человека серьезно ухудшилось и какие критерии нужно применять для установления того, что состояние здоровья этого человека приведет к сильным страданиям.

101. Постольку, поскольку соответствующий стандарт касается «необратимого» ухудшения здоровья, этот критерий нельзя непосредственно применять к психическому заболеванию в отсутствие доказанной опасности наступления таких последствий, как существенно возросший риск самоубийства или причинения вреда самому себе в случае прерывания лечения. Человек, страдающий психическим заболеванием, может прервать лечение самостоятельно, если он недостаточно осведомлен о своей болезни, однако в подавляющем большинстве случаев лечение можно возобновить позднее и стабилизировать состояние больного.

102. Далее, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда по вопросу о высылке заявителей, больных шизофренией, власти государства-ответчика утверждали, что в таких случаях необходимо тщательно анализировать личную ситуацию человека и в этом контексте характер заболевания и осведомленность человека о своей болезни, в том числе то, нуждается ли он в данный момент в лечении. Эти элементы имеют ключевое значение при установлении того, приведет ли высылка такого человека к нарушению статьи 3 Конвенции. Соответственно, самого по себе психиатрического диагноза недостаточно для того, чтобы конкретная жалоба стала подпадать под действие статьи 3 Конвенции. В таких делах порог применимости этой статьи должен быть очень высоким.

103. Далее власти государства-ответчика заявили: даже если предположить, что критерии, сформулированные в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), применяются в контексте высыл-

ки психически больных иностранцев без изменений, в настоящем деле не был достигнут порог применимости статьи 3 Конвенции. Они подчеркнули, что требования к порогу применимости должны быть выполнены до того, как встанет вопрос о наличии и доступности надлежащего и достаточного лечения. В настоящем деле Палата Суда не произвела оценки соблюдения этих требований. По мнению властей государства-ответчика, оценка Суда должна опираться на выводы об обстоятельствах дела, сделанные в ходе его рассмотрения датскими судами, которые тщательно изучили вопрос о том, как повлияет высылка заявителя на его здоровье, с учетом информации, предоставленной компетентными органами власти и экспертами. Представленные медицинские доказательства, а также выводы, сделанные в этой связи датскими судами, не указывают на то, что в случае высылки в Турцию заявитель столкнется с последствиями, представляющими собой «серьезное, стремительное и необратимое ухудшение состояния его здоровья, которое приведет к сильным страданиям», как это сформулировано в параграфе 183 упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*).

104. Если говорить точнее, представленные судам медицинские документы показывали, что заявитель полностью осведомлен о своей болезни, сильно мотивирован на прохождение курса психиатрического лечения, в том числе на прием психоактивных препаратов, и явно признает, что он нуждается в лечении. У него хорошие шансы на выздоровление, если после выписки ему обеспечат сопровождение и контроль в связи с интенсивным амбулаторным лечением. Врачи-психиатры ни разу не утверждали, что в случае высылки в Турцию заявитель испытает «сильные страдания» из-за недостаточной доступности медицинской помощи или поддержки в виде регулярных посещений личного наблюдателя.

105. Кроме того, имеющиеся доказательства не подтверждают, что, если болезнь заявителя не лечить, она станет «необратимой». Сначала заявителю не стали ставить психиатрический диагноз, придя к выводу, что он страдает психическим расстройством со степенью утраты функциональной трудоспособности от низкой до средней и расстройством личности, характеризующимся незрелостью, отсутствием эмпатии, эмоциональной нестабильностью и импульсивностью. Диагноз «шизофрения» впервые был поставлен заявителю в 2008 году. Тем не менее в результате лечения его состояние стабилизировалось и постепенно улучшилось. История его болезни показывает, что его несколько лет не лечили от шизофрении, однако у него была возможность начать лечение, вследствие чего имеющиеся у него психотические симптомы ослабли и временами исчезали вообще.

106. Поскольку заявитель страдает хроническим заболеванием, которое требует лечения, обострение может наступить вне зависимости от того, вышлют его в Турцию или он останется жить в Дании. Как бы то ни было, даже если предположить, что в Турции в его лечении наступит перерыв, это не приведет к таким последствиям, которые достигли бы высокого порога применимости статьи 3 Конвенции.

107. Далее власти государства-ответчика утверждали, что общедоступная медицинская помощь в Турции и фактические возможности заявителя по получению этой помощи являются достаточными и подходящими для лечения его болезни. На основании имеющихся сведений и доказательств власти Дании, в частности Высокий суд восточных земель Дании, рассмотрели медицинскую помощь, которая оказывается в Турции, и возможности заявителя по получению этой помощи, приняв во внимание, в частности, стоимость лекарств и медицинских услуг, расстояние, которое необходимо будет преодолевать заявителю для получения медицинской помощи, и доступность медицинской помощи на том языке, на котором говорит заявитель. Таким образом, датские суды произвели тщательную оценку того, как высылка заявителя повлияет на состояние его здоровья, с учетом его личных обстоятельств. Соответственно, «серьезные сомнения» в последствиях высылки заявителя в Турцию отсутствовали, а значит, властям Дании не нужно было получать в отношении него индивидуальные заверения.

108. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что власти Дании должны были получить от властей Турции заверения в том, что по возвращении в Турцию заявитель по-прежнему сможет получать помощь в виде регулярных посещений личного наблюдателя. Однако такая помощь является мерой социальной поддержки, а вывод Палаты Суда вышел за рамки подхода, вытекающего из упомянутого выше Постановления по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*), который требовал получать заверения в доступности конкретного вида лечения тяжело больному человеку, страдающему лейкемией. Таким образом, Палата Суда снизила пороговый уровень, по достижении которого власти возвращающего государства обязаны получать заверения, «перечеркнув» тем самым устоявшуюся прецедентную практику, согласно которой уровень здравоохранения в возвращающем государстве не является критерием оценки.

109. Наконец, власти государства-ответчика сослались на текущее положение заявителя, указав на отсутствие доказательств, свидетельствующих о том, что после высылки в Турцию его заболевание стало прогрессировать или у него обострились психотические симптомы. По их мнению, лишения, которые ему приходится терпеть в Турции

в связи с тем, что он вынужден сидеть взаперти и не говорит по-турецки, явно не являются нарушением статьи 3 Конвенции. Далее они утверждали, что на самом деле заявитель живет в курдской деревне, хорошо говорит по-курдски и продолжает получать от Дании пенсию по инвалидности в размере около 1 300 евро в месяц.

3. Доводы вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны

110. Властям Германии, Нидерландов, Норвегии, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Франции и Швейцарии, а также неправительственной организации «Эмнести Интернешнл» и Центру научных исследований в области основных прав человека при Университете Париж–Нантерр (CREDOF) разрешили вступить в производство по делу в качестве третьей стороны.

(а) Доводы властей государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны

111. Власти государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, выдвинули практически аналогичные доводы, обратив внимание в первую очередь на следующие аспекты.

112. Во-первых, они утверждали, что Палата Европейского Суда в своем Постановлении по настоящему делу неправильно истолковала существующую прецедентную практику в этой области, в том числе упомянутое выше Постановление Большой Палаты Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), и расширила сферу применения статьи 3 Конвенции в контексте высылки тяжело больных иностранцев. Со ссылкой на соответствующую прецедентную практику Европейского Суда власти всех этих государств подчеркнули, что пороговый уровень жестокости, необходимый для применения статьи 3 Конвенции, в делах о высылке тяжело больных иностранцев всегда был очень высоким. Упомянутое выше Постановление по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) представляет собой уточнение этого подхода, а не отступление от него. Они настаивали на том, что пороговый уровень должен оставаться очень высоким и что успешные случаи применения критерия, сформулированного в Постановлении по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), должны оставаться по-настоящему «редким исключением» с учетом, в частности, «преобладающих представлений», «требований сегодняшнего дня» и необходимости не возлагать чрезмерного бремени на ограниченные ресурсы государств-участников, поскольку это может серьезно подорвать их способность обеспечивать функционирование экономически устойчивых систем здравоохранения, достаточных для оказания помощи всем, кто на

законных основаниях проживает на их территории. Эта истина была очевидна еще до кризиса, вызванного COVID-19, а сейчас она стала еще более ясной. Власти государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, утверждали, что снижение этого порогового уровня фактически приведет к возложению на них тяжкого бремени в виде обязанности устранять неравенство между своими системами здравоохранения и системами здравоохранения третьих стран. Защита от высылки должна быть направлена на обеспечение того, что высылаемое лицо не подвергнется обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, а не наилучшего лечения существующих заболеваний и не на увеличение шансов на выздоровление.

113. Во-вторых, власти указанных государств сделали много замечаний по поводу различных аспектов стандарта, установленного в упомянутом выше Постановлении по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium). В основном они сошлись на том, что примененный в этом деле критерий не нужно приспосабливать к пациентам с психическими заболеваниями и что он должен применяться к таким пациентам без изменений, хотя некоторое толкование может быть полезно для того, чтобы лучше адаптировать его к расстройствам психики. Власти Соединенного Королевства, в частности, утверждали, что серьезное и стремительное ухудшение психического здоровья, которое можно исправить с помощью лечения, этому критерию не удовлетворяет. Кроме того, они предупредили Европейский Суд о том, что пациенты могут симулировать психическое заболевание и что это может привести к злоупотреблениям. Постольку, поскольку соответствующий стандарт касается «существенного снижения ожидаемой продолжительности жизни», власти Соединенного Королевства заявили, что он не должен включать в себя риск суицида, так как такого рода действия совершаются умышленно. В более общем плане власти Соединенного Королевства выразили обеспокоенность слишком расплывчатым и широким характером формулировки, о которой идет речь. Они настаивали на том, что все элементы соответствующего критерия нужно воспринимать как единое целое и считать обязательными для достижения этого порогового уровня. По их мнению, «существенное снижение ожидаемой продолжительности жизни» ни при каких обстоятельствах нельзя использовать в качестве единственного критерия достижения упомянутого порогового уровня. Этого фактора недостаточно, чтобы доказать нарушение статьи 3 Конвенции, если только он не является результатом «серьезного, стремительного и необратимого ухудшения состояния здоровья» человека.

114. Власти государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, подчеркивали, что стандарт, установленный в упомя-

нутом выше Постановлении по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paroshvili v. Belgium*), который уже привел к распространению действия статьи 3 Конвенции на дела о высылке тяжело больных иностранцев, в любом случае больше расширять не следует. Власти нескольких государств отмечали, что они инкорпорировали этот стандарт в свое внутреннее законодательство для соблюдения своих обязательств по Конвенции.

115. Затем власти государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, предложили Большой Палате Европейского Суда подтвердить, что прежде всего нужно рассмотреть вопрос о том, был ли в том или ином конкретном деле достигнут необходимый пороговый уровень, то есть подвергнется ли заявитель «в связи с отсутствием надлежащего лечения или недостаточной доступностью такого лечения в принимающей стране реальной опасности серьезного, стремительного и необратимого ухудшения состояния своего здоровья, которое приведет к сильным страданиям или к существенному снижению ожидаемой продолжительности жизни» (ссылаясь при этом на упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paroshvili v. Belgium*), § 183). Только после этого можно обсуждать любые другие вопросы, например наличие лечения и его доступность. Это особенно важно в ситуациях, связанных с высылкой иностранцев с психическими заболеваниями, которые носят более субъективный характер, чем соматические болезни. В связи с этим власти указанных государств критиковали Постановление Палаты Суда по настоящему делу, подчеркивая, что, пропустив этот необходимый шаг, Палата Суда фактически понизила порог применимости статьи 3 Конвенции, а такой подход не является ни разумным, ни обоснованным.

116. Далее власти государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, подчеркнули: заявитель сам должен доказать, что в случае отсутствия или недостаточной доступности надлежащего лечения в принимающей стране он столкнется с последствиями, о которых говорится в § 183 упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paroshvili v. Belgium*). Относительно правил, касающихся бремени доказывания, власти Соединенного Королевства утверждали также, что в соответствующей части Постановление по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paroshvili v. Belgium*) необходимо трактовать реалистично. Поэтому нельзя ожидать, что государства-участники дадут своим медицинским экспертам указание осматривать каждого человека, обратившегося с просьбой разрешить ему остаться по медицинским основаниям, или собирать доказательства о наличии у этого человека родственников

в его родной стране. Государства должны – в соответствующих случаях – собирать доказательства, касающиеся лечения, которое обеспечивается в принимающей стране, но нет оснований предполагать, что они будут собирать доказательства, касающиеся конкретных потребностей отдельных лиц в лечении.

117. Кроме того, власти государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, затронули понятие «достаточного и адекватного» лечения в принимающей стране, заявив, что оно требует широкой и непредвзятой оценки, опирающейся на объективно поддающиеся проверке доказательства, в том числе на независимую экспертизу, и что суды государств – участников Конвенции находятся в лучшем положении, чем Европейский Суд, чтобы производить такую оценку в каждом конкретном деле. По их мнению, нельзя считать, что «достаточное и надлежащее» лечение включает в себя меры социальной поддержки. Они напомнили, что уровень здравоохранения в возвращающем государстве критерием оценки не является.

118. По поводу доступности медицинской помощи в принимающей стране власти государств, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, утверждали, что не должно быть общей презумпции, согласно которой психическое заболевание не позволяет человеку принимать решения относительно собственного лечения. Кроме того, хотя в этом контексте и может иметь значение наличие социальных или семейных связей, их отсутствие не исключает, что заявитель, страдающий психическим заболеванием, действительно может получить необходимую медицинскую помощь. Не следует возлагать на государства-участников обязанность до бесконечности оказывать бесплатную медицинскую помощь иностранным гражданам, достаточно вменяемым, чтобы принимать решения относительно охраны своего здоровья, которые могут пройти надлежащее лечение, вернувшись в принимающую страну, но не сделают этого или могут этого не сделать.

(b) Доводы организации «Эмнести Интернешнл»

119. Организация «Эмнести Интернешнл» подчеркивала связь между правом на здоровье, в том числе правом на получение психиатрической помощи и правом на лечение психических заболеваний, и запретом пыток и других видов жестокого обращения. Она указывала на ряд международно-правовых актов, свидетельствующих о существовании этой связи, а также отстаивала подход к оказанию психиатрической помощи и лечению психических заболеваний, основанный на правах человека, при котором на первый план должен выходить комплексный и многоотраслевой процесс с участи-

ем сетей общественной поддержки и различных обслуживающих организаций.

(с) Доводы Центра научных исследований в области основных прав человека (CREDOF)

120. Центр научных исследований в области основных прав человека выступал за необходимость обеспечивать повышенный уровень защиты пациентов с психическими заболеваниями в делах о высылке, рассматривающихся с точки зрения статьи 3 Конвенции. Оценка достаточности медицинской помощи, которая обеспечивается в принимающей стране, должна включать в себя анализ терапевтических последствий лечения, доступности нормальных условий для ухода и сопровождения, а также необходимости рассматривать лечение как непрерывный процесс. Со ссылкой на различные дела, которые рассматривались на международном уровне, Центр научных исследований в области основных прав человека особенно подчеркивал последние два критерия, придавая им ключевое значение, так как резкое прерывание лечения некоторых психических расстройств может в силу самого характера таких заболеваний настолько серьезно отразиться на пациенте, что можно будет говорить о нарушении статьи 3 Конвенции. Далее он утверждал, что в отличие от пациентов с соматическими расстройствами пациентам с психическими заболеваниями обычно приписывают способность иногда симулировать симптомы болезни. Эта ситуация нередко заставляет сомневаться в их состоянии и создает дополнительные сложности при постановке диагноза и проведении соответствующей юридической оценки. С учетом сказанного выше Центр научных исследований в области основных прав человека подчеркивал, что Европейский Суд должен устанавливать стандарты в этой области с особой осторожностью, чтобы не ослабить защиту, которую обеспечивает статья 3 Конвенции психически больным иностранцам. Наконец, он упомянул о связи между поддержкой семьи и шансами психически больных пациентов на улучшение своего состояния, а также о статистических данных, согласно которым соответствующая группа лиц подвергается существенному риску самоубийства.

С. Мнение Европейского Суда

1. Статья 3 Конвенции: общие принципы

121. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, статья 3 Конвенции закрепляет одну из наиболее важных ценностей демократического общества. Она полностью запрещает пытки либо бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание независимо от того, насколько предосудительным являлось пове-

дение потерпевшего (см., в числе многих других источников, Постановление Европейского Суда по делу «Асват против Соединенного Королевства» (Aswat v. United Kingdom) от 16 апреля 2013 г., жалоба № 17299/12, § 49).

122. Однако запрет, установленный статьей 3 Конвенции, распространяется не на все виды жестокого обращения. Такое обращение, если оно подпадает под действие этой статьи Конвенции, должно достигать минимального уровня жестокости. Оценка этого минимального уровня жестокости относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, как-то: продолжительность обращения, влияние, которое оно оказало на физическое и психическое состояние потерпевшего, и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N. против Соединенного Королевства» (N. v. United Kingdom), жалоба № 26565/05, § 29, ECHR 2008, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), § 174; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буйид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), жалоба № 23380/09¹, § 86, ECHR 2015).

123. Анализ прецедентной практики Европейского Суда показывает, что статья 3 Конвенции чаще всего применяется в ситуациях, в которых опасность того, что человек подвергнется запрещенному обращению в той или иной форме, вызвана умышленными действиями представителей государства или органов государственной власти. Однако, учитывая особую важность статьи 3 Конвенции, Суд оставляет за собой достаточную гибкость в применении этой статьи Конвенции к другим потенциально возможным ситуациям (см. Постановление Европейского Суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. United Kingdom), жалоба № 2346/02, § 50, ECHR 2002-III; и Постановление Европейского Суда по делу «Христозов и другие против Болгарии» (Hristozov and Others v. Bulgaria), жалобы №№ 47039/11 и 358/12, § 111, ECHR 2012 (извлечения)). В частности, Суд приходил к выводу, что страдания, причиной которых является болезнь, возникшая по естественным причинам, могут охватываться статьей 3 Конвенции, если они усугубляются или могут усугубляться обращением, связанным с мерами, за которые могут нести ответственность государственные органы (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N. против Соединенного Королевства» (N. v. United Kingdom), § 29). Кроме того, ничто не мешает Суду рассмотреть жалобу заявителя с точки зрения статьи 3 Конвенции, если опасность подвергнуться в принимающей стране запрещенному обращению вытекает из факторов,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

которые ни прямо, ни косвенно не могут привести к ответственности органов власти этой страны (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*), § 175).

2. Статья 3 Конвенции: высылка тяжело больных иностранцев

124. В своей прецедентной практике по вопросам выдачи, выдворения или высылки людей в третьи страны Европейский Суд последовательно приходил к выводу, что с точки зрения устоявшихся положений международного права и при условии соблюдения своих договорных обязательств государства-участники имеют право контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Тем не менее высылка иностранца властями государства-участника может дать повод предполагать нарушение статьи 3 Конвенции, если показано наличие существенных оснований полагать, что высылкаемому угрожает реальная опасность подвергнуться в стране назначения пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (*ibid.*, §§ 172–173 и другие упомянутые там постановления Европейского Суда).

125. В Постановлении Большой Палаты по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*), упомянутом выше, Европейский Суд рассмотрел подлежащие применению принципы, начав с дела «D. против Соединенного Королевства» (Постановление Европейского Суда по делу «D. против Соединенного Королевства» (*D. v. United Kingdom*) от 2 мая 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-III).

126. Европейский Суд отметил, что дело «D. против Соединенного Королевства» касалось предстоящей высылки на о. Сент-Китс иностранца, больного СПИДом на одной из последних стадий. Суд установил, что в случае высылки заявитель подвергнется реальной опасности умереть в страшных мучениях, а значит, его высылка будет представлять собой бесчеловечное обращение (*ibid.*, § 53). Обстоятельства указанного дела являлись «совершенно исключительными», поскольку у заявителя была неизлечимая болезнь на одной из последних стадий, отсутствовали гарантии того, что на о. Сент-Китс он сможет получить сестринский уход или медицинскую помощь, а также доказательства того, что у него там есть семья, которая хочет или может о нем позаботиться, или возможность получить моральную или социальную поддержку в какой-нибудь другой форме (*ibid.*, §§ 52–53). Придя к выводу, что в этих обстоятельствах его страдания достигнут минимального уровня жестокости, необходимого для применения статьи 3 Конвенции, Европейский Суд постановил, что высылка заявителя недопустима в силу очень весомых гуманных соображений (*ibid.*, § 54).

127. Далее, Европейский Суд отметил, что впоследствии, начиная с дела «N. против Соединенного Королевства» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N. против Соединенного Королевства» (*N. v. United Kingdom*)), в котором он пришел к выводу, что высылка заявителя не приведет к нарушению статьи 3 Конвенции, он признал неприемлемыми ввиду явной необоснованности множество жалоб иностранцев, инфицированных ВИЧ или страдающих другими тяжелыми соматическими или психическими заболеваниями, которые поднимали те же вопросы. По этому поводу было вынесено несколько постановлений. Во всех таких делах (за исключением упомянутого выше дела «Асват против Соединенного Королевства» (*Aswat v. United Kingdom*)), в котором шла речь о выдаче в США заключенного с параноидной шизофренией) был сделан вывод, что высылка заявителей не приведет к нарушению статьи 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*), § 179).

128. На основании этого обзора прецедентной практики Европейский Суд пришел к выводу, что применение статьи 3 Конвенции только в тех случаях, когда человек, которому угрожает высылка, близок к смерти (а именно так складывалась его практика начиная с упомянутого выше дела «N. против Соединенного Королевства»), лишает возможности воспользоваться этой статьей иностранцев, которые тяжело больны, но не находятся в настолько критическом состоянии. Кроме того, в прецедентной практике, сложившейся после вынесения Постановления по делу «N. против Соединенного Королевства», не содержится более подробных указаний по поводу «совершенно исключительных случаев», о которых говорится в деле «N. против Соединенного Королевства» (*N. v. United Kingdom*), за исключением обстоятельств, рассмотренных в деле «D. против Соединенного Королевства» (*D. v. United Kingdom*) (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*), § 181).

129. В связи с этим Европейский Суд далее пояснил, какие «другие совершенно исключительные случаи» можно рассматривать в качестве таковых, напомним о важности толковать и применять Конвенцию таким образом, чтобы предусмотренные ею права были практически ориентированными и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными (*ibid.*, § 182):

«183. Европейский Суд считает, что “другие крайне исключительные случаи” по смыслу его Постановления по делу “N. против Соединенного Королевства” (§ 43), которые могут поднять вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции, следует понимать как ситуации, связанные с выдворением тяжело больного человека, когда имеют-

ся существенные основания полагать, что этому лицу хотя и не грозит неизбежная опасность скончаться, но из-за отсутствия соответствующего лечения в принимающей стране или отсутствия доступа к такому лечению может угрожать реальная опасность подвергнуться серьезному, быстрому и необратимому ухудшению состояния его здоровья, приводящему к интенсивному страданию или значительному сокращению ожидаемой продолжительности жизни. Европейский Суд отмечает, что эти ситуации соответствуют высокому порогу для применения статьи 3 Конвенции в случаях, касающихся выдворения тяжело больных иностранцев».

130. По вопросу о том, удовлетворяются ли эти условия в той или иной ситуации, Европейский Суд подчеркнул, что, согласно статье 3 Конвенции, власти обязаны предусмотреть соответствующие процедуры, позволяющие обсудить опасения заявителей и оценить опасности, которым они подвергнутся в случае высылки в принимающую страну (*ibid.*, §§ 184–185). В рамках этих процедур:

«(а) заявители сами должны представлять доказательства, способные указывать на наличие существенных оснований полагать, что, если обжалуемую по делу меру привести в исполнение, им будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции (*ibid.*, § 186);

(b) если такие доказательства представлены, власти возвращающего государства должны устранить всякие сомнения, вызванные этими доказательствами, и подвергнуть предполагаемую опасность тщательному анализу, рассмотрев предсказуемые последствия высылки человека в страну назначения с учетом общей сложившейся там ситуации и личных обстоятельств высылкаемого человека. В ходе такого анализа нужно принимать во внимание такие источники общего характера, как доклады Всемирной организации здравоохранения и авторитетных неправительственных организаций, а также медицинские справки, касающиеся высылкаемого человека (*ibid.*, § 187). Воздействие высылки на человека нужно оценивать, сравнивая состояние здоровья заявителя до высылки и динамику его изменения после перевозки в страну назначения (*ibid.*, § 188);

(с) властям возвращающего государства необходимо в каждом конкретном случае проверять, является ли уход, который обычно обеспечивается в стране назначения, достаточным и подходящим на практике для лечения болезни заявителя, чтобы ему не угрожала опасность подвергнуться обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции (*ibid.*, § 189);

(d) власти возвращающего государства обязаны также рассмотреть вопрос о том, в какой мере лечение будет реально доступно заявителю, в том числе с учетом его стоимости, наличия социальных и семейных связей и расстояния, которое заявителю придется преодолевать для получения необходимой медицинской помощи (*ibid.*, § 190);

(е) если после изучения соответствующей информации остаются серьезные сомнения отно-

сительно того, как повлияет высылка на заявителя – ввиду общей ситуации в стране назначения и (или) личных обстоятельств заявителя, – власти возвращающего государства перед высылкой обязательно должны получить от властей принимающей страны индивидуальные и достаточные заверения в наличии надлежащего лечения и его доступности высылаемым лицам, чтобы те не оказались в ситуации, нарушающей статью 3 Конвенции (*ibid.*, § 191)».

131. В связи со сказанным выше Европейский Суд подчеркнул, что уровень здравоохранения в возвращающем государстве не является критерием оценки. Вопрос заключается не в том, будет ли медицинская помощь в принимающей стране оказываться на том же или на более низком уровне, чем в возвращающем государстве. Кроме того, из статьи 3 Конвенции невозможно вывести право на получение в принимающей стране какой-то конкретной медицинской помощи, которая недоступна другим ее жителям (*ibid.*, § 189). В делах о высылке тяжело больных лиц фактором, указывающим на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и позволяющим привлечь возвращающее государство к ответственности за нарушение статьи 3 Конвенции, является не отсутствие в принимающей стране медицинской инфраструктуры. Аналогичным образом, вопрос заключается не в обязанности властей возвращающего государства устранить неравенство между своей системой здравоохранения и уровнем медицинского обслуживания, существующим в стране назначения, оказывая в неограниченном объеме бесплатную медицинскую помощь всем иностранцам, не имеющим права находиться под его юрисдикцией. Обязанность, согласно Конвенции, возникает в таких случаях у властей возвращающего государства в связи с деянием (в данном случае высылкой), в связи с которым человеку будет угрожать опасность подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции (*ibid.*, § 192). Наконец, Суд отметил, что вопрос о том, является принимающее государство участником Конвенции или нет, не имеет решающего значения.

132. Со времени вынесения упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) соответствующая прецедентная практика больше не менялась.

3. Общие соображения по поводу критериев, сформулированных в деле «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*)

133. С учетом рассуждений Палаты Европейского Суда и представлений сторон и участников, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны при его рассмотрении Большой Палатой Суда, последняя считает полезным при обсуждении настоящего дела подтвердить, что дело «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*)

содержит исчерпывающий стандарт, который должным образом учитывает все соображения, важные для целей применения статьи 3 Конвенции. Он сохраняет за властями государств-участников общее право контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев, одновременно признавая абсолютный характер статьи 3 Конвенции. Поэтому Большая Палата Суда вновь подтверждает стандарт и принципы, установленные в ее упомянутом выше Постановлении по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium).

134. Во-первых, Европейский Суд напоминает: нужно, чтобы приведенные доказательства «способны были указывать на наличие существенных оснований» полагать, что «из-за отсутствия в принимающей стране надлежащего лечения или недостаточной доступности такого лечения» заявитель, будучи «тяжело больным человеком», «подвергнется реальной опасности серьезного, стремительного и необратимого ухудшения своего состояния, которое приведет к сильным страданиям или к существенному снижению ожидаемой продолжительности жизни» (*ibid.*, § 183).

135. Во-вторых, обязанности возвращающего государства, перечисленные в §§ 187–191 упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) (см. выше § 130), становятся важны только после того, как выполнен этот уровень порогового уровня, а значит, начинает применяться статья 3 Конвенции.

136. В-третьих, Европейский Суд подчеркивает процессуальный характер обязательств государств-участников по статье 3 Конвенции в делах о высылке тяжело больных иностранцев. Суд напоминает, что он сам не рассматривает ходатайства о предоставлении международной защиты и не проверяет, каким образом государства контролируют въезд, проживание и высылку иностранцев. В силу статьи 1 Конвенции ответственность за реализацию и обеспечение соблюдения гарантированных прав и свобод несут прежде всего внутригосударственные органы власти, а значит, от них требуется рассматривать опасения заявителей и оценивать опасности, которые будут им угрожать в случае высылки в страну назначения, с точки зрения статьи 3 Конвенции. Механизм подачи жалоб в Европейский Суд имеет субсидиарный характер по отношению к внутригосударственным системам защиты прав человека (*ibid.*, § 184).

4. Уместность критерия порогового уровня, сформулированного в деле «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), в контексте высылки иностранцев с психическими заболеваниями

137. Европейский Суд последовательно применял в делах о высылке тяжело больных заяви-

телей одни и те же принципы вне зависимости от того, каким конкретно они страдают заболеванием – соматическим или психическим. В упомянутом выше Постановлении по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) Суд, прежде чем сформулировать новый стандарт, рассмотрел прецедентную практику, касающуюся заявителей как с физическими, так и с психическими болезнями (см. выше § 127 и множество источников, на которые ссылается упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), § 179). В том виде, в каком этот стандарт сформулирован в § 183 Постановления по делу «Папошвили против Бельгии», он касается «тяжело больных лиц», при этом тип болезни не указывается. Таким образом, он не ограничивается какой-либо конкретной категорией болезней и тем более соматическими заболеваниями, а может распространяться на любую их категорию, в том числе на психические болезни, при условии, что положение больного охватывается критериями, сформулированными в деле «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), в целом.

138. Так, критерий порога применимости, установленный в § 183 упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), в соответствующей части не говорит о какой-то конкретной болезни, а ссылается на «необратимость» «ухудшения состояния здоровья» человека в общем плане. Это более широкая концепция, которая может включать в себя множество факторов, в том числе непосредственное воздействие заболевания, равно как и его более отдаленные последствия. Кроме того, было бы неправильно воспринимать различные фрагменты этого критерия отдельно друг от друга, поскольку, как отмечается выше в § 134, «ухудшение здоровья» связано с «сильными страданиями». Оценку обстоятельств конкретного дела следует производить на основании всех этих элементов, вместе взятых, рассматривая их как единое целое.

139. С учетом сказанного выше Европейский Суд полагает, что соответствующий стандарт является достаточно гибким, чтобы применяться ко всем ситуациям, связанным с высылкой серьезно больного человека, которая будет представлять собой обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции, вне зависимости от характера заболевания.

5. Применение соответствующих принципов в настоящем деле

140. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что в своем Постановлении по настоящему делу Палата Суда не рассмотрела обстоятельств настоящего дела с точки зрения критерия порога применимости, установленного в § 183 упомяну-

того выше Постановления Большой Палаты Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium). Как отмечается выше в § 135, любые другие вопросы, в частности наличие надлежащего лечения и его и доступность, становятся важны только после того, как выполнен этот критерий.

141. Конечно, шизофрения – это тяжелое психическое заболевание, однако Европейский Суд не считает, что его наличие у заявителя само по себе может считаться достаточным основанием для того, чтобы его жалоба стала подпадать под действие статьи 3 Конвенции.

142. Европейский Суд отмечает: представленные заявителем медицинские документы указывают, в частности, на то, что он осведомлен о своей болезни, явно признает необходимость лечения и охотно идет на сотрудничество. План его лечения включает в себя прием двух антипсихотических препаратов, а именно «Лепонекса» (лекарства, действующим веществом которого является клозапин) в таблетках (ежедневно) и «Риспердал Конста» в ампулах (раз в две недели). Эксперты утверждали, что обострение в случае временного прекращения приема прописанных ему лекарств может «повлечь за собой серьезные последствия для него самого и для окружающих» (см. выше § 44). В частности, отмечалось, что при этом возникнет «опасность агрессивного поведения» и заявитель станет «очень опасным», что приведет к «значительному увеличению опасности совершения преступлений против личности из-за обострения у заявителя психотических симптомов» (см. выше §§ 36, 42 и 45). Кроме того, отмечалось, что на фоне приема «Лепонекса» у заявителя может развиваться иммунодефицит, а значит, ему необходимо еженедельно или ежемесячно сдавать кровь на анализ для выявления признаков соматических заболеваний (см. выше § 63).

143. Европейский Суд считает необязательным определять в общем плане, может ли человек с тяжелой формой шизофрении испытывать «сильные страдания» по смыслу критерия порогового уровня, сформулированного в деле «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium). Вместе с тем, рассмотрев доказательства, представленные сторонами Европейскому Суду, и доказательства, имевшиеся в распоряжении датских судов, он приходит к выводу: в настоящем деле не было показано, что высылка заявителя в Турцию вызовет серьезное, стремительное и необратимое ухудшение состояния его здоровья, которое приведет к сильным страданиям, не говоря уже о существенном снижении ожидаемой продолжительности жизни. Согласно некоторым из медицинских заключений по делу, обострение может привести к «агрессивному поведению» и к «значительному увеличению опасности совершения преступлений против личности», усугубив психотические симптомы. Такие последствия были бы очень серьез-

ными и пагубными, но их нельзя назвать «приводящими к сильным страданиям» самого заявителя.

144. В отсутствие убедительных доказательств обратного в деле не усматривается, что когда-либо существовала опасность причинения заявителем вреда самому себе (см. в связи с этим для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства» (Bensaid v. United Kingdom), жалоба № 44599/98, §§ 16 и 37, ECHR 2001-I; и Постановление Европейского Суда по делу «Татар против Швейцарии» (Tatar v. Switzerland) от 14 апреля 2015 г., жалоба № 65692/12, § 16, которые касаются заявителей, страдающих параноидной шизофренией, где одним из факторов являлась опасность причинения заявителями вреда самим себе, но статья 3 Конвенции была признана неприменимой). Хотя один из экспертов и упомянул о «серьезных последствиях» для «самого» заявителя, эти последствия, как этот эксперт пояснил далее, касаются высокой вероятности причинения вреда окружающим.

145. Если говорить об опасности ухудшения физического здоровья заявителя из-за иммунодефицита, который может развиваться на фоне приема «Лепонекса», она в случае заявителя не представляется ни реальной, ни неминуемой. Стоит отметить, что заявителю прописали «Лепонекс» в мае 2013 года (см. выше § 35) и что за два года, прошедшие до принятия окончательного решения по вопросу об отмене распоряжения о высылке 20 мая 2015 г. (см. выше § 67), у него не возникло симптомов ухудшения физического здоровья на фоне приема этого препарата. Как бы то ни было, соответствующие доказательства не указывают на то, что такой иммунодефицит, если он все-таки разовьется, будет «необратимым» и приведет к «сильным страданиям» или к «существенному снижению ожидаемой продолжительности жизни», то есть к последствиям, необходимым для выполнения условия, сформулированного в деле «Папошвили против Бельгии». Эксперт-медик просто предположил, что заявитель должен прекратить принимать это лекарство в случае развития иммунодефицита (см. выше § 63).

146. Даже если допустить, что превентивная цель статьи 3 Конвенции в какой-то степени основана на предположениях и что от заинтересованных лиц не нужно требовать предоставлять четкие доказательства их утверждений, согласно которым они подвергнутся запрещенному обращению (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), § 186), Европейский Суд не убежден в том, что в настоящем деле заявитель показал наличие существенных оснований полагать, что из-за отсутствия или недостаточной доступности в Турции надлежащего лечения он подвергнется опасности столкнуться с последствиями, о которых говорится в § 183 упомянутого выше

Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) и выше, в §§ 129 и 134.

147. Приведенных выше соображений достаточно, чтобы Европейский Суд мог прийти к выводу, что в обстоятельствах настоящего дела не достигнут порог применимости статьи 3 Конвенции так, чтобы жалоба заявителя стала подпадать под действие этой статьи Конвенции. Как уже отмечалось, в такого рода делах порог применимости этой статьи должен оставаться высоким (*ibid.*, § 183). В этой ситуации не требуется рассматривать вопрос об обязательствах, возникающих у властей возвращающего государства в силу этой статьи Конвенции в обстоятельствах настоящего дела.

148. Соответственно, высылка заявителя в Турцию не привела к нарушению статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

149. Далее заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что отказ властей государства-ответчика отменить распоряжение о высылке и исполнение этого распоряжения, вследствие которого в отношении него был введен бессрочный запрет на въезд, нарушили его право на уважение его личной и семейной жизни. При этом он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая в части, имеющей отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

150. Палата Европейского Суда отметила, что жалоба на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с первоначальным распоряжением о высылке была подана слишком поздно и должна быть отклонена согласно пунктам 1 и 4 статьи 35 Конвенции. Затем она признала приемлемой для рассмотрения по существу жалобу, касающуюся разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке, и с учетом своих выводов по статье 3 Конвенции сочла необязательным отдельно рассматривать жалобу заявителя на нарушение статьи 8 Конвенции.

В. Представления сторон, поступившие в Большую Палату Европейского Суда

1. Доводы заявителя

151. Заявитель утверждал, что результат рассмотрения ходатайства об отмене распоряжения о высылке и последующая его высылка нарушали его право на уважение его личной и семейной жизни, гарантируемое статьей 8 Конвенции. Поскольку он жил в Дании с шести и практически до 30 лет, он являлся «осевшим мигрантом», а значит, должны были иметься «серьезные причины», оправдывающие его высылку, как установлено в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), жалоба № 1638/03, ECHR-2008. Кроме того, из-за психического заболевания, которым он страдает уже много лет (параноидной шизофрении), и низкого интеллектуального потенциала он находится в особенно уязвимом положении.

152. До высылки у заявителя были очень тесные связи с его матерью, четырьмя его братьями и сестрами, племянницей и племянником. Все они живут в Дании. Они часто приходили к нему в больницу Святого Иоанна и он сам навещал их либо один либо в сопровождении медицинских работников из этой больницы. Он вел с ними семейную жизнь, в силу своего диагноза особенно сильно от них зависел и полагался на их помощь и поддержку, пытаясь справиться со своим психическим заболеванием. По его мнению, эти обстоятельства являются дополнительными факторами его зависимости от своей матери, братьев и сестер и указывают на то, что он особенно сильно нуждается в семье. В связи с этим заявитель ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Насри против Франции» (Nasri v. France) от 13 июля 1995 г., Series A, № 320-B). Кроме того, он подчеркивал, что в Турции у него нет ни семьи, ни друзей и что в настоящее время он живет в турецкой деревне совершенно один, так как из-за плохого знания турецкого языка его возможности общаться с другими людьми весьма ограничены. Заявитель утверждал, что его семья в Дании – это единственная семья, которая у него есть, и что его высылка была несоразмерна и бесчеловечна.

153. Далее заявитель отмечал, что задача Большой Палаты Европейского Суда в настоящем деле заключается в проверке разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке, которое, по его мнению, не удовлетворяло соответствующим стандартам статьи 8 Конвенции. Со ссылкой на Постановление Европейского Суда по делу «I.M. против Швейцарии» (I.M. v. Switzerland) от 9 апреля 2019 г., жалоба № 23887/16) и Постановление Европейского Суда по делу «Сабер и Бухассал против Испании» (Saber and Boughassal v. Spain) от 18 декабря 2018 г., жалобы №№ 76550/13 и 45938/14, заявитель утверждал, что по аналогии с этими делами в решении от 13 января 2015 г.

Высокий суд не произвел тщательной оценки всех имеющих значение для дела факторов, в частности его особой зависимости от своей семьи, не уравнивал надлежащим образом все интересы согласно критериям, установленным в прецедентной практике Европейского Суда, и не привел достаточных оснований в пользу его высылки из страны. Рассуждения Высокого суда о правах заявителя, охраняемых статьями 8 Конвенции, были изложены конспективно и поверхностно.

154. Кроме того, заявитель утверждал, что введенный в отношении него бессрочный запрет на въезд нарушал соответствующие требования статьи 8 Конвенции. Если говорить об изменениях, внесенных в пункт 5 статьи 32 Закона «Об иностранцах» в 2018 году (см. выше § 78), эта новая норма дала датским судам возможность ввести запрет на въезд на более короткий срок, чем тот, который предусмотрен пунктом 4 статьи 32 Закона «Об иностранцах». Однако его представителям не удалось обнаружить практику датских судов по применению этой нормы. В частности, анализ комментариев законодательства Дании, поиск с использованием справочных правовых систем, а также запросы в различные органы власти Дании, занимающиеся этими вопросами, не позволили установить существование каких-либо судебных прецедентов. В этой ситуации довод властей государства-ответчика о том, что применение в деле заявителя данной статьи в новой редакции не привело бы к иному результату (см. ниже § 166), представляется надуманным.

155. Далее заявитель утверждал, что характеру и степени тяжести совершенного им преступления нельзя было придавать решающее значение при оценке необходимости его высылки согласно требованиям статьи 8 Конвенции, поскольку его признали виновным в нападении, в котором принимало участие еще несколько человек, а в ходе разбирательства по возбужденному в отношении него уголовному делу не было установлено, какую роль в этом нападении играл он лично. Кроме того, при рассмотрении ходатайства об отмене распоряжения о высылке датские суды должны были принять во внимание бессрочный характер запрета на въезд, а также то, что с мая 2006 года заявитель больше не совершал преступлений.

156. Заявитель согласился с властями государства-ответчика в том, что новой редакции статьи 32 Закона «Об иностранцах» нельзя придавать обратную силу. Вместе с тем, по его мнению, внесенные изменения позволили датским судам подходить к вопросам высылки осужденных более гибко, а значит, нельзя исключать, что, если бы эта норма применялась во время суда над ним, результат рассмотрения его дела мог быть иным, вследствие чего у него появилась бы возможность вернуться к своей семье в Дании, проведя несколько лет в Турции.

2. Доводы властей государства-ответчика

157. Власти государства-ответчика утверждали, что в настоящем деле нарушение статьи 8 Конвенции отсутствовало. Со ссылкой на прецедентную практику Европейского Суда по данному вопросу, в частности на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (*Üner v. Netherlands*), жалоба № 46410/99, ECHR 2006-XII, они отмечали, что из статьи 8 Конвенции нельзя вывести абсолютное право не быть высланным – даже если речь идет об мигранте, живущем в стране в течение длительного времени, который родился в стране пребывания или приехал туда, будучи еще совсем ребенком (*ibid.*, §§ 55–57).

158. Признав, что обжалуемая по делу мера являлась вмешательством в осуществление заявителем права на уважение его личной жизни по смыслу положений пункта 1 статьи 8 Конвенции, власти государства-ответчика отметили, что в то время, когда в 2009 году распоряжение о высылке заявителя вступило в силу, будучи оставлено без изменения Верховным судом Дании (см. выше § 30), ему было 24 года, он не был женат и у него не было собственной семьи.

159. Далее они утверждали, что вмешательство, о котором идет речь, было оправдано с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции. Распоряжение о высылке было «предусмотрено законом», преследовало правомерную цель, которая заключалась в «предотвращении беспорядков или преступлений», и являлось «необходимым в демократическом обществе».

160. По поводу последнего из этих аспектов власти государства-ответчика утверждали, что при рассмотрении уголовного дела заявителя датские суды двух инстанций, принимая решение о его высылке, определенно учитывали статью 8 Конвенции и прецедентную практику Европейского Суда, в том числе критерии, установленные в упомянутых выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (*Üner v. Netherlands*); и Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), когда они обсуждали вопрос о соразмерности вмешательства в осуществление заявителем соответствующих прав. Суды приняли во внимание имеющуюся информацию о личных обстоятельствах заявителя.

161. Власти государства-ответчика привели подробные аргументы относительно выводов, сделанных датскими судами в ходе рассмотрения уголовного дела заявителя, настаивая на том, что при обсуждении вопроса о высылке Высокий суд и Верховный суд Дании произвели всестороннюю оценку личных обстоятельств заявителя в соответствии со сформулированными Европейским Судом

общими принципами и тщательно установили справедливое равновесие между противоречащими друг другу интересами. В силу принципа subsidiarity Европейский Суд не должен без веских причин пренебрегать оценкой обстоятельств дела, произведенной датскими судами. В связи с этим со ссылкой на соответствующие соображения, приведенные в Постановлении Европейского Суда по делу «Ндиди против Соединенного Королевства» (Ndidi v. United Kingdom) от 14 сентября 2017 г., жалоба № 41215/14, §§ 75–76, они утверждали, что Европейский Суд не должен подменять выводы внутригосударственных судов своей собственной точкой зрения.

162. Кроме того, власти государства-ответчика отмечали, что, согласно практике датских судов, в самых исключительных случаях высланным из страны иностранцам, в отношении которых был введен бессрочный запрет на въезд, может быть выдана гостевая виза. В течение первых двух лет после высылки выдача такой визы допускается только при наличии срочной необходимости присутствия высланного лица в Дании, например, если оно должно дать показания в качестве свидетеля в судебном заседании, а суд пришел к выводу, что присутствие высланного лица имеет существенное значение для завершения производства по делу; или в случае острой тяжелой болезни мужа (жены) или ребенка, проживающего в Дании, когда такое посещение целесообразно в интересах проживающего в Дании лица. По истечении первых двух лет после высылки виза может быть выдана только в тех случаях, когда это целесообразно в силу исключительных обстоятельств, например тяжелой болезни или смерти проживающего в Дании родственника.

163. На слушаниях дела в Большой Палате Европейского Суда власти государства-ответчика отметили, что заявителя ни разу не признавали недееспособным.

164. По поводу бессрочного характера введенного в отношении заявителя запрета на въезд власти государства-ответчика отмечали, что на момент принятия решения о высылке заявителя у датских судов не было возможности ввести запрет на въезд на определенный срок. В соответствующее положение – в статью 32 Закона «Об иностранцах» – лишь недавно были внесены изменения (см. выше § 78), которые предусматривают более дифференцированный и гибкий подход, основанный на разграничении критериев введения запрета на въезд.

165. Причиной внесения этих изменений стала политическая воля датского законодателя, стремящегося обеспечить, чтобы датские суды принимали решение о высылке совершивших преступления иностранцев чаще, чем раньше, учитывая при этом прецедентную практику Европейского Суда по статье 8 Конвенции. Согласно указанным изменениям, датские суды могут вводить запрет на въезд

на более короткий срок, если они придут к выводу, что бессрочный запрет вступит в противоречие с международными обязательствами Дании. Соответственно, вместо того чтобы отказаться от высылки совершившего преступление иностранца, суды могут принять решение ввести запрет на въезд на более короткий срок.

166. Однако власти государства-ответчика отметили, что внесенные в эту статью изменения не имеют обратной силы, а значит, не применимы в деле заявителя. Не позволяют они и пересмотреть уже введенный бессрочный запрет на въезд. Даже если бы это новое положение и можно было применить, в отношении заявителя все равно был бы введен бессрочный запрет с учетом характера и степени тяжести совершенного им преступления.

3. Доводы участника, вступившего в производство по делу в качестве третьей стороны

167. Власти Норвегии – единственные, кто направил замечания по поводу статьи 8 Конвенции, – предложили Большой Палате Европейского Суда усовершенствовать принципы высылки «осевших мигрантов», установленные со ссылкой на статью 8 Конвенции в упомянутых выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (Üner v. Netherlands) и Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria). Поскольку эти дела рассматривались с точки зрения понятия «семейная жизнь», которое употребляется в статье 8 Конвенции, установленные в них принципы непросто применять в ситуациях, в которых речь идет только о «личной жизни» человека. Последующая прецедентная практика опирается на факторы, предполагающие ослабление семейных связей после высылки, но не включает в себя факторов, которые обычно ассоциируются с «личной жизнью», в частности вопроса о достаточности медицинской помощи в стране назначения.

168. Говоря конкретнее, власти Норвегии предложили Большой Палате Европейского Суда более подробно изложить критерии, сформулированные в упомянутых выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (Üner v. Netherlands) и Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), с учетом подхода, примененного в Постановлении Европейского Суда по делу «Левакович против Дании» (Levakovic v. Denmark) от 23 октября 2018 г., жалоба № 7841/14. По их мнению, в § 44 последнего из этих Постановлений Европейский Суд принял во внимание недостаточность нескольких критериев, сформулированных в Постановлении Большой Палаты Европейского

Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (Üner v. Netherlands), в делах, где задействовано только понятие «личная жизнь» из статьи 8 Конвенции. Как заявил Суд в § 45 этого Постановления, «выяснение того, оправдывается ли высылка осевшего мигранта “очень весомыми соображениями”... неизбежно должно требовать тонкой и всесторонней оценки... которая должна производиться внутригосударственными органами власти под окончательным контролем Европейского Суда», а Суд должен требовать наличия «убедительных оснований для того, чтобы подменить позицию внутригосударственных судов своей собственной точкой зрения», когда «внутригосударственные органы власти уравнивали различные интересы в соответствии с критериями, изложенными в прецедентной практике Европейского Суда».

С. Мнение Европейского Суда

1. Круг вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках настоящего дела

169. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, «дело», переданное в Большую Палату Суда, обязательно включает в себя все аспекты жалобы, которые ранее были рассмотрены Палатой Суда в ее Постановлении. «Дело», переданное в Большую Палату Суда, включает в себя жалобу, которая была признана приемлемой для рассмотрения по существу, а также жалобы, которые не были признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.M. против Хорватии» (S.M. v. Croatia) от 25 июня 2020 г., жалоба № 60561/14¹, § 216, и другие постановления Европейского Суда, на которые содержатся в нем ссылки). Это означает, что Большая Палата Суда обязана рассмотреть всю жалобу постольку, поскольку она была признана приемлемой для рассмотрения по существу, но не может рассматривать жалобу в той части, в которой Палата Суда признала ее неприемлемой для рассмотрения по существу (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (Kurić and Others v. Slovenia), жалоба № 26828/06, §§ 234–235, ECHR 2012 (извлечения); и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии» (Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal) от 6 ноября 2018 г., жалобы №№ 55391/13, 57728/13 и 74041/13², § 87). Суд не усматривает причин отступать от этого принципа в настоящем деле.

170. Далее Европейский Суд отмечает, что ранее Большая Палата Суда в отдельных делах ввиду важности затронутых ими вопросов принимала решение рассмотреть некоторые жалобы, обсуждать которые Палата Суда сочла необязательным, даже в тех случаях, когда результат рассмотрения этих жалоб не отвечал интересам стороны, которая ходатайствовала о передаче дела в Большую Палату Суда (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерйылдыз против Турции» (Öneryıldız v. Turkey), жалоба № 48939/99, §§ 141 и 149, ECHR 2004-XII; упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (Kurić and Others v. Slovenia), § 382; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии» (Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal), § 88).

171. В настоящем деле Палата Европейского Суда признала жалобу заявителя на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с первоначальным распоряжением о высылке неприемлемой для рассмотрения по существу, придя к выводу, что она была подана слишком поздно. Она признала приемлемой для рассмотрения по существу жалобу, касающуюся разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке, но сочла необязательным рассматривать ее с точки зрения статьи 8 Конвенции (см. выше § 150). Принимая во внимание изложенные выше принципы, Суд рассмотрит жалобу на нарушение статьи 8 Конвенции лишь в части, касающейся отказа властей отменить распоряжение о высылке и исполнения этого распоряжения, вследствие которого был введен бессрочный запрет на въезд. Таким образом, задача Европейского Суда заключается не в том, чтобы оценить с точки зрения статьи 8 Конвенции первоначальное решение о высылке заявителя и уголовное разбирательство, в рамках которого оно было принято, а в том, чтобы проверить, удовлетворяло ли соответствующим критериям, установленным в прецедентной практике Суда, разбирательство по вопросу об отмене этого решения (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Т.С.Е. против Германии» (T.C.E. v. Germany) от 1 марта 2018 г., жалоба № 58681/12, § 54).

2. Имело ли место вмешательство в осуществление заявителем права на уважение его личной и семейной жизни

172. Вначале, несмотря на сделанный выше вывод по вопросу о нарушении статьи 3 Конвенции, необходимо напомнить, что в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства» (Bensaid v. United Kingdom) Европейский Суд постановил:

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 6 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 4 (примеч. редактора).

«46. Не всякие действия или меры, негативно отражающиеся на психической или физической неприкосновенности человека, представляют собой вмешательство в осуществление им права на уважение личной жизни, которое гарантируется статьей 8 Конвенции. Однако прецедентная практика Европейского Суда не исключает, что обращение, не достигающего уровня жестокости, необходимого для применения статьи 3 Конвенции, может, тем не менее, нарушать статью 8 Конвенции в аспекте, касающемся личной жизни, если оно достаточно негативно влияет на физическую и психическую неприкосновенность личности (см. Постановление Европейского Суда по делу “Костелло-Робертс против Соединенного Королевства” (Costello-Roberts v. United Kingdom) от 25 марта 1993 г., Series A, № 247-C, pp. 60–61, § 36).

47. ...Психическое здоровье тоже нужно считать важнейшей составляющей личной жизни, связанной с аспектом психической неприкосновенности человека. Статья 8 Конвенции охраняет право на самобытность и развитие личности, а также право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и с внешним миром (см., например, заключение Европейской комиссии по упомянутому выше делу “Бургхарц против Швейцарии” (Burghartz v. Switzerland), с. 37, § 47; и Постановление Европейского Суда по делу “Фридль против Австрии” (Friedl v. Austria) от 31 января 1995 г., Series A, № 305-B, p. 20, § 45). В этом контексте поддержание стабильного психического состояния является необходимым условием эффективного пользования правом на уважение личной жизни».

173. Далее, по поводу положения осевших мигрантов Европейский Суд в деле «Маслов против Австрии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria)) пришел к следующим выводам:

«61. Европейский Суд полагает, что принятие и исполнение решения о высылке заявителя представляло собой вмешательство в осуществление им права на уважение его “личной и семейной жизни”. Суд напоминает, что вопрос о наличии у заявителя семейной жизни по смыслу положений статьи 8 Конвенции нужно рассматривать с учетом положения на тот момент, когда распоряжение о высылке вступило в силу (см. Постановление Европейского Суда по делу “Эль-Бужаиди против Франции” (El Boujaïdi v. France) от 26 сентября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI, § 33; Постановление Европейского Суда по делу “Эззуди против Франции” (Ezzouhdi v. France) от 13 февраля 2001 г., жалоба № 47160/99, § 25; Постановление Европейского Суда по делу “Йилдиз против Австрии” (Yildiz v. Austria) от 31 октября 2002 г., жалоба № 37295/97, § 34; Постановление Европейского Суда по делу “Мокрани против Франции” (Mokrani v. France) от 15 июля 2003 г., жалоба № 52206/99, § 34; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу “Кайя против Германии” (Kaaya v. Germany), § 57).

62. На момент принятия решения о высылке заявитель являлся несовершеннолетним. В ноябре 2002 года, когда решение о высылке вступило в силу после того как Конституционный суд Австрии вынес постановление по делу, заявитель

уже достиг совершеннолетия (18-летнего возраста), но по-прежнему проживал со своими родителями. В любом случае, в ряде дел, касавшихся молодых людей, которые еще не создали собственной семьи, Европейский Суд признавал, что их отношения с родителями и другими близкими родственниками тоже являются “семейной жизнью” (см. Постановление Европейского Суда по делу “Бушелкия против Франции” (Bouchelkia v. France) от 29 января 1997 г., *Reports* 1997-I, § 41; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу “Эль-Бужаиди против Франции” (El Boujaïdi v. France), § 33; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу “Эззуди против Франции” (Ezzouhdi v. France), § 26).

63. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что не все осевшие мигранты, независимо от длительности их проживания в стране, из которой их собираются выслать, обязательно ведут в этой стране “семейную жизнь” по смыслу положений статьи 8 Конвенции. Однако в силу того, что статья 8 Конвенция охраняет еще и право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и с внешним миром, а в некоторых случаях может охватывать аспекты социальной идентификации человека, необходимо признать, что в понятие “личная жизнь” по смыслу положений статьи 8 Конвенции входит вся совокупность социальных связей между осевшими мигрантами и обществом, в котором они живут. Таким образом, независимо от наличия или отсутствия “семейной жизни” высылка осевшего иммигранта представляет собой вмешательство в осуществление им права на уважение его личной жизни. Вопрос о том, следует ли Европейскому Суду сосредоточить внимание на аспекте, связанном с “семейной жизнью”, а не с “личной жизнью”, будет зависеть от обстоятельств конкретного дела (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Юнер против Нидерландов” (Üner v. Netherlands), § 59)».

174. В некоторых делах Европейский Суд приходил к выводу об отсутствии семейной жизни между родителями и совершеннолетними детьми или между взрослыми братьями и сестрами, если они не могли показать существование дополнительных элементов зависимости (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «А.В. Хан против Соединенного Королевства» (A.W. Khan v. United Kingdom) от 12 января 2010 г., жалоба № 47486/06, § 32; и Постановление Европейского Суда по делу «Нарджис против Италии» (Narjis v. Italy) от 14 февраля 2019 г., жалоба № 57433/15, § 37), а в ряде других дел он не требовал наличия таких дополнительных элементов зависимости у молодых людей, которые всё еще проживают со своими родителями и пока что не создали собственной семьи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бушелкия против Франции» (Bouchelkia v. France) от 29 января 1997 г., *Reports* 1997-I, § 41; Постановление Европейского Суда по делу «Эззуди против Франции» (Ezzouhdi v. France) от 13 февраля 2001 г., жалоба № 47160/99, § 26; упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против

Австрии» (Maslov v. Austria), §§ 62 и 64; и Решение Европейского Суда по делу «Йестла против Нидерландов» (Yesthla v. Netherlands) от 15 января 2019 г., жалоба № 37115/11, § 32). Как уже отмечалось выше, вопрос о том, следует ли Европейскому Суду сосредоточить внимание на аспекте, связанном с «семейной жизнью», а не с «личной жизнью», будет зависеть от обстоятельств конкретного дела.

175. В настоящем деле заявитель переехал в Данию в возрасте шести лет; он получил там образование и провел там свое детство и юность, получил там вид на жительство и на законных основаниях проживал в стране в течение 14 лет восьми месяцев (см. выше §§ 27 и 30). Поэтому Европейский Суд допускает, что он являлся «осевшим мигрантом», а значит, в его случае применима статья 8 Конвенции в аспекте, связанном с «личной жизнью».

176. Кроме того, заявитель утверждал, что до высылки у него были тесные отношения со своей матерью, четырьмя своими братьями и сестрами и их детьми, притом что все они живут в Дании. В частности, когда он находился в судебно-психиатрическом учреждении, они приходили к нему и он тоже их навещал. Далее заявитель подчеркивал, что в связи с психическим заболеванием он находится в особенно уязвимом положении. По его мнению, это является дополнительным элементом его зависимости от своих родственников. Заявитель настаивал, что он вел с ними «семейную жизнь», которая прервалась из-за его высылки из страны (см. выше § 152).

177. Европейский Суд отмечает, что на момент вступления в силу решения о высылке заявителю было 24 года (см. выше § 30). Суд готов был бы согласиться с тем, что в этом возрасте человека еще можно считать «молодым» (см. выше § 174), однако обстоятельства дела указывают на то, что в детстве заявителя забрали из дома и передали на воспитание в приемную семью, а в последующие годы помещали в разные социально-образовательные учреждения (см. выше § 18). Таким образом, понятно, что с ранних лет заявитель не жил постоянно со своей семьей (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Пормес против Нидерландов» (Pormes v. Netherlands) от 28 июля 2020 г., жалоба № 25402/14, § 48; см. также для сравнения в качестве примера противоположной ситуации упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Насри против Франции» (Nasri v. France), § 44).

178. Далее, Европейский Суд не убежден в том, что психическое заболевание заявителя, при всей его серьезности, само по себе можно считать достаточным доказательством его зависимости от членов своей семьи, позволяющей отнести отношения между ними к сфере «семейной жизни» по смыслу положений статьи 8 Конвенции. В частности, не было показано, что

состояние здоровья заявителя сделало его беспомощным до такой степени, что он был вынужден полагаться на их уход и поддержку в повседневной жизни (см. для сравнения в качестве примера противоположной ситуации Постановление Европейского Суда по делу «Эмоне и другие против Швейцарии» (Emonet and Others v. Switzerland) от 13 декабря 2007 г., жалоба № 39051/03, § 35; Постановление Европейского Суда по делу «Белли и Аркье-Мартинес против Швейцарии» (Belli and Arquier-Martinez v. Switzerland) от 11 декабря 2018 г., жалоба № 65550/13, § 65; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «I.M. против Швейцарии» (I.M. v. Switzerland), § 62). Кроме того, не утверждалось, что заявитель зависел от своих родственников в финансовом отношении (см. для сравнения в качестве примера противоположной ситуации упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «I.M. против Швейцарии» (I.M. v. Switzerland), § 62). В связи с этим стоит отметить, что заявитель получал и продолжает получать от властей Дании пенсию по инвалидности (см. выше §§ 27, 30 и 72). Далее, в деле нет указаний на существование каких-то других элементов зависимости заявителя от членов его семьи. В этих обстоятельствах, хотя Суд и не видит причин сомневаться в том, что заявитель и его мать, братья и сестры испытывают обычную привязанность друг к другу, он считает целесообразным сосредоточить внимание на аспекте статьи 8 Конвенции, связанном с «личной жизнью», а не с «семейной жизнью».

179. Далее Европейский Суд приходит к выводу, что отказ отменить распоряжение о высылке заявителя по результатам соответствующего разбирательства и высылка заявителя в Турцию представляли собой вмешательство в осуществление им права на уважение его личной жизни (см. Решение Европейского Суда по делу «Хамесевич против Дании» (Hamesevic v. Denmark) от 16 мая 2017 г., жалоба № 25748/15, §§ 31 и 46). Это вмешательство нарушает статью 8 Конвенции, если оно не являлось оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции, то есть если оно не было «предусмотрено законом», не преследовало одной или нескольких указанных там правомерных целей и не было «необходимым в демократическом обществе» для достижения этой цели или целей (см., в числе многих других источников, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), § 65).

3. Законность и наличие правомерной цели

180. По делу не оспаривалось, что вмешательство, являющееся предметом спора, было «предусмотрено законом», а именно статьей 50а Закона «Об иностранцах», и преследовало правомерную

цель, которая заключалась в предотвращении беспорядков и преступлений. Однако у сторон возникли разногласия по поводу того, являлось ли это вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

4. «Необходимость в демократическом обществе»

(а) Общие принципы

181. Прежде всего Европейский Суд напоминает установленные в его прецедентной практике основополагающие принципы, которые изложены в § 54 упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (*Üner v. Netherlands*) и приводятся в § 68 упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*):

«54. Прежде всего Европейский Суд напоминает, что государство вправе в соответствии с нормами международного права и при условии соблюдения своих договорных обязательств контролировать въезд иностранцев на свою территорию и их проживание там (см., в числе прочих источников, Постановление Европейского Суда по делу “Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства” (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom*) от 28 мая 1985 г., Series A, № 94, § 67; и Постановление Европейского Суда по делу “Бужлифа против Франции” (*Boujlifa v. France*) от 21 октября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI, § 42). Конвенция не гарантирует иностранцу права на въезд или на проживание в какой-то конкретной стране, и в обеспечение обязанности по поддержанию общественного порядка власти государств-участников вправе высылать со своей территории иностранцев, осужденных за совершение преступлений. Однако их решения в этой сфере в той мере, в какой они могут затрагивать права, охраняющиеся пунктом 1 статьи 8 Конвенции, должны быть предусмотрены законом и являться необходимыми в демократическом обществе, то есть оправдываться настоящей общественной потребностью и, в частности, быть соразмерными преследуемой правомерной цели (см. Постановление Европейского Суда по делу “Далиа против Франции” (*Dalia v. France*) от 19 февраля 1998 г., *Reports* 1998-I, § 52; Постановление Европейского Суда по делу “Мееми против Франции” (*Mehemi v. France*) от 26 сентября 1997 г., *Reports* 1997-VI, § 34; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу “Бултиф против Швейцарии” (*Boultif v. Switzerland*), § 46; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Сливенко против Латвии” (*Slivenko v. Latvia*), жалоба № 48321/99, ECHR 2003-X, § 113).

55. Европейский Суд полагает, что эти принципы применяются независимо от того, переехал иностранец в страну пребывания взрослым или еще ребенком или, возможно, даже родился там. При этом Суд ссылается на Рекомендацию Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1504 (2001) “О недопустимости высылки мигран-

тов, живущих в стране в течение длительного времени”, в которой Ассамблея рекомендовала Комитету Министров Совета Европы предложить властям государств-участников, *inter alia*, гарантировать мигрантам, живущим там в течение длительного времени, которые родились или выросли в стране пребывания, защиту от высылки при любых обстоятельствах (см. выше § 37). Власти ряда государств-участников приняли законы или проводят политику для того, чтобы мигрантов, родившихся или выросших в этих странах, нельзя было оттуда выслать в связи с совершением ими преступлений (см. выше § 39), но такое абсолютное право не быть высланным невозможно вывести из статьи 8 Конвенции, поскольку пункт 2 этой статьи явно позволяет делать исключения из общих прав, гарантированных пунктом 1».

182. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), § 71, Суд дополнительно сформулировал следующие критерии, имеющие отношение к высылке молодых людей, которые еще не создали собственной семьи:

- характер и степень тяжести совершенного заявителем преступления;
- длительность пребывания заявителя в стране, из которой его собираются выслать;
- время, прошедшее с момента совершения преступления, и поведение заявителя в течение этого срока; и
- устойчивость социальных, культурных и семейных связей со страной пребывания и страной назначения.

Кроме того, Европейский Суд учитывает срок действия запрета на проживание в стране (*ibid.*, § 98; см. также Постановление Европейского Суда по делу «Кюлекджи против Австрии» (*Külekci v. Austria*) от 1 июня 2017 г., жалоба № 30441/09, § 39; и Постановление Европейского Суда по делу «Азеркане против Нидерландов» (*Azerkane v. Netherlands*) от 2 июня 2020 г., жалоба № 3138/16, § 70). Действительно, в этом отношении Суд отмечает, что срок действия запрета на въезд, в частности ограниченный по времени, или бессрочный характер такого запрета, является фактором, которому он придает значение в своей прецедентной практике (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Йилмаз против Германии» (*Yilmaz v. Germany*) от 17 апреля 2003 г., жалоба № 52853/99, §§ 47–49; Постановление Европейского Суда по делу «Радованович против Австрии» (*Radovanovic v. Austria*) от 22 апреля 2004 г., жалоба № 42703/98, § 37; Постановление Европейского Суда по делу «Келес против Германии» (*Keles v. Germany*) от 27 октября 2005 г., жалоба № 32231/02, §§ 65–66; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кюлекджи против Австрии» (*Külekci v. Austria*), § 51; Постановление Европейского Суда по делу «Велькович-Юкич против Швейцарии» (*Veljkovic-Jukic v. Switzerland*) от 21 июля 2020 г., жалоба № 59534/14, § 57; и Постановление Евро-

пейского Суда по делу «Хан против Дании» (Khan v. Denmark) от 12 января 2021 г., жалоба № 26957/19, § 79).

183. Суды государств – участников Конвенции должны учитывать все соответствующие критерии, установленные в прецедентной практике Европейского Суда, с точки зрения понятий «семейная жизнь» или «личная жизнь» (в зависимости от обстоятельств дела) во всех делах, касающихся осевших мигрантов, которые подлежат высылке и (или) выдворению с территории страны после вынесения им обвинительного приговора (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (Üner v. Netherlands), § 60; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Сабер и Бухассал против Испании» (Saber and Boughassal v. Spain), § 47).

184. В соответствующих случаях следует принимать во внимание и другие факторы, имеющие отношение к делу, например его медицинские аспекты (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шала против Швейцарии» (Shala v. Switzerland) от 15 ноября 2012 г., жалоба № 52873/09, § 46; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «I.M. против Швейцарии» (I.M. v. Switzerland), § 70; и Постановление Европейского Суда по делу «К.А. против Швейцарии» (K.A. v. Switzerland) от 7 июля 2020 г., жалоба № 62130/15, § 41).

185. Значение, которое следует придавать соответствующим критериям, неизбежно будет меняться в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела; в случаях, когда цель заключается в «предотвращении беспорядков или преступлений», они направлены на то, чтобы помочь внутригосударственным судам определить, насколько вероятно участие заявителя в беспорядках или в преступной деятельности (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), § 70).

186. Кроме того, для обоснования высылки осевшего иммигранта, который на законных основаниях провел в стране пребывания все свое детство и юность или большую их часть, требуются очень серьезные причины (*ibid.*, § 75).

187. При определении необходимости вмешательства в осуществление права, охраняемого статьей 8 Конвенции, в демократическом обществе и его соразмерности преследуемой правомерной цели власти пользуются определенной свободой усмотрения. Однако Европейский Суд последовательно приходил к выводу, что его задача заключается в определении того, соблюдают ли обжалуемые по делу меры справедливое равновесие между соответствующими интересами, в частности между охраняемыми Конвенцией правами человека, с одной стороны, и интересами общества, с другой стороны. Таким образом, свобода усмотрения вла-

стей подлежит общеевропейскому контролю, который распространяется как на законодательство, так и на правоприменительные акты, даже на те, которые приняты независимыми судами. Поэтому Европейский Суд вправе вынести окончательное решение по поводу того, соответствует высылка требованиям статьи 8 Конвенции или нет (*ibid.*, § 76, и дела, которые там упомянуты).

188. Внутригосударственные суды должны приводить конкретные мотивы с учетом обстоятельств дела, не в последнюю очередь для того, чтобы Европейский Суд мог осуществлять порученный ему общеевропейский контроль. Если решения внутригосударственных судов недостаточно мотивированы и не обеспечивают реального равновесия между интересами, о которых идет речь в деле, это нарушает требования статьи 8 Конвенции. При таком развитии событий Европейский Суд придет к выводу, что внутригосударственные суды не смогли убедительно показать, что соответствующее вмешательство в осуществление конвенционного права было соразмерно преследуемой цели, а значит, соответствовало «настоятельной общественной потребности» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эль Гате против Швейцарии» (El Ghatet v. Switzerland) от 8 ноября 2016 г., жалоба № 56971/10, § 47).

189. В то же время в случаях, когда независимые и беспристрастные внутригосударственные суды тщательно рассмотрели обстоятельства дела, применив соответствующие стандарты прав человека согласно Конвенции и прецедентной практике Европейского Суда и должным образом уравнив личные интересы заявителя и более общие общественные интересы в деле, Европейский Суд не должен подменять позицию компетентных органов власти государства-ответчика по существу дела своей собственной точкой зрения (в том числе, в частности, своей собственной оценкой фактических аспектов вопроса о соразмерности вмешательства). Единственным исключением из этого правила является ситуация, когда показано наличие убедительных соображений, оправдывающих такую подмену (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ндиди против Соединенного Королевства» (Ndidi v. United Kingdom), § 76; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Левакович против Дании» (Levakovic v. Denmark), § 45; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Сабер и Бухассал против Испании» (Saber and Boughassal v. Spain), § 42; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Нарджис против Италии» (Narjis v. Italy), § 43).

(b) Применение этих принципов в настоящем деле

190. Как представляется при рассмотрении уголовного дела заявителя, в рамках которого изначально было принято решение о высылке, датские

суды уравнивали различные интересы, о которых идет речь, с учетом соответствующих критериев, предусмотренных статьей 8 Конвенции. Далее Европейский Суд отмечает, что между 10 августа 2009 г. (когда распоряжение о высылке вступило в силу) и 20 мая 2015 г. (когда было принято окончательное решение по ходатайству об отмене этого распоряжения) прошло достаточно много времени. Таким образом, определять соразмерность высылки заявителя в рамках разбирательства по вопросу об отмене соответствующего распоряжения с учетом возможного существенного изменения его обстоятельств за это время, в частности обстоятельств, касающихся поведения заявителя и состояния его здоровья, должны были власти Дании (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), §§ 90–93). На данном этапе Суд напоминает, что главный вопрос в настоящем деле заключается в том, удовлетворяло ли рассмотрение ходатайства об отмене распоряжения о высылке соответствующим требованиям, установленным прецедентной практикой Европейского Суда по статье 8 Конвенции (см. выше § 171).

191. Вначале Европейский Суд отмечает, что из-за своего психического заболевания заявитель находился в более уязвимом положении по сравнению с обычным «осевшим мигрантом», которому угрожает высылка. Состояние его здоровья, наряду с прочими факторами, требовалось принимать во внимание при установлении равновесия между различными интересами (см. выше § 184). В связи с этим Суд отмечает, что в силу статьи 50а Закона «Об иностранцах» (см. выше § 76) датские суды при рассмотрении ходатайства об отмене распоряжения о высылке определили, не стало ли исполнение распоряжения о высылке решительно нецелесообразным ввиду состояния здоровья заявителя. Датские суды двух разных инстанций приняли во внимание показания различных экспертов и соответствующую информацию, полученную из страны назначения. В частности, они рассмотрели сведения, поступившие из учреждения социальной защиты в Турции, от врача-терапевта реабилитационной клиники в г. Конья при государственной больнице и из государственной больницы в г. Конья, подтверждающие, что у пациента есть возможность пройти интенсивный курс лечения в психиатрической больнице, удовлетворяющий потребностям заявителя. Так, датские суды убедились, что соответствующее лекарство продается в Турции, в том числе в том районе, где, скорее всего, поселится заявитель.

192. Европейский Суд не видит причин сомневаться в том, что медицинские аспекты дела заявителя были рассмотрены на внутригосударственном уровне весьма обстоятельно. Действительно, Высокий суд произвел тщательную оценку состо-

яния здоровья заявителя и установил, как на него повлияет высылка в случае, если она произойдет, в том числе с точки зрения наличия и доступности необходимого лечения. Он принял во внимание стоимость лекарств и медицинских услуг, расстояние, которое необходимо будет преодолевать заявителю для получения медицинской помощи, и доступность медицинской помощи на том языке, на котором говорит заявитель. Однако медицинские аспекты являются лишь одним из нескольких факторов, которые нужно учитывать в соответствующих случаях (см. выше § 184), например, в настоящем деле, наряду с критериями, сформулированными в упомянутом выше деле «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), о которых говорилось выше в § 182.

193. По поводу характера и степени тяжести преступления Европейский Суд отмечает, что, будучи еще несовершеннолетним, заявитель совершил ограбление, в связи с которым ему в 2001 году был вынесен обвинительный приговор (см. выше § 12). В 2006 году он в составе группы лиц участвовал в нападении на человека, которое повлекло за собой смерть потерпевшего (см. выше § 13). Суд отмечает, что эти преступления имели насильственный характер и что их нельзя считать простой подростковой шалостью (см. для сравнения в качестве примера противоположной ситуации упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), § 81). В то же время Суд не забывает о том, что в последующем разбирательстве по уголовному делу, когда заявителя признали виновным в нападении на человека при отягчающих обстоятельствах, медицинские документы позволили установить, что на момент совершения им этого преступления он с большой долей вероятности страдал психическим расстройством (параноидной шизофренией), которое в его случае проявлялось угрожающим и физически агрессивным поведением (см. выше § 25). Согласно критериям, сформулированным в упомянутом выше деле «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria) (см. выше § 182), необходимо проверить, имелись ли для высылки заявителя «очень серьезные причины», а значит, для целей настоящего дела проанализировать отказ датских судов отменить распоряжение о высылке в 2015 году, когда появилась возможность привести его в исполнение. Для целей рассмотрения дела с точки зрения статьи 8 Конвенции имеет значение вопрос о том, мотивировало ли освобождение заявителя датскими судами от наказания в связи с его психическим заболеванием согласно пункту 2 статьи 16 и статье 68 Уголовного кодекса Дании, когда ему вынесли обвинительный приговор в 2009 году, к ограничению возможности властей государства-ответчика правомерно ссылаться на совершенные заявителем преступления как на основание для его высылки и для введения в отношении него бессрочного запрета на въезд.

194. В недавно вынесенных постановлениях, в которых вопрос о высылке осевших мигрантов рассматривался с точки зрения статьи 8 Конвенции (см., например, выше § 189), Европейский Суд постановил, что тяжкие преступления (если предположить, что при общем уравнивании интересов внутригосударственные суды должным образом приняли во внимание остальные критерии, сформулированные в деле «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*)) могут являться «очень серьезной причиной», способной оправдать высылку. Однако первый критерий, сформулированный в деле «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), отсылающий к «характеру и степени тяжести» совершенного заявителем преступления, предполагает, что компетентный суд по уголовным делам определил, указывают действия осевшего мигранта с психическим заболеванием на необходимую степень его виновности в совершении этого преступления или нет. Если в соответствующий период времени заявитель был официально освобожден от уголовной ответственности в связи с тем, что на момент совершения преступления он страдал психическим заболеванием, это может привести к ограничению значения, которое следует придавать первому критерию, сформулированному в деле «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), при общем уравнивании интересов согласно требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции.

195. Европейский Суд прямо указывает на то, что в настоящем деле ему нужно не делать в связи с этим какие-то выводы общего характера, а только определить, действительно ли датские суды при оценке «характера и степени тяжести» совершенного заявителем преступления в рамках разбирательства 2015 года должным образом приняли во внимание утверждения властей о том, что на момент совершения соответствующего деяния он страдал тяжелым психическим заболеванием – параноидной шизофренией.

196. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что в решении от 13 января 2015 г. по вопросу об отмене распоряжения о высылке Высокий суд лишь кратко упомянул о серьезном характере и степени тяжести совершенного заявителем преступления (первый критерий, сформулированный в деле «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), см. выше §§ 66 и 182). Высокий суд не принял во внимание, что из-за своего психического заболевания заявитель в конечном счете был освобожден от наказания, но направлен в судебно-психиатрическое учреждение (см. выше §§ 22, 26 и 30). Далее, Высокий суд предпринял лишь ограниченные усилия для того, чтобы установить, изменились ли личные обстоятельства заявителя, при оценке соблюдения требований общественного порядка с учетом сведений о его поведении за последние семь лет с момента принятия решения о высылке (см. выше §§ 34–36, 38–40, 43, 51, 54 и 62). В этих

обстоятельствах и с учетом непосредственного и долгосрочного воздействия, которое оказало исполнение распоряжения о высылке на заявителя (см. ниже § 200 относительно бессрочного характера запрета на въезд), Суд полагает, что власти Дании недостаточно полно и тщательно рассмотрели права, которые статья 8 Конвенции гарантирует заявителю – осевшему мигранту, жившему в Дании с шести лет, и не установили надлежащего равновесия, чтобы решить, не перевесили ли права заявителя интересы общества в его высылке в целях предотвращения беспорядков и преступлений (см. для сравнения упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ндиди против Соединенного Королевства» (*Ndidi v. United Kingdom*), §§ 76 и 81).

197. В связи с этим из третьего критерия, сформулированного в деле «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*) (см. выше § 182), следует, что особую важность имеет поведение заявителя с момента признания его виновным в совершении преступления до момента вынесения окончательного решения по вопросу об отмене распоряжения о высылке. Так, соответствующие доказательства указывают на то, что, хотя изначально поведение заявителя было преимущественно агрессивным, за эти годы его состояние улучшилось (см. выше §§ 34–36, 38–40, 43, 51, 54 и 62). Однако Высокий суд не стал рассматривать эти изменения личных обстоятельств заявителя, чтобы оценить опасность повторного нарушения закона на фоне его психического состояния на момент совершения преступления, в связи с которым он был освобожден от наказания, и явно благоприятными результатами лечения, благодаря которым его выписали из судебно-психиатрического учреждения.

198. Еще один вопрос, который необходимо было рассмотреть, заключается в прочности социальных, культурных и семейных связей заявителя со страной пребывания и страной назначения (четвертый критерий, сформулированный в деле «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*)). По-видимому, связи заявителя с Турцией имели ограниченный характер, однако нельзя сказать, что он совершенно не знал этой страны (см. выше §§ 30, 59 и 65). Однако представляется, что Высокий суд практически не учел длительности проживания заявителя в стране его пребывания, в Дании, и его связей с этой страной (второй и четвертый критерии, сформулированные в деле «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), соответственно; см. выше § 182), подчеркнув, что в Дании заявитель не создал собственной семьи и что у него нет детей (см. выше § 66). По поводу последнего аспекта Европейский Суд повторяет вывод, к которому он пришел выше в § 178: даже если у заявителя не было «семейной жизни», он, тем не менее, мог претендовать на защиту своего права на уважение его «личной жизни» по смыслу положений статьи 8 Конвенции

(см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), § 93). В связи с этим Суд придает особое значение тому, что, как отметили датские суды при рассмотрении уголовного дела заявителя и Городской суд при рассмотрении ходатайства об отмене распоряжения о высылке, заявитель являлся осевшим мигрантом, жившим в Дании с шести лет (см. выше § 59). Несмотря на явные трудности, с которыми заявитель столкнулся в детстве и в начале взрослой жизни и которые указывают на проблемы с интеграцией в общество, он получил образование главным образом в Дании, и в этой стране живут все его близкие родственники (мать, братья и сестры). Кроме того, он около пяти лет являлся субъектом трудовых отношений в Дании (см. выше §§ 27 и 30).

199. Наконец, для определения соразмерности обжалуемой по делу меры необходимо принимать во внимание срок действия запрета на въезд (см. выше § 182). Ранее Европейский Суд приходил к выводу о несоразмерности такого запрета из-за его бессрочного характера, тогда как в других делах он считал ограниченный срок высылки фактором, свидетельствующим о ее соразмерности (см. прецеденты, упомянутые выше в § 182). Кроме того, Суд считал высылку соразмерной в ситуации, когда, несмотря на отсутствие ограничений по времени высылки, у заявителей оставались возможности вернуться в высылающее государство (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Васкес против Швейцарии» (*Vasquez v. Switzerland*) от 26 ноября 2013 г., жалоба № 1785/08, § 50, где заявитель мог обратиться за разрешением приехать в Швейцарию в качестве туриста), и тем более когда заявители могли попросить, чтобы власти пересмотрели срок действия запрета на въезд (*ibid.*; см. также Постановление Европейского Суда по делу «Кайя против Германии» (*Kaya v. Germany*) от 28 июня 2007 г., жалоба № 31753/02, §§ 68–69).

200. В настоящем деле датские суды в рамках разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке не могли, согласно датскому законодательству, по своему усмотрению пересмотреть и ограничить срок действия введенного в отношении заявителя запрета; кроме того, у заявителя не было возможности добиться пересмотра решения о высылке, воспользовавшись какой-либо другой процедурой. В результате отказа отменить решение о высылке по итогам рассмотрения соответствующего ходатайства в отношении него был введен бессрочный запрет на въезд. Европейский Суд отмечает очень чувствительный характер этой меры для заявителя. С учетом представлений властей государства-ответчика, согласно которым гостевая виза может быть выдана иностранцам, которые были высланы и в отношении которых был введен бессрочный запрет на въезд, лишь

в очень ограниченном числе случаев (см. выше § 162), ясно, что возможность заявителя приехать в Данию, пусть даже ненадолго, остается исключительно гипотетической. В результате он остался без реалистичных шансов приехать в Данию, не говоря уже о том, чтобы там остаться.

201. С учетом сказанного выше представляется, что при рассмотрении вопроса об отмене решения о высылке Высокий суд, несмотря на то что с момента получения заявителем медицинской помощи в связи с психическим расстройством прошло уже довольно много времени, практически не учел изменений личных обстоятельств заявителя в целях оценки опасности повторного нарушения закона на фоне психического состояния заявителя на момент совершения преступления и явно благоприятных результатов лечения, если не считать краткого замечания об отсутствии у него семейных связей в Дании, а также о серьезном характере и степени тяжести совершенного им преступления. Кроме того, Высокий суд не рассмотрел должным образом вопроса об интенсивности связей заявителя с Данией по сравнению с его связями с Турцией. Далее Европейский Суд отмечает, что согласно датскому законодательству у административных и судебных органов не было возможности произвести индивидуальную оценку срока действия распоряжения о высылке заявителя из Дании, который был не ограничен по времени и не подлежал уменьшению. Поэтому, несмотря на свободу усмотрения властей государства-ответчика, Суд полагает, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела властям Дании не удалось должным образом принять во внимание и уравновесить различные интересы (см. выше §§ 182 и 183).

202. Соответственно, по делу имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

III. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

203. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Моральный вред

204. В ходе рассмотрения дела Палатой Европейского Суда заявитель просил присудить ему сумму в размере 40 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного предполагаемым нарушением статей 3 и 8 Конвенции. Власти государства-ответчика оспаривали эти требования, считая их завышенными.

205. Палата Европейского Суда решила, что вывод о нарушении статьи 3 Конвенции сам по себе является достаточной справедливой компенсацией любого причиненного заявителю морального вреда.

206. В ходе рассмотрения дела Большой Палатой Европейского Суда заявитель просил присудить ему сумму в размере 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Он утверждал, в частности, что он испытал стресс, разочарование и чувство несправедливости в связи с судебным разбирательством в Дании и последующей его высылкой в Турцию, из-за которой прервалось его лечение, а также его личная и семейная жизнь в Дании. По мнению заявителя, его страдания нельзя компенсировать одним лишь выводом о нарушении Конвенции.

207. Власти государства-ответчика утверждали, что в отсутствие нарушения прав заявителя, гарантированных статьями 3 или статьями 8 Конвенции, нет и оснований для присуждения компенсации согласно статье 41 Конвенции.

208. С учетом обстоятельств дела Европейский Суд полагает, что сделанный им вывод о нарушении статьи 8 Конвенции является достаточной справедливой компенсацией любого морального вреда, который мог быть причинен заявителю. Поэтому он не присуждает в связи с этим какой-либо компенсации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Меми против Франции» (*Mehemi v. France*) от 26 сентября 1997 г., *Reports* 1997-VI, § 41; Постановление Европейского Суда по делу «Йилдиз против Австрии» (*Yildiz v. Austria*) от 31 октября 2002 г., жалоба № 37295/97, § 51; и Постановление Европейского Суда по делу «Радованович против Австрии» (*Radovanovic v. Austria*) (по вопросу о присуждении справедливой компенсации) от 16 декабря 2004 г., жалоба № 42703/98, § 11).

В. Расходы и издержки

209. В ходе рассмотрения дела Палатой Европейского Суда заявитель просил возместить ему судебные издержки и расходы, понесенные в связи с рассмотрением дела в Европейском Суде, в размере 103 560 датских крон (около 14 000 евро) на оплату работы над делом его представителей и их помощников, которая заняла в общей сложности 86 часов. Власти государства-ответчика оспаривали эту сумму, считая ее завышенной, и отмечали, что заявитель запросил и предварительно получил юридическую помощь в размере 40 000 датских крон (около 5 400 евро) согласно Закону Дании «О юридической помощи» (*Lov 1999-12-20 nr. 940 om retshjælp til indgivelse og førelse af klagesager for internationale klageorganer i henhold til menneskerettigheds-konventioner*).

210. Приняв во внимание размер юридической помощи, предоставленной заявителю на внутригосударственном уровне, Палата Европейского Суда

сочла целесообразным присудить ему сумму в размере 2000 евро в качестве возмещения судебных расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела в Европейском Суде.

211. В ходе рассмотрения дела Большой Палатой Европейского Суда заявитель в своих замечаниях от 28 мая 2020 г. просил возместить ему судебные издержки и расходы, понесенные в связи с рассмотрением дела Палатой и Большой Палатой Суда, в размере 322 700 датских крон (около 45 000 евро). Он представил подробный счет, в котором содержалась предварительная оценка общего количества часов, затраченных каждым из двух его представителей и их помощниками на работу с делом, а также почасовые ставки оплаты их услуг. Кроме того, он отметил, что по состоянию на тот момент времени он получил, согласно Закону Дании «О юридической помощи», всего 20 230 датских крон 63 эре (около 2 700 евро). В дополнительных требованиях, направленных 24 июня 2020 г., после слушания дела в Большой Палате Суда, заявитель указал, что ввиду сложности дела и, в частности, значительного количества участников, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны и представивших свои замечания, фактическое количество времени, затраченное его представителями и их помощниками на работу с делом, превысило упомянутую выше предварительную оценку и составило 104 часа у Т. Триера и 32 часа у А. Бельскифте и от восьми до 44 часов у их помощников. Он просил возместить ему эти расходы в общем размере 372 420 датских крон (около 50 000 евро).

212. Власти государства-ответчика утверждали, что количество часов, затраченных, как утверждалось, представителями заявителя на работу с делом, превышает обычное и необходимое количество времени, которое требуется адвокатам на работу с аналогичными делами, вследствие чего требуемая сумма является чрезмерной. Кроме того, они отметили, что, согласно Закону Дании «О юридической помощи», заявителю уже была предоставлена юридическая помощь в размере 20 230 датских крон 63 эре (около 2 700 евро) решением от 8 апреля 2020 г. и в размере 18 597 датских крон 50 эре (около 2 500 евро) решением от 23 июня 2020 г.

213. Европейский Суд отмечает, что, согласно Закону Дании «О юридической помощи», заявителю предварительно было выделено 38 828 датских крон 13 эре. Однако непонятно, получит ли заявитель впоследствии дополнительную юридическую помощь от Министерства юстиции Дании и как будет решен спор между сторонами по поводу остальных притязаний заявителя на юридическую помощь. Поэтому Суд считает необходимым произвести оценку требований заявителя о возмещении судебных издержек и расходов и принять решение по этому поводу.

214. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и расходов

лишь постольку, поскольку было доказано, что они были фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Дании» (*Osman v. Denmark*) от 14 июня 2011 г., жалоба № 38058/09, § 88). В настоящем деле, принимая во внимание документы, которыми он располагает, и изложенные выше критерии, Суд приходит к убеждению, что требования заявителя являются обоснованными. Далее Суд отмечает, что настоящее дело является относительно сложным и потребовало определенной работы. С другой стороны, Суд сомневается в том, что в ходе рассмотрения дела Большой Палатой Суда дело потребовало работы в таком объеме, о котором говорил заявитель, поскольку значительная часть этой работы была проделана, когда дело рассматривалось Палатой Суда.

215. В этих обстоятельствах Европейский Суд с учетом особенностей требований заявителя считает целесообразным уменьшить размер присуждаемой суммы до 20 000 евро плюс любые налоги, которые заявитель, возможно, должен будет уплатить с этой суммы.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

216. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

На основании вышеизложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила, что по делу отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции (принято 16 голосами «за» при одном голосе «против»);

2) постановила, что по делу имело место нарушение статьи 8 Конвенции (принято 11 голосами «за» при шести голосах «против»);

3) постановила, что констатация нарушения Конвенции сама по себе является достаточной справедливой компенсацией причиненного заявителю морального вреда (принято 15 голосами «за» при двух голосах «против»);

4) постановила:

(а) что власти государства-ответчика в течение трех месяцев обязаны выплатить заявителю 20 000 (двадцать тысяч) евро плюс любые налоги, которые заявитель, возможно, должен будет уплатить с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, в национальной валюте государства-ответчика по курсу, действующему на момент осуществления выплаты;

(б) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные выше суммы должны начисляться простые про-

центы, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процентных пункта (принято 11 голосами «за» при шести голосах «против»);

5) отклонила остальные требования заявителя о справедливой компенсации (принято 15 голосами «за» при двух голосах «против»).

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичном слушании дела 7 февраля 2021 г. согласно пунктам 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Роберт СПАНО
Заместитель Секретаря	Председатель Большой
Большой Палаты Суда	Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению приобщаются следующие особые мнения судей:

- (а) совпадающее мнение судьи И. Йелич;
- (б) частично совпадающее и частично особое мнение судьи Г.А. Сергидеса;
- (с) совместное частично особое мнение судей Й.Ф. Кьельбро, Д. Дедова, Б. Лубарды, А. Арутюняна, Г. Кучко-Штадльмайер и А. Полачковой.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ И. ЙЕЛИЧ

1. Я согласна с выводами, к которым пришла Большая Палата Европейского Суда в этом важном Постановлении. Однако у меня есть некоторые замечания по поводу содержащихся в этом Постановлении оценок (рассуждений) относительно статьи 8 Конвенции. На мой взгляд, уклонение от анализа аспекта, связанного с семейной жизнью, привело к тому, что в настоящем деле не был принят всесторонний подход с акцентом на особой уязвимости положения заявителя. В определенной степени это свидетельствует о противоречивости судебной практики по правам человека на общемировом уровне.

2. Поэтому я считаю полезным выразить свою позицию в отдельном мнении, поскольку я искренне убеждена, что решение Большой Палаты Европейского Суда рассмотреть данное конкретное дело с точки зрения защиты личной жизни заявителя, а не его семейной жизни не является в полной мере уместным и достаточным.

3. Я полагаю, что в ходе анализа с точки зрения статьи 8 Конвенции вопроса о том, имело ли место вмешательство в осуществление заявителем права на уважение его личной и семейной жизни (см. §§ 172–179 Постановления), было бы правильнее, если бы Большая Палата Европейского Суда

не стала исключать признания важных особых обстоятельств, которыми характеризуется семейная жизнь заявителя в настоящем деле, в частности с учетом его тяжелого многолетнего психического расстройства и низкого интеллектуального потенциала, а также возраста, начиная с которого он получает особый уход. Это не только лишило его возможности создать собственную семью, но и привело к его эмоциональной и социальной зависимости от единственных оставшихся у него родственников – матери, братьев, сестер, племянницы и племянника.

4. Кроме того, несмотря на отсутствие предположений, позволяющих Европейскому Суду прийти к выводу о фактическом существовании семейной жизни между заявителями и всеми его родственниками (в частности, с учетом того, сколько времени он провел в приемной семье и в судебно-психиатрических учреждениях), его неподдельная привязанность к своей матери приобретает в настоящем деле особую важность ввиду уязвимого положения заявителя, вызванного тяжелым психическим заболеванием, которое в таких ситуациях может привести к еще более тесным эмоциональным связям с родителями, чем в обычных условиях, не характеризующихся уязвимым положением. В связи с этим необходимо принимать во внимание особое значение семьи для тех, кто находится в уязвимом положении, поскольку они не могут создать собственной основной семьи, а значит, этот фактор влияет на содержание их права на уважение семейной жизни. В настоящем деле к определению того, имелись ли у заявителя в Дании семейные связи, к нему не нужно было подходить со стандартными мерками. В конкретных обстоятельствах настоящего дела требовалось исходить из расширенного понимания семьи и семейной жизни.

5. Заявитель является не состоящим в браке осевшим мигрантом, который вырос и получил образование в Дании – в стране, где он жил с шести лет. В этом конкретном деле его статус необходимо воспринимать с акцентом на всех аспектах его особенно уязвимого положения как иностранца, который страдает тяжелым психическим заболеванием: ему был поставлен диагноз «параноидная шизофрения», он не может создать основную семью, у него нет семейных или личных связей со своей родной страной – с Турцией, он фактически относится к курдскому национальному меньшинству, он не говорит, не читает и не пишет по-турецки – на том официальном языке, на котором ему предлагается общаться там в связи с получением медицинской помощи, а все его семейные и личные связи сосредоточены в Дании. Всё это способствует его эмоциональной и социальной зависимости от тех, кто в его понимании является его семьей (матери, четырех братьев и сестер, племянницы и племянника). Они считают заявителя членом своей семьи, доказав это еще и тем, что

они регулярно его навещали в специальных учреждениях, где он содержался, и давали ему возможность посещать их (одному или в сопровождении медицинских работников).

6. Отказ властей отменить распоряжение о высылке и исполнение этого распоряжения привели к тому, что в отношении заявителя был введен бессрочный запрет на въезд в Данию, где живет вся его семья. С учетом особых обстоятельств настоящего дела такой отказ подчеркивает, что необходимо должным образом учитывать аспект, связанный с семейной жизнью заявителя как человека, находящегося в уязвимом положении, которую он вел в Дании, а не в той стране, куда его выслали. Не менее важен и аспект, связанный со значением поддержки семьи для выздоровления заявителя.

7. Определение «семьи» и понятие семейной жизни установлены Комитетом ООН по правам человека исходя из широкого толкования, с учетом связи с понятием «жилище» и пониманием специфики соответствующего общества. В связи с этим имеют значение следующие акты:

«Замечание общего порядка № 16 – статья 17 (право на личную жизнь)»

Пункт 5

Что касается термина «семья», то назначение Пакта требует, чтобы для целей статьи 17 это понятие толковалось широко и охватывало всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника. Слова “home” в английском, “manzel” в арабском, “zhùzhái” в китайском, “domicile” во французском, “жилище” в русском и “domicilio” в испанском текстах, употребленные в статье 17 Пакта, должны пониматься как термины, указывающие то место, в котором человек проживает или занимается своими обычными делами. В этой связи Комитет предлагает государствам раскрывать в своих докладах смысл, который их общество вкладывает в понятия “семья” и “жилище”.

Замечание общего порядка № 19 – статья 23 (семья)

Пункт 2

Комитет отмечает, что понятие семьи в определенных аспектах может отличаться в различных государствах и даже в разных районах одного государства, в связи с чем не представляется возможным дать стандартное определение этому понятию. Вместе с тем Комитет подчеркивает, что когда в законодательстве и практике какого-либо государства группа лиц рассматривается в качестве семьи, то она должна являться объектом защиты, предусмотренной статьей 23. В связи с этим государства-участники должны излагать в своих докладах толкование или определение понятия семьи и ее состава в их обществе и в их правовой системе. Если в рамках одного государства существуют различные понятия семьи – “основная” и “расширенная”, – то это необходимо указать, наряду с разъяснением того, какая степень защиты обеспечивается каждой из таких семей. С учетом существования различных

форм семьи, таких, например, как незарегистрированные супружеские пары и их дети или одинокие родители и их дети, государства-участники должны также сообщать информацию о том, признаются ли и защищаются ли такие виды семьи и их члены внутренним законодательством и практикой и в каком объеме».

Соответствующие выдержки из практики международных органов

В похожем деле, рассмотренном Комитетом ООН по правам человека, – «Дофен против Канады» (Dauphin v. Canada) (соображения от 28 июля 2009 г., ССРР/С/96/Д/1792/2008) – сказано, что понятие семьи нужно толковать широко. Комитет пришел к выводу, что высылка автора являлась несоразмерной преследуемым правомерным целям, а значит, нарушила его семейную жизнь (см. ниже пункт 8.3, курсив мой):

«Дело «Дофен против Канады» (Dauphin v. Canada) (соображения от 28 июля 2009 г.)

8.2. В данном случае автор проживал на территории государства-участника с двухлетнего возраста и получил там образование. Его родители и трое его братьев и сестер проживают в Канаде и имеют гражданство Канады. Автор подлежит высылке после того, как он был приговорен к лишению свободы сроком на 33 месяца за грабеж с применением насилия. Комитет отмечает заявление автора о том, что вся его семья находится в Канаде, что до задержания он жил со своей семьей и что на Гаити у него нет семьи. Комитет также принимает к сведению доводы властей государства-участника о том, что отношения между автором и его семьей были довольно-таки поверхностными, поскольку он проживал в основном в молодежных центрах и в приемных семьях и не получал помощи от своей семьи, когда стал преступником и наркоманом.

8.3. Комитет ссылается на свои замечания общего порядка №№ 16 (1988) и 19 (1990) 17, применительно к которым *понятие семьи нужно толковать широко*. В настоящем деле не оспаривается, что у автора нет семьи на Гаити и что вся его семейная жизнь протекает на территории государства-участника. Поскольку речь идет о молодом человеке, который еще не создал собственной семьи, Комитет считает, что его семью по смыслу положений Пакта составляют его родители, братья и сестры. По мнению Комитета, решение государства-участника о высылке автора, который провел на территории государства-участника всю свою жизнь с самого детства, не зная, что у него нет канадского гражданства, и у которого совершенно отсутствуют семейные связи на Гаити, *представляет собой вмешательство в семейную жизнь автора*. Комитет отмечает: по делу не оспаривается, что это вмешательство преследовало правомерную цель, а именно предотвращение преступлений. Поэтому он должен определить, было ли это вмешательство произволом и нарушало ли оно положения статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта.

8.4. Комитет отмечает, что автор считал себя гражданином Канады и только после задержания

узнал о том, что у него нет канадского гражданства. Всю свою сознательную жизнь он прожил на территории государства-участника, где живут все его близкие родственники и его девушка. У него отсутствуют связи с его родной страной и нет там семьи. Комитет также отмечает, что ранее автор привлекался к уголовной ответственности лишь однажды, сразу после того, как ему исполнилось 18 лет. Комитет приходит к выводу, что это вмешательство, повлекшее серьезные последствия для автора ввиду того, что у него сложились тесные связи с Канадой и, по-видимому, отсутствуют связи с Гаити, не считая гражданства, является несоразмерным правомерным целям, которые преследовали власти государства-участника. Поэтому высылка автора представляет собой нарушение властями государства-участника положений статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта».

8. В заключение, хотя меня полностью убеждают соображения, по которым Большая Палата Европейского Суда пришла к выводу, что в настоящем деле спорные меры являлись вмешательством в «личную жизнь» заявителя (см. §§ 190–202 Постановления), я, тем не менее, усматриваю в этом конкретном деле мощный аспект, связанный с вмешательством в «семейную жизнь» заявителя, учитывая его особенно уязвимое положение, наличие у него очень тесных семейных связей с Данией и отсутствие связей с Турцией, не считая гражданства.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Г.А. СЕРГИДЕСА

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение

II. Критика медицинских документов, решений датских судов, а также Постановлений Палаты и Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу

III. Эффективное и не ограничительное толкование и применение статьи 3 Конвенции

IV. Бесчеловечное обращение как основа жалобы заявителя

V. Характер действий, запрещенных статьей 3 Конвенции

VI. Анализ и критика критерия, примененного в деле «Папошвили против Бельгии» и в настоящем деле

A. Аспект, связанный с «ухудшением» состояния здоровья и имеющий три характеристики: «серьезное», «стремительное» и «необратимое»

1. Должно ли «ухудшение» состояния здоровья заявителя в связи с его высылкой быть «стремительным» и «необратимым»?
2. Могла ли вообще высылка заявителя привести к «серьезному»,

«стремительному» и «необратимому» ухудшению состояния его здоровья?

В. Элемент страданий, которые должны быть «сильными»

1. Обязательно ли «бесчеловечное обращение» должно сопровождаться «сильными страданиями»?
2. Из-за чего пороговый уровень бесчеловечного обращения является высоким?
3. Могла ли вообще высылка заявителя причинить ему «сильные страдания»?

С. Альтернатива понятию «ухудшение состояния здоровья, которое приведет к сильным страданиям»: «снижение ожидаемой продолжительности жизни», которое должно быть «существенным»

1. Является ли оправданным критерий «существенное снижение ожидаемой продолжительности жизни»?
2. Могла ли вообще высылка привести к снижению ожидаемой продолжительности жизни заявителя?

Д. Интенционал и экстенционал «бесчеловечного обращения» и принцип эффективности

VII. Почему обязанность воздержаться от высылки должна ограничиваться «совершенно исключительными случаями»? Дискриминация тяжело больных иностранцев

VIII. Если возникают сомнения в том, достигнут ли необходимый высокий пороговый уровень, следует применять максиму *in dubio in favorem pro jure/libertate/persona*

IX. Следовало ли объявить жалобу неприемлемой или ее нужно было рассмотреть по существу?

X. Заключение

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Заявителем по делу является гражданин Турции 1985 года рождения. В 1991 году, когда ему было шесть лет, он вместе с матерью и четырьмя братьями и сестрами переехал из Турции в Данию к своему отцу, который в итоге умер в 2000 году. В связи с совершенным заявителем преступлением было принято решение о его высылке в Турцию, которое было отменено Городским судом, но впоследствии подтверждено Высоким судом 13 января 2015 г.

2. Заявитель страдает параноидной шизофренией – очень тяжелым хроническим заболеванием, признанным на международном уровне,

в том числе Всемирной организацией здравоохранения, а также Европейским Судом. Как пояснил Суд в Постановлении Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства» (Bensaid v. United Kingdom), жалоба № 44599/98, § 7, ECHR 2001-I):

«Шизофрения – это заболевание или группа заболеваний, затрагивающая языковую деятельность, планирование, эмоции, восприятие и двигательную активность. “Позитивные симптомы” часто сопровождаются острыми психотическими приступами (в том числе бредом, галлюцинациями, бессвязным или фрагментарным мышлением и двигательными нарушениями). К “негативным симптомам”, которые связаны с хроническим заболеванием, относятся чувство эмоционального отупения, сложности в общении с другими людьми, отсутствие мотивации, неспособность заботиться о себе и справляться с повседневными задачами».

В Постановлении по настоящему делу тоже отмечается, что шизофрения – это тяжелое психическое заболевание (см. § 141 Постановления). Одним из серьезных последствий шизофрении для заявителя стала высокая вероятность причинения вреда окружающим (см. § 144 Постановления). Заявитель напал на человека в составе группы лиц (см. § 13 Постановления), что привело к сильному травматическому повреждению головного мозга у потерпевшего, в результате которого этот человек умер.

3. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что из-за болезни высылка его в Турцию властями Дании являлась нарушением статьи 3 Конвенции. В частности, он жаловался на то, что в Турции, куда его выслали, у него не было реальной возможности получить надлежащую и необходимую психиатрическую помощь, включающую в себя сопровождение и контроль. Он утверждал, что, по мнению врачей, шизофрения может протекать настолько тяжело, что плохое лечение может вызвать серьезное, стремительное и необратимое ухудшение здоровья пациентов, которое приведет к сильным страданиям или к существенному снижению ожидаемой продолжительности жизни и может представлять угрозу для безопасности самих пациентов и окружающих (см. § 89 Постановления).

4. Я голосовал за пункты 2 и 4 и против пунктов 1, 3 и 5 резолютивной части Постановления. К сожалению, я не согласен со своими уважаемыми коллегами, составляющими большинство судей, в том, что по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции. Я оказался единственным в меньшинстве судей, кто усмотрел в деле нарушение этого положения. Я согласен с тем, что по делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции, но не согласен с Постановлением в том, что это нарушение касается только права заявителя на уважение его личной жизни, а не права на уважение его семейной жизни. Тем не менее в настоящем

отдельном мнении я уделю особое внимание своему несогласию с выводом об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции.

5. Прежде чем объяснить причины своего несогласия с большинством судей по поводу жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции, полезно перечислить и одновременно прокомментировать соответствующие медицинские документы, решения датских судов, а также Постановления Палаты и Большой Палаты Европейского Суда по настоящему делу.

II. КРИТИКА МЕДИЦИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ, РЕШЕНИЙ ДАТСКИХ СУДОВ, А ТАКЖЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПАЛАТЫ И БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ

6. Из показаний медицинских работников, полученных во время разбирательства по вопросу об отмене решения о высылке заявителя, в частности психиатров, которые в разное время были лечащими врачами заявителя в психиатрическом центре больницы Святого Иоанна, следует, что заявитель нуждается в специфическом и комплексном лечении и что такое лечение должно осуществляться специалистами (см. показания М.Н.М. и Р.Л., о которых говорится в §§ 36 и 42–45 Постановления соответственно). Такое лечение включает в себя помощь наблюдателя, еженедельные и ежемесячные анализы крови для выявления признаков соматических заболеваний, а также сопровождение заявителя и контроль за ним, обеспечивающие соблюдение плана лечения, чтобы избежать ухудшения его состояния. В отсутствие этих мер шансы заявителя на выздоровление оказались бы невысоки; появилась бы высокая вероятность неэффективности медикаментозного лечения и новых обострений, значительно возросла бы вероятность совершения преступлений против личности из-за обострения у заявителя психотических симптомов и вероятность развития у него иммунодефицита на фоне приема антипсихотического препарата «Лепонекс». Заявитель оспаривал довод властей государства-ответчика, утверждавших, что помощь наблюдателя – это мера социальной поддержки, а не часть лечения. Наблюдатель необходим для обеспечения того, что заявитель будет следовать плану лечения, чтобы не допустить обострений, а значит, предотвратить опасность причинения им вреда самому себе или окружающим, а также для того, чтобы быть в курсе потенциально опасных побочных эффектов лечения (см. § 95 Постановления).

7. Городской суд и Высокий суд пришли к противоположным выводам.

8. Из решения Городского суда от 14 октября 2014 г. становится ясно, что ключевым соображением, из которого он исходил при отмене реше-

ния о высылке, являлось отсутствие заверений властей страны назначения в наличии у заявителя реальной возможности фактически получить соответствующую психиатрическую помощь, включающую в себя необходимое сопровождение и контроль, в связи с интенсивным амбулаторным лечением (надлежащее лечение) в случае его возвращения в Турцию.

9. Однако в постановлении от 13 января 2015 г. Высокий суд, отменив решение Городского суда, принял во внимание тот факт, что заявитель был осведомлен о своей болезни и о важности следовать плану лечения и принимать прописанные ему лекарства, а также информацию, содержащуюся в базе данных MedCOI (*Medical Community of Interest*) и в ответе консультанта от 4 июля 2014 г.

10. Р.Л. отметил, что заявитель был осведомлен о своей болезни и что важно было регулярно его контролировать, чтобы он следовал плану лечения. Высокий суд принял показания Р.Л. во внимание, но не стал их рассматривать и подробно на них останавливаться. Затем Высокий суд подчеркнул характер и степень тяжести совершенного заявителем преступления и не усмотрел в деле обстоятельств, в силу которых его высылка стала бы решительно нецелесообразной.

11. Вопреки позиции Городского суда, Высокий суд проигнорировал или не стал подробно рассматривать отсутствие заверений в наличии у заявителя возможности получать соответствующую психиатрическую помощь, включающую в себя необходимое сопровождение и контроль в связи с интенсивным амбулаторным лечением, вследствие чего помощь, которую он получил бы в стране назначения, станет для него неподходящей. В конечном счете он исходил из информации, содержащейся в базе данных MedCOI, которая не отвечала на этот вопрос, то есть на вопрос о том, сможет ли заявитель пройти надлежащее лечение, включающее в себя помощь наблюдателя, контроль и сопровождение. Высокий суд не в полной мере учел заключения врачей, выразив беспокойство состоянием здоровья заявителя в случае неполучения им в принимающей стране надлежащей медицинской помощи или в обстоятельствах, в силу которых его высылка станет обременительной, в частности при наличии языковых проблем и в связи с тем, что вся его семья живет в Дании, а в Турции о нем некому будет заботиться. Вместо этого Высокий суд сделал акцент на характере и степени тяжести совершенного заявителем преступления.

12. Я полагаю, что власти Дании не выполнили своих обязательств по статье 3 Конвенции, не обеспечив соответствующих процедур, позволяющих рассмотреть опасения заявителя, а также оценить опасности, с которыми он столкнулся бы в случае высылки в страну назначения. Применительно к таким процедурам в Постановлении указыва-

ются четыре таких обязательства органов власти (см. пункты (b)–(e) § 130 Постановления). На мой взгляд, в случае заявителя они выполнены не были. Важнее всего, однако, что власти Дании фактически не рассмотрели опасений заявителя и не оценили опасностей, с которыми он столкнулся бы в случае высылки в Турцию. Заявитель представил медицинские документы, чтобы показать серьезность состояния своего здоровья, изложил свои опасения и рассказал властям Дании об обстоятельствах, в силу которых его высылка стала обременительной и нецелесообразной, но власти не приняли реальных мер, чтобы опровергнуть эти доводы, в частности, не получили заверений от властей Турции.

13. Большая Палата Европейского Суда установила в настоящем деле, что заявитель осведомлен о своей болезни, явно признает необходимость лечения и охотно идет на сотрудничество (см. § 142 Постановления). Она также отметила, что ухудшение состояния заявителя может повлечь за собой «серьезные последствия для него самого и для окружающих» (см. §§ 44 и 142 Постановления), но, тем не менее, не усмотрела в деле убедительных доказательств существования опасности того, что заявитель причинит себе вред (см. § 144 Постановления). Она пришла к выводу об отсутствии реальной или непосредственной угрозы физическому здоровью заявителя из-за приема им «Лепонекса», поскольку с мая 2013 года по 20 мая 2015 г., когда он принимал это лекарство, у него не возникло симптомов ухудшения здоровья (см. § 145 Постановления). При этом она, по моему скромному мнению, проигнорировала содержание лечения заявителя, включающего в себя не только прием лекарств, но и необходимое сопровождение и меры, помогающие снизить влияние этих факторов на его здоровье.

14. Меня не убеждает изложенная в Постановлении позиция, основанная на тех же принципах, что и решение Высокого суда, согласно которой высылка заявителя не будет решительно нецелесообразна, так как он осведомлен о своей болезни и должен принимать прописанные ему лекарства. Для меня важнее то, что, как подчеркивается в заключениях врачей, отсутствие регулярных посещений наблюдателя, сопровождения и контроля может привести к ухудшению состояния заявителя.

15. На мой взгляд, Палата Европейского Суда правильно пришла в настоящем деле к выводу, что высылка заявителя нарушала статью 3 Конвенции, отметив, что, хотя в Турции и продается нужное лекарство, непонятно, будет ли у заявителя в случае возвращения в Турцию реальная возможность получить соответствующую психиатрическую помощь, включающую в себя необходимое сопровождение и контроль, в связи с интенсивным амбулаторным лечением. Соответственно, Палата Суда правильно указала на серьезные сомнения в том, что заявителю будет обеспечена соответствующая

медицинская помощь, так как от властей страны назначения не было получено необходимых заверений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Савран против Дании» (Savran v. Denmark) от 1 октября 2019 г., жалоба № 57467/15, §§ 65–67).

III. ЭФФЕКТИВНОЕ И НЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

16. Из §§ 140–148 Постановления (подраздел «Применение соответствующих принципов в настоящем деле») мне понятно, что Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции, следуя при этом, как я, при всем уважении, должен отметить, слишком ограничительному толкованию и применению статьи 3 Конвенции и обстоятельств дела. Однако такое толкование не делает право, предусмотренное статьей 3 Конвенции, практически ориентированным и эффективным. Согласно одному прозорливому замечанию, «принцип эффективности по самому своему характеру противоречит понятию ограничительного толкования международных договоров, которое не является частью международного права» (см. книгу: Alexander Orakhelashvili. *The Interpretation of Acts and Rules in Public International Law*. Oxford, 2008, репринт 2013 года, с. 414; см. также статью: Hersch Lauterpacht. “Restrictive Interpretation and the Principle of Effectiveness in the Interpretation of Treaties” // *British Yearbook of International Law (BYBIL)* (1949 год), XXVI, 48, с. 67–69). На мой взгляд, ограничительное толкование не совместимо с принципом эффективности не только как с методом толкования, но и как с международно-правовой нормой, которая присуща положениям Конвенции, гарантирующим права человека. Принцип эффективности как международно-правовая норма в статье 3 Конвенции требует, чтобы право не подвергаться бесчеловечному обращению, закрепленное в статье 3 Конвенции, было эффективным и воспринималось как таковое. С другой стороны, принцип эффективности как метод толкования помогает достичь этой эффективности положений статьи 3 Конвенции, не допуская ограничительного ее толкования, в результате которого соответствующее право перестает быть практически ориентированным и эффективным. Я бы назвал эту защитную функцию принципа эффективности «иммунной системой» Конвенции, позволяющей оградить ее от влияния всего, что ей противоречит.

IV. БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ КАК ОСНОВА ЖАЛОБЫ ЗАЯВИТЕЛЯ

17. Действительно, в своих представлениях заявитель не указал, какое именно из трех его прав, гарантируемых статьей 3 Конвенции, было нару-

шено в настоящем деле – право не подвергаться пыткам, право не подвергаться бесчеловечному обращению или право не быть униженным. Однако исходя из того, как заявитель сформулировал свою жалобу в Европейский Суд и как она была рассмотрена в Постановлении, по-видимому, можно сделать вывод, что центральное место в этой жалобе занимает предполагаемое нарушение права не подвергаться бесчеловечному обращению. Поэтому в своем отдельном мнении я тоже буду рассматривать жалобу с этих позиций.

V. ХАРАКТЕР ДЕЙСТВИЙ, ЗАПРЕЩЕННЫХ СТАТЬЕЙ 3 КОНВЕНЦИИ

18. Если государство-участник (в данном случае Дания) принимает решение о высылке иностранца в другую страну (в данном случае в Турцию) в ситуации, когда состояние его здоровья может серьезно ухудшиться и может возникнуть вопрос о бесчеловечном обращении, это государство обязано отказаться от высылки. Если государство все-таки высылает иностранца (в данном случае заявителя), то высылка представляет собой неисполнение негативного обязательства (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 41738/10; см. также книгу: Natasa Mavronicola. *Torture, Inhumanity and Degradation under Article 3 of the ECHR – Absolute Rights and Absolute Wrongs*. Hart, Oxford/London/New York/New Delhi/Sydney, 2021, с. 178–179). В таких случаях действие, запрещенное статьей 3 Конвенции (неправомерное действие), будет выражаться в высылке иностранца, при осуществлении которой власти государства-участника безразлично относятся к тому, что в стране, куда его высылают, заявитель из-за состояния своего здоровья может подвергнуться бесчеловечному обращению, или даже знают об этом (*ibid.*). На мой взгляд, именно в такой ситуации и оказался заявитель в настоящем деле.

VI. АНАЛИЗ И КРИТИКА КРИТЕРИЯ, ПРИМЕНЕННОГО В ДЕЛЕ «ПАПОШВИЛИ ПРОТИВ БЕЛЬГИИ» И В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

19. Настоящее Постановление следует критерию, касающемуся обязанности воздержаться от высылки, который был сформулирован в деле «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium): нужно, чтобы высылка заявителя в страну назначения вызвала *«серьезное, стремительное и необратимое ухудшение состояния его здоровья, которое приведет к сильным страданиям или к существенному снижению ожидаемой продолжительности жизни»* (курсив и подчеркивание мои) (см. §§ 134–143 Постановления по настоящему делу и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили

против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), § 183). Это сложный по составу критерий, включающий в себя множество вспомогательных элементов. Основными его составляющими являются подчеркнутые мною аспекты: «ухудшение», «страдания» и «снижение ожидаемой продолжительности жизни». Первые три слова, выделенные курсивом («серьезное», «стремительное» и «необратимое»), весьма ограничительно характеризуют «ухудшение» состояния здоровья. Еще два прилагательных, выделенные курсивом («сильные» и «существенное»), характеризуют «страдания» и «снижение ожидаемой продолжительности жизни» соответственно тоже весьма ограничительно.

20. Я рассмотрю каждый из этих аспектов с сопровождающими его прилагательными по отдельности, чтобы показать, что сложный по составу критерий, предложенный в деле «Папошвили против Бельгии» и в настоящем деле, и связанные с ним вспомогательные элементы могут привести к абсолютному ограничению, сводящему на нет абсолютное право. Однако это не тождественно утверждению о том, что порог применимости статьи 3 Конвенции должен быть высоким.

А. Аспект, связанный с «ухудшением» состояния здоровья и имеющий три характеристики: «серьезное», «стремительное» и «необратимое»

1. Должно ли «ухудшение» состояния здоровья заявителя в связи с его высылкой быть «стремительным» и «необратимым»?

21. В упомянутом выше деле «Папошвили против Бельгии» и в настоящем деле Европейский Суд пришел к выводу, что «ухудшение» состояния здоровья должно быть «серьезным», «стремительным» и «необратимым» одновременно. В моем понимании эти три слова выступают в Постановлении в качестве вспомогательных элементов права не подвергаться бесчеловечному обращению, предусмотренного статьей 3 Конвенции. Мне кажется, что императивное требование, вытекающее из этих характеристик, задает непомерно высокую, даже недостижимую планку, которая превышает высокий порог применимости статьи 3 Конвенции в делах об обязанности воздержаться от высылки по любым основаниям, кроме медицинских. Я мог бы согласиться с характеристикой «серьезное», но не с остальными двумя характеристиками («стремительное» и «необратимое»). Эти две последние характеристики являются чересчур ограничительными и не совместимы с абсолютным характером права, предусмотренного статьей 3 Конвенции. Более того, их отсутствие само по себе не уменьшает серьезности «серьезного» ухудшения состояния здоровья, вызванного шизофренией. Далее, требо-

вание «необратимости» «ухудшения состояния здоровья» из-за шизофрении не совместимо с характером этого заболевания, течение которого характеризуется разнонаправленной динамикой и тем, что успех любой попытки стабилизировать состояние пациента зависит от регулярного контроля за ним. Однако ни Высокий суд, ни Европейский Суд, при всем уважении к ним, не обсудили должным образом вопрос о регулярном контроле в настоящем деле.

2. Могла ли вообще высылка заявителя привести к «серьезному», «стремительному» и «необратимому» ухудшению состояния его здоровья?

22. Даже если предположить, что для применения статьи 3 Конвенции в настоящем деле «ухудшение» состояния здоровья заявителя должно соответствовать всем трем характеристикам, я полагаю, что все эти три условия могли выполняться в настоящем деле, с учетом вывода о том, что в провинции Конья (Турция) обеспечить заявителю необходимое сопровождение и контроль были невозможны. В связи с этим следует отметить, что в провинции Конья есть только одна государственная больница общего профиля, которая не является специализированной психиатрической клиникой (см. § 71 Постановления). Далее, если говорить в более общем плане, согласно Атласу психического здоровья Всемирной организации здравоохранения 2017 года, в Турции самый небольшой процент психиатров среди государств – членов этой организации, точнее, на 100 000 жителей приходится 1,64 психиатра (см. § 93 Постановления). Исходя из сказанного выше, заявителю, вероятно, не будет обеспечен в Турции надлежащий контроль, а с учетом его истории болезни такой контроль является важным элементом состояния его здоровья. Таким образом, первое требование к ухудшению состояния здоровья («серьезное») выполняется.

23. Далее, говоря о втором требовании (согласно которому ухудшение состояния здоровья должно быть «стремительным»), нужно отметить, что высылка заявителя могла также привести к стремительному ухудшению состояния его здоровья, поскольку в деревне, в которой он, скорее всего, поселился бы, он оказался бы совершенно один, и рядом с ним не было бы никого из его близких родственников (см. § 70 Постановления). По всей вероятности, это вызвало бы у него депрессию и ускорило бы появление симптомов шизофрении.

24. Наконец, третье требование (согласно которому ухудшение состояния здоровья должно быть «необратимым») тоже могло быть выполнено, поскольку без должного контроля, с учетом того, что заявитель уже принимал «Лепонекс», у него мог развиться иммунодефицит – один из самых серьезных побочных эффектов этого лекарства.

В. Элемент «страданий», которые должны быть «сильными»

1. Обязательно ли «бесчеловечное обращение» должно сопровождаться «сильными страданиями»?

25. Вопреки тому, что сказано в Постановлении, я, при всем уважении, утверждаю, что сильные страдания не должны быть элементом или составляющей права не подвергаться бесчеловечному обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции, по следующим основным причинам:

(а) Выражение «сильные страдания» нигде в статье 3 Конвенции не употребляется в виде термина.

(б) «Бесчеловечное обращение» буквально означает «действия, поведение и т.д.: зверское, дикое, варварское, жестокое» (см. словарь: James A.H. Murray, Henry Bradley, W.A. Craigie, C.T. Onions и R.W. Burchfield (ред.). The Oxford English Dictionary, 2-е издание, Clarendon Press, Oxford, 1989, том VII, с. 973, словарная статья «бесчеловечный»). В этом определении не упоминаются «сильные страдания», однако «страдания» включаются в понятие «жестокое обращение», которое означает причинение кому-либо страданий или боли в отсутствие проявлений таких человеческих качеств, как сострадание или жалость, вне зависимости от того, чем вызвано такое отсутствие проявлений человеческих качеств – удовольствием, которое мучитель получает от страданий другого человека, или безразличием к этим страданиям. Именно такое значение понятия «жестокое обращение» приводится в авторитетных словарях (см., например, определение понятия «жестокий» применительно к людям в словарях: J.A. Simpson и E.S.C. Weiner (ред.). The Oxford English Dictionary, 2-е издание, Clarendon Press, Oxford, 1989, том IV, р. 78, а также C. Soanes и A. Stevenson (ред.). Concise Oxford English Dictionary, 11-е издание, Oxford University Press (OUP), Oxford, 2004, р. 344).

(с) В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буйид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), жалоба № 23380/09, § 87, ECHR 2015, Европейский Суд уточнил, что «ненадлежащее обращение, достигающее минимального уровня жестокости, как правило, связано с причинением фактических телесных повреждений либо сильных физических или психических страданий» (курсив мой). Термин «ненадлежащее обращение» охватывает «пытки», «бесчеловечное обращение» и «унижающее достоинство обращение», о которых говорится в статье 3 Конвенции. Выражение «как правило» в приведенной выше цитате показывает, что, с точки зрения Суда, «сильные страдания» не являются обязательным элементом всех трех видов ненадлежащего обращения. Из продолжения приведенного выше высказывания («даже в отсутствие этих аспектов в случаях, когда соответствующее обращение унижает человека или посягает на его

достоинство...») следует, что «страдания» не являются составной частью «унижающего достоинство обращения». Тем не менее «страдания» присущи и «пыткам», и «бесчеловечному обращению», однако «сильными страданиями» характеризуются только «пытки», а не «бесчеловечное обращение».

(d) Добавление уточняющих слов к обычному значению таких конвенционных понятий, как «бесчеловечное обращение» в настоящем деле, и их уточнение путем добавления к их обычному значению дополнительных элементов, несомненно, представляет собой ограничительное толкование положения, которым все-таки гарантирует абсолютное право. Любые уточнения исказили бы его характер и статус абсолютного права. Ограничения, которые несет в себе прилагательное «сильные» применительно к «страданиям», усугубляются, если согласиться с высказанным в Постановлении утверждением, согласно которому ухудшение состояния здоровья, приводящее к страданиям, должно быть «стремительным» и «необратимым».

(e) Задавая такой высокий пороговый уровень интенсивности страданий, мы неизбежно приходим к тому, что любое обращение, не достигающее этого уровня, но причиняющее страдания и в то же время сопровождающееся удовольствием, которое доставляют мучителю эти страдания, или безразличием к ним, автоматически перестанет подпадать под действие статьи 3 Конвенции. Это означало бы, что потерпевший окажется лишен Европейским Судом конвенционной защиты, а мучитель не будет нести ответственности согласно Конвенции. Такие последствия могут негативно отразиться на верховенстве права, так как представители государств-участников могли бы воспользоваться ими в своих интересах и причинять людям страдания определенной интенсивности, не нарушая при этом своего негативного обязательства по статье 3 Конвенции. С другой стороны, если жалоба касается «унижающего достоинства обращения», «жестокость обращения относится к его характеру, а не просто к его последствиям» (см. книгу: Natasa Mavronicola, *op. cit.*, с. 92). В упомянутом выше деле «Буйид против Бельгии» сотрудник полиции всего один раз ударил заявителя по лицу, так что страдания не были ни сильными, ни длительными, и тем не менее Большая Палата Суда сочла это «унижающим достоинство обращением». «Дело “Буйид против Бельгии” потенциально показывает, что “жестокость” не является прямым следствием степени причиненного вреда или страданий, а связана, скорее, с характером обращения, о котором идет речь» (*ibid.*). Сравнительный анализ понятий «бесчеловечное обращение» и «унижающее достоинство обращение» приводится здесь просто для того, чтобы показать непоследовательность порогового уровня жестокости. Жестокость «бесчеловечного обращения», как и жестокость «уни-

жающего достоинство обращения», связана еще и с характером соответствующего обращения, которое обычно, как в настоящем деле, предполагает безразличие к страданиям, причиняемым бесчеловечным обращением. Поэтому требование о том, чтобы страдания, которыми сопровождается «бесчеловечное обращение», были «сильными», являлось бы чересчур ограничительным, а значит, выходило бы за рамки статьи 3 Конвенции.

(f) В Постановлении по настоящему делу выражение «сильные страдания» заимствовано из дела «Папошвили против Бельгии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*), § 183), и ему придается такое чрезвычайно важное значение, как если бы речь шла о термине из Конвенции, которому требуется дать толкование. В то же время Европейский Суд не учел того, что эта цитата взята из раздела Постановления по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) под заголовком «Общие принципы». В том Постановлении Суд просто осуществлял свои дискреционные полномочия, приведя между прочим (*obiter*) несколько примеров «иных совершенно исключительных обстоятельств», но, конечно же, он не стремился дать исчерпывающий перечень всех видов ненадлежащего обращения. Приводя эти примеры, Суд исходил из фактов рассматриваемого им дела, в котором заявитель страдал хроническим лимфоцитарным лейкозом – заболеванием, которое, несомненно, причиняет сильные страдания. Поэтому Суд не стал приходить к выводу, что сильные страдания являются обязательным элементом всех видов ненадлежащего обращения, подпадающих под действие статьи 3 Конвенции. В настоящем деле Суд должен был заимствовать из дела «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) содержащиеся там рассуждения. В этом деле Суд решил, что возвращение заявителя в Грузию приведет к нарушению статьи 3 Конвенции (*ibid.*, § 206). Он это сделал потому, что «органы власти государства-ответчика не произвели оценки угрожающей заявителю опасности с учетом информации о состоянии его здоровья и о наличии в Грузии надлежащего лечения, а значит, имеющейся у этих органов власти информации недостаточно для вывода о том, что в случае возвращения в Грузию заявителю будет угрожать реальная и конкретная опасность подвергнуться обращению, нарушающему статью 3 Конвенции» (*ibid.*, §§ 205 и 183). В настоящем деле заявитель жаловался в Европейский Суд, в частности, на то, что власти государства-ответчика не произвели оценки опасности подвергнуться ненадлежащему обращению в случае, если ему придется вернуться в принимающую страну, однако Европейский Суд вообще не стал рассматривать этот довод, несмотря на то что он, как пояснялось выше, стал единственной причиной, по которой Суд устано-

вил нарушение Конвенции в деле «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium). В настоящем деле Суд не объяснил, почему он не стал следовать рассуждениям по этому вопросу, содержащимся в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), которые являлись в том деле *ratio decidendi*. При всем должном уважении, подход, принятый в Постановлении, в отличие от подхода, изложенного в настоящем отдельном мнении, не учитывает статьи 19 Конвенции, согласно которой Суд должен обеспечивать «соблюдение обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами».

2. Из-за чего пороговый уровень бесчеловечного обращения является высоким?

26. По моему скромному мнению, пороговый уровень «бесчеловечного обращения», согласно статье 3 Конвенции, является высоким не из-за интенсивности страданий, а из-за сочетания страданий (необязательно «сильных») и безразличного отношения к ним органов власти.

3. Могла ли вообще высылка заявителя причинить ему «сильные страдания»?

27. Даже если предположить, что бесчеловечное обращение обязательно должно сопровождаться «сильными страданиями», я предположил бы, что решение о высылке заявителя в Турцию могло причинить ему такие страдания. Из определения, данного в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства» (Bensaid v. United Kingdom), которое цитировалось в пункте 2 настоящего отдельного мнения), понятно, что симптомами параноидной шизофрении являются расстройства языковой деятельности, планирования, эмоций, восприятия и двигательной активности, острые психотические приступы, в том числе бред, галлюцинации, бессвязное или фрагментарное мышление и двигательные нарушения, чувство эмоционального оупения, сложности в общении с другими людьми, отсутствие мотивации, неспособность заботиться о себе и справляться с повседневными задачами.

28. Вообще говоря, эти симптомы в объективном и субъективном плане могли причинить заявителю сильные страдания в результате высылки и отсутствия постоянного и надлежащего контроля. Об этом говорил и заявитель (см. § 89 Постановления). Фактические обстоятельства дела указывают на высокую вероятность того, что заявитель мог причинить вред окружающим. С моей точки зрения, различие между причинением вреда другим лицам и причинением вреда самому себе является искусственным и поверхностным.

Ключевое значение должна иметь серьезность заболевания, которое, помимо прочих симптомов, может привести к опасным или катастрофическим последствиям независимо от того, кто от них пострадает. Кроме того, если заявитель причинит вред другому человеку, утратив контроль над своими действиями, как можно быть уверенным в том, что, обретя такой контроль, он не испытает сильных страданий в связи с содеянным? Как утверждает заявитель, он сожалеет о том, что причинил вред другим людям (см. § 40 Постановления), а это само по себе может причинить определенные страдания.

29. Таким образом, по моему скромному мнению, в случае высылки заявителя в Турцию выполнялись бы и объективные, и субъективные требования к страданиям, если принять во внимание характер болезни заявителя и то, что власти Дании не произвели оценки возможных изменений его состояния в случае, если в Турции он останется без необходимого сопровождения и контроля. В связи с этим уместно отметить, что, согласно отчетам Иммиграционной службы Дании, заявитель не поддерживает связей с Турцией, например контактов с лицами, живущими в этой стране, не говорит по-турецки и только чуть-чуть говорит по-курдски (см. § 15 Постановления). Отчет полиции, представленный властями государства-ответчика, тоже показывает, что заявитель сейчас живет в небольшой деревне с населением 1 900 человек, расположенной в 140 км от г. Конья (см. § 70 Постановления). Указанные выше обстоятельства привели к тому, что заявитель ведет очень уединенный образ жизни. Даже Городской суд в своих рассуждениях счел необходимым сослаться на утверждения заявителя о том, что в Турции у него нет семьи и социальных связей, что деревня, в которой он жил со своей семьей в детстве, расположена в 100 км от ближайшего города (г. Конья) и, соответственно, далеко от места, где он мог бы получать психиатрическую помощь, и что он только чуть-чуть понимает по-турецки, так как говорит по-курдски.

30. В пункте 2 резолютивной части Постановления делается вывод о том, что по делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции, и я с этим выводом согласен. Однако в основной части Постановления (см. §§ 178 и 198) Европейский Суд, рассматривая вопрос о нарушении этой статьи Конвенции, ограничил круг обсуждаемых вопросов правом заявителя на уважение его личной жизни. При этом Суд, на мой взгляд ошибочно, исключил оттуда право заявителя на уважение его семейной жизни. В параграфе 191 Постановления верно отмечается, что заявитель находится в более уязвимом положении по сравнению с обычным «осевшим мигрантом», которому угрожает высылка, и что при установлении равновесия между различными интересами требовалось, наряду с прочими факторами, принимать

во внимание состояние его здоровья. Кроме того, в других пунктах Постановления (см. §§ 195–196 и 201) справедливо отмечается, что власти Дании не приняли должным образом во внимание интересы, о которых идет речь в деле, то есть состояние здоровья заявителя и интерес общества, связанный с «характером и степенью тяжести» совершенного им преступления, и не установили надлежащего равновесия между этими интересами. Поэтому Европейский Суд и пришел к выводу о нарушении статьи 8 Конвенции. Этот вывод, в основе которого лежит отсутствие надлежащего рассмотрения вопроса о соразмерности в контексте жалобы на нарушение статьи 8 Конвенции, не должен отличаться от вывода, к которому следовало бы прийти при рассмотрении жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции. Не установив равновесия между состоянием здоровья заявителя и интересом общества в его праве на уважение его личной жизни, предусмотренном статьей 8 Конвенции, власти государства-ответчика следовали тому же поверхностному подходу, как и при оценке опасности того, что в отсутствие заверений властей принимающей страны заявитель в результате высылки подвергнется бесчеловечному обращению, не проведя должной оценки этой опасности на основании требуемого порога применимости статьи 3 Конвенции. Если бы Суд констатировал нарушение права заявителя на уважение его семейной жизни, этот довод стал бы еще более убедительным, поскольку, оказавшись заявитель в Турции без семьи, его страдания усугубились бы из-за уединенности его образа жизни и состояния его здоровья.

С. Альтернатива понятию «ухудшение состояния здоровья, которое приведет к сильным страданиям»: «снижение ожидаемой продолжительности жизни», которое должно быть «существенным»

1. Является ли оправданным критерий «существенное снижение ожидаемой продолжительности жизни»?

31. Выражение «снижение ожидаемой продолжительности жизни» используется как в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium) (§ 183) (см. союз «или»), так и в настоящем Постановлении (см. конструкцию «не говоря уже о» в § 143 Постановления) в качестве альтернативы критерию «серьезное, стремительное и необратимое ухудшения состояния здоровья, которое приведет к сильным страданиям». На мой взгляд, такой критерий, как «снижение ожидаемой продолжительности жизни», которое должно быть «существенным», вообще нельзя назвать обоснованным. Он тоже является чересчур ограничительным

и не совместим со сферой применения статьи 3 Конвенции и с характером абсолютного права.

2. Могла ли вообще высылка привести к снижению ожидаемой продолжительности жизни заявителя?

32. Как утверждает в § 144 Постановления, в отличие от Постановлений по двум другим делам (упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства» (Bensaid v. United Kingdom) и Постановления Европейского Суда по делу «Татар против Швейцарии» (Tatar v. Switzerland) от 14 апреля 2015 г., жалоба № 65692/12), в отсутствие убедительных доказательств в настоящем деле не усматривается, что когда-либо существовала опасность причинения заявителем вреда самому себе. Этот тезис не только не учитывает утверждения заявителя о том, что такая опасность существует (см. § 95 Постановления), но и не принимает в расчет, что в двух других делах, от которых отступило Постановление по настоящему делу, тоже, по-видимому, отсутствовали доказательства того, что заявители пытались совершить самоубийство, не считая заключения эксперта о том, что ввиду состояния своего здоровья заявители могут предпринять попытку лишить себя жизни.

33. Даже в отсутствие четких указаний на то, что заявитель может совершить самоубийство, существование такой опасности в его случае нельзя исключать, учитывая серьезность его болезни, его личные обстоятельства, его одинокий и уединенный образ жизни в сочетании с приемом «Лепонекса», вероятностью развития у него иммунодефицита и тем, что он уже совершил нападение на человека при серьезныхотягчающих обстоятельствах.

34. Эту вероятность того, что заявитель совершит самоубийство, можно подтвердить статистическими данными. В докладе Всемирной организации здравоохранения (см.: Angelo Barbato. Schizophrenia and Public Health. World Health Organization, Geneva, 1998, https://www.who.int/mental_health/media/en/55.pdf?ua=1, с. 12), в котором рассматриваются последствия шизофрении, и в частности смертность, сказано следующее:

«4.1. Смертность

Хотя сама по себе шизофрения и не является смертельной болезнью, показатели смертности среди людей, страдающих шизофренией, как минимум вдвое превышают соответствующие показатели среди населения в целом. В прошлом повышенная смертность была связана с плохими условиями длительного содержания в специализированных учреждениях, которое способствует распространению туберкулеза и других инфекционных заболеваний (Allebeck, 1989 год). Это по-прежнему может быть серьезной проблемой там, где большое количество пациентов много

времени проводит в переполненных учреждениях интернатного типа.

Однако недавно проведенные исследования показали, что у людей, страдающих шизофренией, которые живут в обществе, главной причиной смерти является суицид и другие несчастные случаи, причем ситуация одинакова и в развивающихся, и в развитых странах (Jablensky и др., 1992 год). В частности, суицид вызывает все большее беспокойство, так как риск самоубийства на протяжении всей жизни при расстройствах шизофренического спектра, по разным оценкам, превышает 10%, то есть примерно в 12 раз больше, чем среди населения в целом (Caldwell и Gottesman, 1990 год). Кроме того, среди людей, страдающих шизофренией, по-видимому, выше процент смертности от сердечно-сосудистых заболеваний (Allebeck, 1989 год). Возможно, это связано с нездоровым образом жизни, с ограниченностью возможностей по получению медицинской помощи или с побочными эффектами антипсихотических препаратов».

D. *Intension* и *extension* «бесчеловечного обращения» и принцип эффективности

35. В настоящем деле по аналогии с тем, как я поступил с термином «принудительный или обязательный труд», употребляющимся в пункте 2 статьи 4 Конвенции, в своем совпадающем мнении, приложенном к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.M. против Хорватии» (S.M. v. Croatia) от 25 июня 2020 г. (жалоба № 60561/14), я при толковании другого положения Конвенции – понятия «бесчеловечное обращение» – хочу прибегнуть к рассмотрению его *intension* (то есть его глубины – характеристик или основных качеств; формы и однородности) и его *extension* (то есть его охвата – конкретных случаев, на которые оно распространяется; различных видов и категорий, которые оно в себя включает), как эти термины используются в логике. Чтобы не повторяться, я отсылаю читателя к литературе по этим двум категориям в логике, приведенной в §§ 14–24 моего отдельного мнения по упомянутому выше делу. Я не согласен с Постановлением по настоящему делу в том, что там берутся самые крайние обстоятельства, касающиеся *экстенционала* термина «бесчеловечное обращение», и исходя из этого предпринимается попытка определить *intension* этого термина. Такой методологический подход имеет серьезные недостатки: он совершенно не делает различий между *экстенционалом* и *intension* термина «бесчеловечное обращение», а это неправильно; он не принимает во внимание того, что отношения между этими двумя категориями характеризуются обратно пропорциональной зависимостью. Другими словами, когда *extension* уменьшается, *intension* увеличивается, и наоборот (см. § 20 упомянутого выше совпадающего мнения (*ibid.*)).

36. Принцип эффективности как метод толкования и как международно-правовая норма, при-

сущая соответствующему положению Конвенции, приводит к тому, что содержание конвенционного термина расширяется, будучи, конечно, ограничено текстом и объектом этого положения Конвенции. При этом, на мой взгляд, он требует сделать *intension* этого термина как можно уже, а его *extension* – как можно шире. Чтобы этого добиться, нужно либо сузить его интенционал, либо расширить его экстенционал. И в том и в другом случае результат будет одинаковым – расширится содержание этого термина. Для расширения содержания термина лучше всего сначала сузить его интенционал, исключив из него некоторые характеристики. Это сопряжено с тем, что интенционал связан с объектом Конвенции, который принцип эффективности стремится укрепить прежде всего. В настоящем деле *intension* термина «бесчеловечное обращение» является обращение, причиняющее страдания и характеризующееся жестокостью, а значит, отсутствием проявлений таких человеческих качеств, как сострадание и жалость, тогда как его *extension* заключается в широком многообразии примеров такого обращения, которые считаются бесчеловечными, не ограничиваясь совершенно исключительными проявлениями бесчеловечного обращения. Что сделало большинство судей в Постановлении по настоящему делу? Оно взяло крайние проявления *extension* термина «бесчеловечное обращение» и добавило их к *intension* этого термина в качестве дополнительных характеристик последнего. Это привело к сужению и *intension*, и сферы защиты соответствующего права. При всем должном уважении, такой подход противоречит принципу эффективности, тогда как подход, предложенный выше, расширяет сферу применения этого права и повышает его практическую ориентированность и эффективность.

VII. ПОЧЕМУ ОБЯЗАННОСТЬ ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ВЫСЫЛКИ ДОЛЖНА ОГРАНИЧИВАТЬСЯ «СОВЕРШЕННО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ СЛУЧАЯМИ»? ДИСКРИМИНАЦИЯ ТЯЖЕЛО БОЛЬНЫХ ИНОСТРАНЦЕВ

37. Возникает вопрос, почему пороговый уровень, по достижении которого возникает обязанность воздержаться от высылки тяжело больных иностранцев, должен быть настолько высоким, чтобы ограничиваться только совершенно исключительными случаями.

38. До дела «Папошвили против Бельгии» были и другие дела, затрагивающие вопрос об обязанности воздержаться от высылки по медицинским соображениям согласно статье 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «D. против Соединенного Королевства» (D. v. United Kingdom) от 2 мая 1997 г., *Reports of Judgments and*

Decisions 1997-III; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N. против Соединенного Королевства» (N. v. United Kingdom), жалоба № 26565/05, ECHR 2008), в которых Европейский Суд приходил к выводу, что эта обязанность возникает в «совершенно исключительных обстоятельствах» или в случаях, имеющих отношение к гуманитарному праву.

39. В деле «Папошвили против Бельгии» Европейский Суд дал чуть более мягкое толкование, приведя примеры факторов, которые могут дать основания для вывода о наличии «совершенно исключительной ситуации». В деле «Папошвили против Бельгии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), § 183) Суд указал, что реальная опасность причинения сильных страданий или существенного снижения ожидаемой продолжительности жизни в связи с непредоставлением надлежащей медицинской помощи может привести к нарушению статьи 3 Конвенции.

40. Указанную выше прецедентную практику, которая требует, чтобы обязанность воздержаться от высылки возникала только в «совершенно исключительных обстоятельствах», можно, при всем должном уважении, подвергнуть критике по следующим основаниям:

(а) Как и любое другое положение Конвенции, статью 3 Конвенции нужно толковать и применять последовательно, не используя каждый раз двойные стандарты в зависимости от того, идет речь в деле о высылке иностранца, которому в случае высылки угрожает опасность подвергнуться бесчеловечному обращению, или о любых других проявлениях бесчеловечного обращения. В любом случае, такое толкование противоречило бы принципу равенства и запрещения дискриминации, который нашел отражение в слове «никто» в статье 3 Конвенции, а также закреплен в статье 14 Конвенции и в Протоколе № 12 к Конвенции. На мой взгляд, толкование нельзя считать соответствующим принципу эффективности, если оно не соблюдает принципов равенства и запрещения дискриминации. Кроме того, как прозорливо отметила Наташа Маврониола (*op. cit.*, с. 182):

«В пренебрежении интересами “тяжелых иностранцев” есть исключаящая динамика: повышение порогового уровня из-за того, что человек имеет статус “иностранца”, влечет за собой готовность отказать “иностранцам” в определенной степени защиты, предусмотренной статьей 3 Конвенции. Можно считать, что проведение такого различия серьезно искажает и потенциально отчасти сводит на нет защиту указанного права и, соответственно, вступает в противоречие с абсолютным характером данного права».

(б) В этом случае вопрос о том, властями какой страны было причинено бесчеловечное обращение – непосредственно властями страны, где про-

живает заявитель, или властями страны, куда его выслали, – окажется неважен для определения порогового уровня жестокости, необходимого для применения статьи 3 Конвенции. В конце концов, как пояснялось выше, причиной бесчеловечного обращения является сам факт высылки. В связи с этим Европейский Суд в деле «Саади против Италии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (Saadi v. Italy), жалоба № 37201/06, § 138, ECHR 2008) подчеркнул, что он

«не может согласиться с доводом о том... что в контексте статьи 3 Конвенции необходимо различать обращение, причиненное непосредственно властями государства-подписанта, и обращение, которое могли причинить власти какой-то другой страны, и что защиту от этой последней формы жестокого обращения следует соразмерять с интересами общества в целом».

(с) Уровень защиты, которую обеспечивает Конвенция, не меняется в зависимости от источника опасности. Как постановил Европейский Суд в деле «Таракель против Швейцарии» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Таракель против Швейцарии» (Tarakhel v. Switzerland), жалоба № 29217/12, § 104, ECHR 2014):

«Уровень защиты, которую обеспечивает Конвенция, и конвенционные обязательства государства, принимающего решение о высылке человека, никак не меняются в зависимости от источника опасности. Последний не освобождает власти этого государства от необходимости провести тщательную и индивидуализированную оценку ситуации, в которой оказался выслываемый человек, и приостановить исполнение решения о высылке при наличии установленной опасности бесчеловечного или унижающего достоинство обращения».

VIII. ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ СОМНЕНИЯ В ТОМ, ДОСТИГНУТ ЛИ НЕОБХОДИМЫЙ ВЫСОКИЙ ПОРОГОВЫЙ УРОВЕНЬ, СЛЕДУЕТ ПРИМЕНЯТЬ МАКСИМУ *IN DUBIO IN FAVOREM PRO JURE/LIBERTATE/PERSONA*

41. Я уже отмечал, что в настоящем деле был достигнут высокий порог применимости статьи 3 Конвенции. Однако если допустить, что в этом есть какие-то сомнения, я применил бы юридические максимы *in dubio in favorem pro jure/libertate/persona*¹ и *ut res magis valeat quam pereat*² и пришел бы к такому же выводу, то есть принял бы реше-

¹ *In dubio in favorem pro jure/libertate/persona* (лат.) – все сомнения должны трактоваться в интересах права/свободы/человека (примеч. редактора).

² *Ut res magis valeat quam pereat* (лат.) – дословно: так, чтобы дело могло процветать, а не погибнуть. Принцип, согласно которому необходимо стремиться к эффективному, практически ориентированному результату (примеч. редактора).

ние в интересах права. Эти юридические максимы являются аспектами (функциями) принципа эффективности, о котором я уже говорил выше. Этот принцип требует, чтобы соответствующее право толковалось и применялось широко, практически ориентированно и эффективно, а не теоретически, иллюзорно, ограничительно или формалистически. В связи с этим Р. Филлимор утверждал, что «[в] случаях, когда одно и то же положение или фраза имеет два значения, следует использовать то из них, которое лучше всего способствует реализации цели и объекта Конвенции» (см. книгу: Robert Phillimore. *Commentaries upon International Law*. Philadelphia, 1855, том II, с. 77). Аналогичным образом, сэр Герш Лаутерпахт, говоря о практике Международного суда ООН, уместно отметил, что «преобладающая практика самого Суда... опирается на принципы толкования, которые делают международный договор эффективным, а не лишают его эффективности» (см. книгу: Sir Hersch Lauterpacht. *The Development of International Law by the International Court*. London, 1958, с. 305).

42. В этом аспекте принцип эффективности должен использоваться в каждом деле вне зависимости от того, о каком положении Конвенции идет речь, и вне зависимости от того, насколько высоким является порог применимости соответствующего положения. Он используется на всех ступенях достижения соответствующего порогового уровня жестокости.

IX. СЛЕДОВАЛО ЛИ ОБЪЯВИТЬ ЖАЛОБУ НЕПРИЕМЛЕМОЙ ИЛИ ЕЕ НУЖНО БЫЛО РАССМОТРЕТЬ ПО СУЩЕСТВУ?

43. Поскольку в Постановлении был сделан вывод о том, что порог применимости статьи 3 Конвенции не достигнут, Европейский Суд должен был признать жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу, в частности, по соображениям *ratione materiae*, а не делать вывод об отсутствии нарушения Конвенции. На мой взгляд, статья 3 Конвенции применима и была нарушена.

X. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

44. Подводя итог, я полагаю, что по делу было допущено не только нарушение статьи 8 Конвенции (в отношении как права на уважение личной жизни, так и права на уважение семейной жизни), но и нарушение статьи 3 Конвенции.

45. Придя к выводу о том, что по делу было допущено нарушение и статьи 3 Конвенции, и статьи 8 Конвенции, я присудил бы заявителю некую сумму в качестве компенсации морального вреда в порядке справедливой компенсации согласно статье 41 Конвенции. Однако, поскольку я остался в меньшинстве, мне необязательно определять размер компенсации этого вреда. Я, при

всем уважении, не согласен с большинством судей в том, что вывод о нарушении статьи 8 Конвенции является достаточной справедливой компенсацией любого морального вреда, который мог быть причинен заявителю. Статью 41 Конвенции, касающуюся «справедливой компенсации», с учетом ее формулировки нельзя толковать в том смысле, что «вывод о нарушении положения Конвенции» может сам по себе являться достаточной «справедливой компенсацией потерпевшей стороне», поскольку такой вывод является предварительным условием для присуждения компенсации, и недопустимо считать, что между этими элементами нет никаких различий. Если не присудить заявителю компенсации морального вреда, причиненного нарушением его прав, которые предусмотрены статьей 8 Конвенции и статьей 3 Конвенции, защита указанных прав станет, на мой взгляд, иллюзорной и фиктивной. Это вступит в противоречие с прецедентной практикой Европейского Суда, согласно которой защита прав человека должна быть практически ориентированной и эффективной, а не теоретической и иллюзорной.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ Й.Ф. КЬЕЛЬБРО, Д. ДЕДОВА, Б. ЛУБАРДЫ, А. АРУТЮНЯНА, Г. КУЧКО-ШТАДЛЬМАЙЕР, А. ПОЛАЧКОВОЙ

1. В настоящем деле мы голосовали за вывод об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции, полностью поддержав ход рассуждений Европейского Суда и выводы, к которым он пришел в этой части своего Постановления. Однако, к сожалению, по причинам, которые поясняются ниже, мы не можем согласиться с мнением своих коллег о том, что по делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

Высылка больных иностранцев с точки зрения статьи 3 Конвенции

2. Мы приветствуем Постановление Европейского Суда в этой части. Мы считаем важным, что Большая Палата Суда подтвердила прецедентную практику Суда по вопросу о высылке больных иностранцев, которая разъясняется в ее важнейшем Постановлении по делу «Папошвили против Бельгии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 41738/10), принятом единогласно.

3. В настоящем деле Палата Европейского Суда не применила важные «пороговые критерии», сформулированные в деле «Папошвили против Бельгии» (*ibid.*, § 183; см. § 140 Постановления), и даже не стала с ними связываться. Действительно, она придала ключевое значение тому, что возвращение

в Турцию причинит заявителю «дополнительные лишения», и постановила, что власти Дании должны были убедиться в том, что по его возвращении ему будут обеспечены «регулярные посещения лично-го наблюдателя... удовлетворяющие потребностям заявителя» (см. §§ 63 и 64 Постановления Палаты Суда по настоящему делу). При этом не учитывалось, что заявитель не подвергался непосредственной смертельной опасности и что в Турции имелось и было ему доступно необходимое ему лечение, в том числе лекарства и психиатрическая помощь.

4. В целом важно, что Европейский Суд не отступает от прецедентов, установленных его предыдущими постановлениями, без уважительных причин (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чапмен против Соединенного Королевства» (Chapman v. United Kingdom), жалоба № 27238/95, § 70, ECHR 2001-I), и если Суд действительно принимает решение отступить от какого-то прецедента, то такое решение должно быть понятным и предсказуемым.

5. В настоящем Постановлении Европейский Суд подтвердил свою прецедентную практику по вопросам высылки с территории государства больных иностранцев (см. §§ 124–132 Постановления), подтвердив, что установленные критерии в равной мере применяются и к психическим заболеваниям (см. §§ 137–139 Постановления), и подчеркнув тем самым, что соматическая или психическая болезнь может препятствовать высылке иностранца с территории государства-участника лишь в «совершенно исключительных обстоятельствах».

6. Кроме того, Европейский Суд ясно дал понять, что шизофрения, хотя ее и можно назвать тяжелым психическим заболеванием, по общему правилу, не может препятствовать высылке иностранца с территории государства и сама по себе не соответствует критериям, сформулированным в деле «Папошвили против Бельгии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium), § 183; см. § 143 Постановления). Это подтверждается и настоящим делом, в котором в конкретных аспектах положение заявителя не достигло требуемого порогового уровня (см. §§ 144–148 Постановления).

7. Постановление Европейского Суда является важным подтверждением существующей прецедентной практики, и мы полностью поддерживаем ход рассуждений Суда и выводы, к которым он пришел по результатам рассмотрения жалобы заявителя в этой части.

Высылка иностранца, страдающего психическим заболеванием, после вынесения ему обвинительного приговора с точки зрения статьи 8 Конвенции

8. Мы согласны с изложенными в настоящем Постановлении общими принципами (см. §§ 181–

189 Постановления). Однако мы, при всем уважении, не согласны с тем, каким образом Европейский Суд применил эти принципы в конкретных обстоятельствах настоящего дела (см. §§ 190–201 Постановления). Поэтому мы голосовали за вывод об отсутствии нарушения статьи 8 Конвенции.

9. Заявитель является «осевшим мигрантом», а значит, для того чтобы его высылка была оправдана с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции, нужны «очень серьезные причины» (см. § 193 Постановления). На наш взгляд, в настоящем деле такие причины действительно были.

10. Если исходить из существующей прецедентной практики, то ответ на вопрос о том, являлась высылка заявителя нарушением статьи 8 Конвенции или нет, должен быть довольно-таки ясным и прямолинейным. Высылка «осевших мигрантов», не ведущих «семейной жизни», оправдана при условии, что совершенное ими преступление и назначенное им наказание достаточно серьезны, а у иностранца сохранились какие-то связи со своей родной страной, хотя эти связи могут быть значительно слабее его связей со страной пребывания. Данная позиция настолько хорошо подтверждается в прецедентной практике Европейского Суда, что приводить примеры такого рода прецедентов необязательно. Это во всех подробностях показала Большая Палата Суда в делах «Юнер против Нидерландов» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (Üner v. Netherlands), жалоба № 46410/99, ECHR 2006-XII) и «Маслов против Австрии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), жалоба № 1638/03, ECHR 2008).

11. У дел, в которых Европейский Суд констатировал нарушение статьи 8 Конвенции, есть ряд отличительных особенностей, в частности: (i) преступление было менее тяжким или назначенное наказание было менее серьезным (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Мустахим против Бельгии» (Moustaquim v. Belgium) от 18 февраля 1991 г., Series A, № 193 (наказание в виде лишения свободы сроком на два года); Постановление Европейского Суда по делу «Эззуди против Франции» (Ezzouhdi v. France) от 13 февраля 2001 г., жалоба № 47160/99 (наказание в виде лишения свободы сроком на два года); и Постановление Европейского Суда по делу «Эмре против Швейцарии» (Emre v. Switzerland) от 22 мая 2008 г., жалоба № 42034/04 (наказание в виде лишения свободы, общая продолжительность которого составила полтора года)); (ii) имели место совершенно особые обстоятельства (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Насри против Франции» (Nasri v. France) от 13 июля 1995 г., Series A, № 320-B (глухонемой заявитель, полностью зависящий от своих родственников, с которыми он прожил

всю жизнь)); (iii) на момент принятия решения о высылке заявитель еще не достиг совершеннолетия (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Якупович против Австрии» (Jakupovic v. Austria) от 6 февраля 2003 г., жалоба № 36757/97); (iv) на момент совершения преступлений заявитель был несовершеннолетним и они имели менее серьезный характер, типичный для «подростковых шалостей» (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria)) или (v) у заявителя не сохранилось связей с родной страной (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Бусарра против Франции» (Bousarra v. France) от 23 сентября 2010 г., жалоба № 25672/07).

12. Заявитель по настоящему делу является «осевшим мигрантом», не ведущим «семейной жизни» по смыслу прецедентной практики Европейского Суда. Во взрослом возрасте он совершил очень тяжкое преступление – нападение на человека при серьезныхотягчающих обстоятельствах в составе группы лиц, которое привело к смерти потерпевшего. Заявитель прожил в Дании большую часть своей жизни, но не очень хорошо интегрировался в датское общество, сохранив в то же время социальные и культурные связи со своей родной страной. В обычных обстоятельствах, согласно прецедентной практике Суда, этого было бы достаточно для того, чтобы счесть высылку оправданной. В связи с этим мы отсылаем читателя к особому мнению судей Й.Ф. Кьельбро, Ю.А. Моток и С. Муру-Викстрём, приложенному к Постановлению Палаты Суда по настоящему делу.

13. Единственный аспект, из-за которого настоящее дело стало представлять интерес с точки зрения статьи 8 Конвенции, заключается в том, что заявитель страдает психическим заболеванием (параноидной шизофренией) и в силу пункта 2 статьи 16 Уголовного кодекса Дании был освобожден от наказания и направлен в судебно-психиатрическое учреждение.

14. Европейскому Суду уже не в первый раз приходится давать оценку высылке или выдворению иностранца, страдающего соматическим или психическим заболеванием. Такие дела нередко рассматривались с точки зрения статьи 3 Конвенции и статьи 8 Конвенции.

15. Ни в одном из предыдущих постановлений, в которых Европейский Суд констатировал отсутствие нарушения статьи 3 Конвенции или признавал жалобу на нарушение статьи 3 Конвенции явно необоснованной, он не приходил к выводу, что высылка приведет к нарушению статьи 8 Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Аульми против Франции» (Aoulmi v. France), жалоба № 50278/99, ECHR 2006-I (извлечения); Решение Европейского

Суда по делу «Ндангойя против Швеции» (Ndangoya v. Sweden) от 22 июня 2004 г., жалоба № 17868/03; и Постановление Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства» (Bensaid v. United Kingdom), жалоба № 44599/98, ECHR 2001-I). Единственным прецедентом, в котором Суд установил нарушение и статьи 3 Конвенции, и статьи 8 Конвенции, стало дело «Папошвили против Бельгии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (Paposhvili v. Belgium)). Однако в том деле заявитель вел семейную жизнь в Бельгии и находился в состоянии, угрожающем его жизни: он страдал очень тяжелым заболеванием и умер до того, как было опубликовано Постановление по его делу. Другими словами, в настоящем деле Суд впервые пришел к выводу, что высылка иностранца с психическим заболеванием является нарушением статьи 8 Конвенции в связи с вмешательством только в его личную жизнь, хотя высылка не давала оснований предполагать нарушение статьи 3 Конвенции.

16. На наш взгляд, в случаях, когда основным довод против высылки связан с соматической или психической болезнью заявителя, основным положением является и должна оставаться статья 3 Конвенции. В целом статья 8 Конвенции не обеспечивает – и не должна обеспечивать – более эффективной защиты от высылки иностранца с соматическим или психическим заболеванием по сравнению с защитой, которую обеспечивает статья 3 Конвенции. В противном случае возникнет опасность игнорирования и ослабления прецедентной практики Европейского Суда по статье 3 Конвенции, а это поднимает немало сложных и весьма неоднозначных вопросов.

17. В прошлом Европейскому Суду приходилось рассматривать немало жалоб на высылку иностранцев после вынесения им обвинительного приговора, когда одним из аспектов дела были проблемы со здоровьем. Из этих прецедентов следует, что личные обстоятельства заявителя, в том числе наличие у него соматического или психического заболевания, могут быть и будут приняты во внимание при определении соразмерности в контексте статьи 8 Конвенции (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Насри против Франции» (Nasri v. France) (глухонемой заявитель); упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства» (Bensaid v. United Kingdom) (заявитель, страдающий шизофренией); упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Ндангойя против Швеции» (Ndangoya v. Sweden) (ВИЧ-инфицированный заявитель); упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Эмре против Швейцарии» (Emre v. Switzerland) (заявитель с личностными и эмо-

циональными расстройствами); и Постановление Европейского Суда по делу «Хан против Германии» (Khan v. Germany) от 23 апреля 2015 г., жалоба № 38030/12 (заявительница, страдающая психическим заболеванием; постановление Палаты Суда было передано в Большую Палату Суда, однако та не стала рассматривать дело по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хан против Германии» (Khan v. Germany) (по вопросу об исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел) от 21 сентября 2016 г., жалоба № 38030/12¹)).

18. В большинстве дел, касающихся проблем со здоровьем, Европейский Суд не усматривал нарушений статьи 8 Конвенции и считал высылку оправданной, если в конкретном деле соблюдались критерии, сформулированные в деле «Маслов против Австрии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), § 71). Суд не стал констатировать нарушения Конвенции даже в том случае, когда заявительница совершила очень серьезное преступление, но ее не стали привлекать к уголовной ответственности. Соответствующее Постановление Суда не вступило в силу, так как жалоба заявительницы была передана в Большую Палату Суда и впоследствии исключена из списка подлежащих рассмотрению дел (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хан против Германии» (Khan v. Germany) (по вопросу об исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел)).

19. В делах о высылке Европейский Суд лишь в совершенно исключительных обстоятельствах считал проблемы со здоровьем важным фактором и придавал им решающее значение, приходя к выводу о нарушении статьи 8 Конвенции (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Насри против Франции» (Nasri v. France), касающееся семейной жизни заявителя).

20. С учетом представленной выше прецедентной практики Европейского Суда уместно задать вопрос, по каким именно основаниям Суд в настоящем деле пришел к выводу об отсутствии вмешательства в семейную жизнь, притом что он установил нарушение статьи 8 Конвенции, предварительно указав на отсутствие нарушения статьи 3 Конвенции. В последующих пунктах мы кратко объясним, на основании чего Суд констатировал нарушение статьи 8 Конвенции и почему мы дистанцируемся от этих рассуждений, которые, на наш взгляд, являются досадным изменением в прецедентной практике Суда.

Доводы Европейского Суда, на основании которых он установил нарушение статьи 8 Конвенции

21. Европейский Суд привел несколько аргументов, подкрепляющих вывод о нарушении статьи 8 Конвенции, однако не указал, что какой-то из них имеет решающее значение (см. §§ 190–202 Постановления).

22. Во-первых, Европейский Суд упрекнул Высокий суд в том, что тот не произвел тщательной и надлежащей оценки всех относящихся к делу факторов, придя тем самым к выводу, что Высокий суд не установил достаточного равновесия между различными интересами (см. §§ 196 и 199 Постановления).

23. На наш взгляд, этот отзыв об оценке, произведенной датскими судами в деле заявителя, несправедлив. В рамках уголовного разбирательства вопрос о высылке был тщательно проанализирован с учетом критериев, вытекающих из прецедентной практики Европейского Суда (см. §§ 30, 31 и 190 Постановления). По окончании рассмотрения дела было принято окончательное и юридически обязательное решение о высылке. У заявителя была возможность подать в Европейский Суд жалобу на решение о высылке 2009 года, но он этого не сделал, а значит, уголовное разбирательство не входит в круг вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках настоящего дела (см. §§ 171 и 190 Постановления). Однако в своем анализе Европейский Суд сосредоточился на окончательном решении, принятом по итогам разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке, которое закончилось в 2015 году. В рамках этого разбирательства от датских судов не требовалось производить повторную оценку распоряжения о высылке как такового, так как окончательное решение по этому поводу было вынесено Верховным судом Дании в 2009 году. Вопрос, который должны были решить датские суды при рассмотрении ходатайства об отмене распоряжения о высылке согласно статье 50а Закона «Об иностранцах», заключался в том, не стало ли исполнение распоряжения о высылке 2009 года «решительно нецелесообразным» из-за «состояния здоровья» заявителя в 2015 году. Датские суды произвели оценку «состояния здоровья» заявителя на основании актуальных заключений врачей, показаний свидетелей, показаний заявителя и других собранных по делу доказательств, в том числе сведений о наличии и доступности в родной стране заявителя лекарств и медицинской помощи (см. §§ 32–67 Постановления).

24. Очень может быть, что большинство судей не согласно с оценкой, произведенной датскими судами в ходе разбирательства по вопросу об отмене решения о высылке, однако это совсем не то же самое, что критиковать эту оценку в связи с ее неполнотой. В своей критике Европейский Суд

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

подчеркнул ряд аспектов, которым, по его мнению, Высокий суд уделил недостаточно внимания. Нам, однако, эта критика кажется необоснованной, так как она не касается тех вопросов, которые должны были рассмотреть датские суды в ходе разбирательства по вопросу об отмене решения о высылке. Кроме того, в материалах дела нет данных, позволяющих утверждать, что заявитель в ходе этого разбирательства ссылался и опирался на доводы, которые не были бы оценены и рассмотрены датскими судами. Напротив, он впервые затронул вопрос о бессрочном характере запрета на въезд в конце устных слушаний дела в Большой Палате Европейского Суда, отвечая на вопрос судьи.

25. Таким образом, в практическом плане эта часть рассуждений Европейского Суда, по-видимому, сводится к тому, что датские суды, принимая решение по ходатайству об отмене распоряжения о высылке согласно статье 50а Закона «Об иностранцах», возможно, должны были произвести оценку обстоятельств дела, выходящую за рамки вопроса о проблемах со здоровьем и последующих изменений положения заявителя.

26. Во-вторых, Европейский Суд весьма подробно рассмотрел первый критерий, сформулированный в деле «Маслов против Австрии», – «характер и степень тяжести совершенного преступления» (см. §§ 193–196 Постановления). Суд подчеркнул, что на момент совершения преступления заявитель страдал психическим заболеванием (параноидной шизофренией) и что датские суды освободили его от наказания и направили в судебно-психиатрическое учреждение. По мнению Суда, это могло привести к «ограничению значения, которое следует придавать» первому критерию, сформулированному в деле «Маслов против Австрии» (см. § 194 Постановления).

27. В связи с этим мы хотели бы отметить, что предметом настоящей жалобы является не разбирательство по вопросу о высылке заявителя, которое закончилось в 2009 году и в рамках которого датские суды окончательно установили степень тяжести совершенного им преступления с учетом, помимо прочего, его психического заболевания и решение по которому приобрело силу *res judicata*, а разбирательство по вопросу об отмене распоряжения о высылке, которое закончилось в 2015 году (см. §§ 171 и 190 Постановления).

28. Во многих делах Европейский Суд подчеркивал характер и степень тяжести определенных видов преступлений и приходил к выводу, что они могут оправдывать жесткую реакцию. К таким преступлениям относятся, в частности, преступления, связанные с наркотиками, убийства, грабежи, изнасилования, насильственные нападения, применение огнестрельного оружия и терроризм. Кроме того, Суд подчеркивал, что факторами, которые могут оправдывать жесткую реакцию, являются наличие судимостей и суровость наказания.

29. В прежних делах критерий «характер и степень тяжести совершенного преступления» касался главным образом характера преступления, суровости наказания и того, кто преступил закон – несовершеннолетний или взрослый человек. В некоторых случаях Европейский Суд подчеркивал, что совершенные преступления являются «подростковыми шалостями», поскольку они имеют менее тяжкий, преимущественно ненасильственный характер и совершены несовершеннолетним (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), §§ 72 и 77–83). Однако эти критерии исходят из интересов ребенка, включающих в себя особые позитивные обязательства государства по его реинтеграции в общество.

30. В настоящем деле не может быть сомнений в том, что преступление, совершенное заявителем в зрелом возрасте, было по любым меркам очень серьезным (нападение на человека при серьезных отягчающих обстоятельствах в составе группы лиц, которое привело к смерти потерпевшего). Мы не понимаем, почему вопрос об изменении назначенного заявителю наказания должен так сильно влиять на «характер и степень тяжести совершенного преступления». Психическая болезнь обвиняемого не ограничивает права государства принимать меры по предотвращению беспорядков или преступлений.

31. В настоящем деле Европейский Суд впервые пришел к выводу, что освобождение заявителя от наказания с направлением его в судебно-психиатрическое учреждение привело к «ограничению значения, которое следует придавать» «характеру и степени тяжести преступления» при общем уравновешивании интересов (см. § 194 Постановления).

32. Кроме того, отметив, что «первый критерий, сформулированный в деле “Маслов против Австрии”, отсылающий к “характеру и степени тяжести” совершенного заявителем преступления... предполагает, что компетентный суд по уголовным делам [в рамках разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке] определил, указывают действия осевшего мигранта... на необходимую степень его виновности в совершении этого преступления или нет» (*ibid.*), большинство судей добавило в оценку соблюдения первого критерия, сформулированного в деле «Маслов против Австрии», еще один аспект, который имеет субъективный характер. До сих пор при оценке соблюдения первого критерия, сформулированного в деле «Маслов против Австрии» («характера и степени тяжести преступления»), Европейский Суд обращал внимание главным образом на объективные элементы преступлений. В основе этого объективного подхода лежат правомерные цели – категория интересов, которые государство может на законных основаниях защищать согласно пункту 2 статьи 8 Конвенции и которые, по большо-

му счету, охватываются понятием «общественный порядок» в том значении, в котором этот термин используется в цитате из дела «Маслов против Австрии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (Maslov v. Austria), § 68), приведенной в § 181 настоящего Постановления. В этом смысле Суд ясно дал понять, что очень серьезные насильственные преступления могут оправдывать высылку даже тогда, когда они были совершены несовершеннолетними (*ibid.*, § 85). По мнению Суда, *объективная* степень тяжести таких преступлений может быть более важным фактором, чем юный возраст преступника и даже интересы ребенка. Вследствие того, как в настоящем деле был усовершенствован первый критерий, сформулированный в деле «Маслов против Австрии», его нужно будет тщательнее рассматривать как на внутригосударственном, так и на общеевропейском уровне.

33. Добавив этот субъективный элемент, но не объяснив, почему именно его нужно принимать во внимание при наличии других факторов, например смягчающих обстоятельств, большинство судей зашло очень далеко не только потому, что, как отмечалось ранее, определение виновности заявителя в совершении преступления имело место при рассмотрении его уголовного дела, но и потому, что окончательное решение по этому вопросу было принято датскими судами в 2009 году по итогам уголовного разбирательства, которое Европейский Суд в рамках настоящего дела не рассматривал.

34. При этом мы отмечаем, что большинство судей не стало уточнять, в какой мере освобождение заявителя от наказания должно иметь значение при общей оценке соблюдения всех соответствующих критериев. Кроме того, Европейский Суд не указал, что высылка недопустима в случаях, когда обвиняемого освободили от наказания, так как его официально признали в то время не подлежащим ответственности за содеянное. Другими словами, отсутствие виновности в совершении преступления или степень такой виновности – это важный фактор, который нужно принимать во внимание и которому в ходе общего анализа должно придаваться определенное значение.

35. В-третьих, Европейский Суд исходил еще и из неполноты оценки датскими судами соответствующих изменений личных обстоятельств заявителя, в частности его поведения и состояния его здоровья, а также опасности совершения им новых преступлений (см. §§ 190, 197, 198 и 201 Постановления).

36. Мы поражены и удивлены этой критикой. Датские суды произвели тщательную и всестороннюю оценку состояния здоровья заявителя, опираясь на актуальную и полную информацию и доказательства (см. §§ 32–50 Постановления).

37. Далее, в отличие от того, что, по-видимому, хотел сказать Европейский Суд, датские суды произвели оценку опасности совершения заявителем новых преступлений. Заявитель был направлен в судебно-психиатрическое учреждение для «предотвращения новых преступлений» (статья 68 Уголовного кодекса Дании; см. § 75 Постановления), и власти Дании обязаны были обеспечить, чтобы эта мера не «применялась дольше или в большем объеме, чем это необходимо» (статья 72 Уголовного кодекса Дании; см. § 75 Постановления). Таким образом, когда Городской суд в 2014 году решил изменить назначенное заявителю наказание (см. § 57 Постановления), он руководствовался только что упомянутыми положениями закона. Другими словами, опасность совершения новых преступлений входила в круг вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке. Наказание было изменено именно из-за положительных результатов лечения и ухода в период между вынесением окончательного решения по итогам уголовного разбирательства и вынесением решения по вопросу об отмене распоряжения о высылке.

38. Постольку, поскольку рассуждения Европейского Суда по этому вопросу можно понять как указание на то, что опасность совершения новых преступлений имеет важное или решающее значение при оценке соразмерности высылки, мы с этим доводом, при всем уважении к нему, не согласны. Высылка иностранца после вынесения ему обвинительного приговора может производиться в целях «предотвращения преступлений», однако она может также производиться и чаще всего производится в целях «предотвращения беспорядков» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ндиди против Соединенного Королевства» (Ndidi v. United Kingdom) от 14 сентября 2017 г., жалоба № 41215/14, § 74). Другими словами, при условии соблюдения критериев, сформулированных в деле «Маслов против Австрии», в том числе критерия, связанного с «характером и степенью тяжести преступления», высылка человека, совершившего преступление, может быть оправдана несмотря на отсутствие опасности совершения новых преступлений.

39. В-четвертых, большинство судей исходило из длительности пребывания заявителя в Дании и наличия у него связей с этой страной (см. § 198 Постановления).

40. Длительность пребывания заявителя в Дании и наличие у него связей с этой страной явно были приняты во внимание в ходе уголовного разбирательства, которое закончилось в 2009 году. Действительно, длительность его пребывания и прочность его связей не были прямо учтены при рассмотрении вопроса об отмене распоряжения о высылке, которое закончилось в 2015 году, ведь тогда основной вопрос заключался в том, произош-

ли ли в состоянии заявителя какие-либо существенные изменения с тех пор, как в 2009 году было принято решение о его высылке, в частности, изменения в состоянии его здоровья.

41. При этом в 2009–2015 годах в длительности пребывания заявителя в Дании и в прочности его связей с этой страной не произошло каких-либо существенных изменений. Единственное, что изменилось, – это время, прошедшее после того, как по решению суда, принятому в рамках уголовного разбирательства в 2009 году, заявитель был лишен свободы и направлен на лечение (если говорить конкретнее, с этого момента прошло шесть лет). К тому же ни заявитель при рассмотрении его дела датскими органами власти, ни Европейский Суд не утверждали, что в 2009–2015 годах в этих вопросах произошли существенные изменения.

42. Наконец, в-пятых, большинство судей исходили из срока действия запрета на въезд и неполноты оценки срока действия этого запрета (см. §§ 199, 200 и 201 Постановления).

43. Мы не ставим под сомнение важность срока действия запрета на въезд при общей оценке соразмерности высылки (см. § 182 Постановления). В некоторых делах Европейский Суд приходил к выводу о том, что решение о высылке в принципе являлось оправданным, но стало несоразмерным в связи со сроком действия запрета на въезд (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Йилмаз против Германии» (*Yilmaz v. Germany*) от 17 апреля 2003 г., жалоба № 52853/99, §§ 42–49; Постановление Европейского Суда по делу «Радованович против Австрии» (*Radovanovic v. Austria*) от 22 апреля 2004 г., жалоба № 42703/98, §§ 28–38; и Постановление Европейского Суда по делу «Келес против Германии» (*Keles v. Germany*) от 27 октября 2005 г., жалоба № 32231/02, §§ 59–66). В других делах Суд подчеркивал, что решение о высылке являлось несоразмерным вне зависимости от ограниченного срока действия запрета на въезд (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), §§ 98–99).

44. В настоящем деле решение о высылке, принятое в 2009 году, сопровождалось бессрочным запретом на въезд, введенным в соответствии с действовавшим в то время законодательством, согласно которому срок действия запрета на въезд устанавливался Законом «Об иностранцах». Большинство судей подчеркнули, что при рассмотрении вопроса об отмене распоряжений о высылке законодательство Дании не давало судам права пересматривать и ограничивать срок действия введенного запрета на высылку (см. § 200 Постановления). Это представляется неоспоримым, однако стоит отметить, что, согласно статьям 50 или 50а Закона «Об иностранцах», у датских судов при рассмотрении вопроса об отмене

распоряжений о высылке до сих пор нет такого права.

45. В Дании решение о сроке действия запрета на въезд принимается в рамках уголовного разбирательства (статьи 49 и 32 Закона «Об иностранцах»; см. § 76 Постановления). До внесения изменений в Закон «Об иностранцах» в 2018 году у датских судов не было права определять срок действия запрета на въезд по своему усмотрению. В 2018 году в Закон «Об иностранцах» были внесены изменения, дающие датским судам возможность сокращать срок действия запрета на въезд (см. § 78 Постановления). Из переходных положений следует, что Закон 2018 года не применяется в случаях, когда преступление было совершено до вступления нового закона в силу. Однако еще важнее, что изменения, внесенные в статью 32 Закона «Об иностранцах», которые предусматривают, что в некоторых ситуациях допускается сокращение срока действия запрета на въезд, применяются только в рамках уголовного разбирательства, когда от судов требуется принять решение по поводу высылки (статьи 49 и 32 Закона «Об иностранцах»). При рассмотрении вопроса об отмене распоряжения о высылке, будь то согласно статье 50 или статье 50а Закона «Об иностранцах», датские суды в некоторых случаях могут «отменить высылку», однако они явным образом не наделены правом сокращать или уменьшать срок действия запрета на въезд.

Как нужно трактовать Постановление Европейского Суда по настоящему делу и что оно означает на практике?

46. Как отмечалось выше, Европейский Суд привел несколько аргументов, подкрепляющих вывод о нарушении статьи 8 Конвенции, однако не указал, что какой-то из них имеет решающее значение для этого вывода.

47. Важно отметить, что Европейский Суд не установил, что высылка, точнее, отказ отменить распоряжение о высылке сами по себе являются нарушением статьи 8 Конвенции или что бессрочный запрет на въезд сам по себе сделал эту меру несоразмерной. Другими словами, Суд не усмотрел в деле нарушения материально-правовых требований статьи 8 Конвенции.

48. Вместо этого Европейский Суд подчеркнул ряд факторов, которые, по его мнению, не были полностью рассмотрены датскими судами в ходе обсуждения вопроса о соразмерности вмешательства, вызванного отказом отменить распоряжение о высылке, которое привело к введению бессрочного запрета на въезд. Другими словами, вывод о нарушении статьи 8 Конвенции имел процессуальный характер. Соответственно, Суд не стал высказываться по поводу того, какое решение нужно будет вынести по существу

дела заявителя, если тот решит ходатайствовать о возобновлении производства по делу на внутригосударственном уровне после вердикта Европейского Суда.

49. Важно также отметить, что Европейский Суд не указал в настоящем деле на необходимость принять меры индивидуального характера, хотя он и мог это сделать для того, чтобы помочь властям государства-ответчика исполнить Постановление (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Мееми против Франции (№ 2)» (*Meheimi v. France*) (№ 2), жалоба № 53470/99, §§ 46–47, ECHR 2003-IV). Так, Суд не указал на необходимость отменить распоряжение о высылке и обеспечить немедленное возвращение заявителя. Суд не указал, что нужно сократить срок действия запрета на въезд или отменить этот запрет *ex nunc*¹. Суд не указал, что следует возобновить рассмотрение вопроса об отмене распоряжения о высылке. Наоборот, Суд не дал никаких указаний по этим вопросам, предоставив заявителю возможность самому решать, будет ли он ходатайствовать о возобновлении разбирательства по вопросу об отмене распоряжения о высылке, а в случае, если такое ходатайство будет подано, предоставив датским судам возможность самостоятельно принять решение по этому поводу. В конечном счете, согласно пункту 2 статьи 46 Конвенции, меры индивидуального и общего характера, необходимые для того, чтобы исполнить Постановление Суда, должны будут принять власти государства-ответчика под контролем Комитета Министров Совета Европы.

50. Мы считаем, что настоящее Постановление Европейского Суда дало датским судам очень мало указаний на тот случай, если рассмотрение вопроса об отмене распоряжения о высылке будет возобновлено. Возможно, датским судам нужно будет произвести оценку, включающую в себя больше элементов, чем, по-видимому, предполагает формулировка статьи 50а Закона «Об иностранцах» (см. также § 25 настоящего особого мнения). Возможно, они должны будут вынести решение по ходатайству об отмене распоряжения о высылке с учетом всех аспектов, затронутых в рассуждениях Европейского Суда. Однако неясно, какое значение следует придавать различным элементам при проведении повторной оценки. Следовательно,

у заявителя нет гарантий того, что распоряжение о его высылке будет отменено. И даже если власти Дании сочтут необходимым исправить положение заявителя, одним из способов это сделать может стать сокращение срока действия запрета на въезд или его отмена на будущее (*ex tunc*²) при условии, что такой вариант будет допустим с точки зрения законодательства Дании или его толкования. Далее, с момента исполнения решения о высылке в 2015 году прошло уже много времени, а значит, датские суды, исходя из актуальной и всесторонней оценки, не смогут закрыть глаза на то, что с 2015 года заявитель живет в Турции и, надо полагать, укрепил свои связи с этой страной в социальном, культурном и языковом плане. Кроме того, заявителю необязательно разрешат приехать в Данию до тех пор, пока не будет рассмотрено его возможное ходатайство об отмене распоряжения о высылке.

Заключительные замечания

51. На наш взгляд, настоящее Постановление Европейского Суда является досадным изменением его прецедентной практики, поскольку оно усиливает защиту тех, кто совершил очень серьезные преступления, и делает акцент на смягчении уголовной ответственности, усиливая тем самым защиту человека за счет общей заинтересованности социума в охране общественного порядка и предотвращении преступлений.

52. Непонятно, как настоящее Постановление Европейского Суда повлияет на конкретную ситуацию заявителя в практическом плане, однако в делах, касающихся высылки после вынесения обвинительного приговора, постановления Суда, если говорить в общих чертах, могут на практике привести: (i) к более полной оценке всех критериев, сформулированных в деле «Маслов против Австрии», при рассмотрении вопроса об отмене распоряжения о высылке, (ii) к повышенному вниманию к вопросу об уменьшении уголовной ответственности из-за психического заболевания при оценке характера и степени тяжести совершенного преступления и (iii) к повышенному вниманию к сроку действия запрета на въезд в ходе оценки соразмерности решения о высылке после вынесения обвинительного приговора.

¹ *Ex nunc* (лат.) – отныне, с этого момента (примеч. редактора).

² *Ex tunc* (лат.) – с самого начала (примеч. редактора).

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ВЫНЕСЛА ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АБДИ ИБРАГИМ ПРОТИВ НОРВЕГИИ»¹

Дело касалось решения норвежских властей разрешить усыновление ребенка приемной семьей против воли его матери.

Заявительница – Мария Абди Ибрагим, гражданка Сомали, 1993 года рождения. Сын заявительницы, родившийся в 2009 году в Сомали, после переезда заявительницы в Норвегию, где ей был предоставлен статус беженки, был передан в приемную семью: детско-родительский центр, в котором заявительница первоначально находилась для оказания помощи по уходу за сыном, сообщил службам социального обеспечения, что ребенок находится в группе риска.

Впоследствии ребенок был передан в христианскую семью, хотя заявительница утверждала, что его следует передать либо ее двоюродным братьям, либо в сомалийскую или мусульманскую семью.

В 2010 году матери было разрешено видеться с сыном четыре раза в год по два часа. В 2011 году режим изменили на часовые встречи шесть раз в год. В 2013 году было принято решение о запуске процедуры усыновления ребенка приемной семьей, что означало лишение матери родительских прав и возможности видеться с ним.

В апелляционной жалобе заявительница не просила вернуть ребенка, поскольку он действительно долгое время провел со своими опекунами, к которым привязался, но настаивала на продолжении контактов с ним, чтобы он мог сохранить свои культурные и религиозные корни.

В мае 2015 года суд высокой инстанции большинством голосов отклонил требование заявительницы и разрешил усыновление. Решение во многом было основано на привязанности ребенка к приемной семье и его негативной реакции на контакт с матерью. Кроме того, ребенок был крайне ранимым и нуждался в стабильной обстановке. В этом контексте усыновление означало бы невозможность для заявительницы рассчитывать на возвращение ребенка в будущем и исключало потенциальный конфликт между ней и приемными родителями. При вынесении решения суд учитывал мнение заявительницы относительно христианского вероисповедания семьи усыновителей и связанные с этим вопросы.

С 2013 года и до решения Высокого суда в 2015 году ребенок и заявительница встречались дважды. В сентябре 2015 года ей было отказано в праве на подачу апелляции.

Жалоба была подана в Европейский Суд по правам человека 17 марта 2016 г. Заявительница жаловалась на лишение ее родительских прав и выдачу разрешения на усыновление.

17 декабря 2019 г. Палата Европейского Суда постановила, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

11 мая 2020 г. Коллегия Большой Палаты удовлетворила ходатайство заявительницы о пересмотре дела в Большой Палате Суда. В своем ходатайстве заявительница, в частности, утверждала, что на протяжении всего периода судебного разбирательства она открыто заявляла о своей религиозной принадлежности и особых пожеланиях относительно воспитания сына. Между тем усыновление разорвало все связи ребенка с религией, поскольку приемная семья крестила его. Заявительница также требовала, чтобы Европейский Суд указал властям Норвегии на обязательную силу его решений в части возобновления процедуры усыновления с учетом ее пожеланий.

Власти Чешской Республики, Дании и Турции, а также неправительственная организация AIRE Center и приемные родители ребенка участвовали в разбирательстве в качестве третьих сторон.

Основная причина ходатайства заявительницы о передаче ее дела в Большую Палату заключалась в том, что в Постановлении Палаты все аргументы заявительницы были рассмотрены в соответствии со статьей 8 (право на уважение частной и семейной жизни), а не частично в соответствии со статьей 9 (свобода мысли, совести и религии). Тем не менее Большая Палата сочла, что желание заявительницы, касающееся воспитания ее сына в соответствии с ее мусульманской верой, может рассматриваться как неотъемлемая часть ее жалобы на нарушение статьи 8, как ее интерпретируют и применяют в свете статьи 9 Конвенции, без необходимости отдельного рассмотрения жалобы на нарушение статьи 9 Конвенции.

Большая Палата далее отметила, что помещение ребенка в семью, исповедующую мусульманскую веру, не было единственной возможностью соблюсти права заявительницы на уважение семейной жизни в значении, вытекающем из интерпретации статьи 8 Конвенции в свете положений статьи 9 Конвенции. Суды Норвегии учитывали интересы всех сторон процесса, в частности, психологическое состояние сына заявительницы. Более того, в международном праве существовало относительно широкое соглашение о том, что в подобных случаях власти не обязаны помещать ребенка в семью, разделяющую его / ее религиозную, этническую, культурную и языковую идентичность или идентичность его / ее родителей, но что они обязаны учитывать эти факторы. В любом случае власти предприняли попытки, хотя и безуспешные, найти приемную мусульманскую семью в связи с отсутствием приемных родителей из числа мигрантов.

Однако Суд установил, что лишение заявительницы возможности видеться с сыном после его усыновления не оставило ей хотя бы небольшого шанса на сохранение им связей с культурным и религиоз-

¹ По материалам Секретариата Европейского Суда по правам человека.

ным наследием. Иными словами, суды Норвегии не в полной мере учли интересы заявительницы.

Таким образом, Суд счел, что не было доказано, что имели место такие исключительные обстоятельства, которые оправдывали бы полный и окончательный разрыв связей между ребенком и заявительницей, или что основным требованием, лежащим в основе этого решения, были интересы ребенка. Следовательно, были нарушены требования статьи 8 Конвенции.

Большая Палата решила не указывать властям Норвегии, согласно статье 46 Конвенции, на обязательную силу решений Суда в части принятия каких-либо мер индивидуального характера, поскольку они могли бы повлечь за собой вмешательство в семейную жизнь ребенка и его приемных

родителей и привести к возникновению новых проблем по существу.

Что касается мер общего характера, Суд отметил, что Норвегия прилагает усилия для выполнения его постановлений, касающихся защиты детей, и находится в процессе принятия нового законодательства для решения системных проблем в этом направлении.

Суд единогласно постановил, что власти Норвегии должны выплатить заявительнице 30 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек. Он отклонил 14 голосами против трех остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Судьи Лемменс, Моток и Сергидес выразили особое мнение к Постановлению.